

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2014 – 8 (266)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2014**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке:
Е.С. Хазанов – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2014. – № 8 (266). – 196 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Нужна ли нам идеология?	5
<i>М. Делягин.</i> Крым для России – первый шаг возвращения в мир	33
<i>A. Малащенко.</i> Ислам: Вид из Кремля	54

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>З. Хабибулина.</i> Корпус мусульманского духовенства Республики Башкортостан: Состояние и тенденции развития	62
<i>A. Поломоинов, Э. Гурбанов, М. Яхъяев.</i> Ислам и поиски новой национальной идеологии на Северном Кавказе.....	73
<i>A. Рашид.</i> Что и почему нам следует знать о Центральной Азии	85
<i>A. Казанцев, Л. Гусев.</i> Прогноз деятельности террористи- ческих организаций в странах Центральной Азии и Афганистане: Возможные пути противодействия в интересах безопасности РФ	98

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>O. Чекризова.</i> Исламский радикализм и экстремизм в Пакистане (Северо-Западный регион)	117
<i>B. Долгов.</i> Алжир	132
<i>Э. Касаев.</i> Успехи и амбиции «мощного карлика».....	151

B. Кириченко. Политический кризис в Йемене: Социально-экономический, религиозный и племенной факторы.....	160
--	-----

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

A. Цуркан. Классификация политических моделей исламских стран с учетом фактора исламского радикализма.....	169
A. Шишкина. Интернет-цензура и «арабская весна»	182

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

НУЖНА ЛИ НАМ ИДЕОЛОГИЯ?

В обсуждении принимают участие доктор философских наук, профессор, академик РАО Л.П. Буева, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН И.В. Егорова.

Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор П.С. Гуревич.

П. Гуревич. В 1926 г. видный итальянский коммунист Антонио Грамши оказался в тюрьме. Долгие дни и ночи пришлось провести в застенке. Он был освобожден только в 1934 г. До кончины оставалось всего четыре года. Там, в камере, он начал писать «Тюремные тетради», которые позже принесли ему огромную славу. Его размышления были изданы позже на многих языках. Темы, затронутые в «Тетрадях», касались самых разных аспектов гуманистического знания. Особый интерес автора вызвали поворотные события политической истории. Он стремился осмыслить опыт Реформации, Французской революции, русской революции 1917 г. Две темы из этого обширного перечня политических сюжетов оказались весьма волнующими: проблема гегемонии и отождествление политики со страстью. Обычно первая тема сопряжена с обсуждением насилия, его оправданности и тех издержек, которые с ним связаны.

Рассуждения Грамши поразили своей нетривиальностью. Да, революция неизбежно приводит к гегемонии, к принуждению. Но она не обязательно должна обернуться только насилием. Власть держится не только на диктате покорности. Она укрепляется главным образом согласием граждан. Не просто вынужденной поддержкой власти, но еще и убежденностью в справедливости того, что предлагают властители. Полемизируя с другим видным итальянским теоретиком, Б. Кроче, Грамши утверждает правомочность

идеологии. Политическая инициатива может носить «наступательный характер», вести постоянные атаки, давить на противника. Но она способна также к серьезной социальной полемике. Необходимо не только насилие, но и идеологическое убеждение. Создание и распространение идеологий – святая обязанность теоретиков, обученных, представителей интеллигенции.

Власть не может обеспечить собственное величие без идеологии, массам тоже она нужна. Сегодня в нашей стране часто се-туют на то, что в существующей Конституции Российской Федерации говорится о недопустимости любой государственной идеологии. Многие политики считают это ошибкой. Они ратуют за возрождение идеологии. Толкуют о том, что без идеологии страна не может решить поставленные перед нею исторические задачи. В связи этим хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. Каковы исторические судьбы идеологии?
2. Какова ее роль в современном мире?
3. Что принесет нам консервативная идеология, взятая сегодня на вооружение?

Каковы исторические судьбы идеологии?

Л. Буева. Вокруг этого понятия происходит сегодня нечто невообразимое. О нем затосковали не только политики, но и учёные, чиновники, бизнесмены. Оживилось племя идеологизаторов. Маёта по идеологии охватила даже широкие массы людей. Многие вспоминают как отрадный исторический период времена, когда генсеком был Л.И. Брежнев. При этом конкретные обнаружения этой тоски по идеологии подчас выглядят курьезно. Ответственный и весьма популярный в стране еженедельник под Новый год заявляет: «Без внятной государственной идеологии елка становится скучной». Напрочь забыт прекрасный фильм «Карнавальная ночь», в котором как раз государственная идеология обеспечила в тот новогодний вечер необоримую тяжесть скукотищи. Вице-губернатор Пензенской области Вячеслав Сатин заявил: «Нам нужна новая идеология, новый методологический подход». Знаете ли вы, по какому поводу прозвучали эти слова? Он сказал: «Мы должны ввести план по родам. Вплоть до плана по зачатию!» Честное слово, тут нужен неизбывный талант Игоря Ильинского, который мог бы с непередаваемой серьезностью произнести с экрана эти слова. Суперкомический эффект гарантирован.

И. Егорова. А может быть, никакого комизма и не предвидится. «Умное лицо – это еще не признак ума, господа», – сказано в популярном фильме. Не будет ошибкой сказать, что началась полоса активной девальвации идеологии под видом оперативного, неумолимого ее возрождения. Идеологию наделяют такими авторитарными смыслами, что кажется, будто политики в очередной раз решили реализовать утопии Оруэлла или Замятina. Она, по замыслу очередных идеологизаторов, должна незамедлительно вторгнуться в личную жизнь людей, мобилизовать их, принудить к единомыслию, к тупой покорности. Летопись идеологии как феномена, ее смысл и предназначение отвергнуты. Однако история наказывает тех, кто не учитывает ее уроки. Идеологизаторы ведут себя так, словно в минувшем столетии не было яростных споров относительно судьбы этого феномена, не сталкивались различные социологические концепции. Невольно вспоминается фраза М. Горбачёва: «Относительно плюрализма не может быть двух мнений, он нам нужен».

П. Гуревич. Такое простецкое отношение к идеологии особенно поразительно, если учесть, что к ее трезвому осмыслению подключились в конце минувшего столетия и начале нынешнего выдающиеся современные философы, в том числе Поль Рикер, Жак Бодрийяр, Юрген Хабермас, Славой Жижек и другие мыслители. Проблема вовсе не так проста, как кажется на трибуне Государственной думы. Невольно рождается тревога, не готовы ли мы в очередной раз профанировать важнейшие социальные понятия, прагматизировать их глубочайший смысл и войти в царство абсурда. Упаси Бог, если принудительная сила идеологии коснется столь укромных сфер человеческой жизни, как зачатие. Не приведи Господь, если тоталитарная мощь идеологии будет мобилизована для укрепления властомании.

Л. Буева. Надеюсь, в нашем обсуждении мы не собираемся дискредитировать само понятие идеологии? Эту задачу в свое время блестяще выполнил Карл Маркс. Он объявил ее «ложным сознанием». В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса раскрыты такие аспекты теории идеологии, как происхождение идей, дана характеристика так называемого идеологического метода мышления, проведен анализ буржуазной идеологии как ложного сознания, рассмотрена социальная мифология. Вместе с тем в их работах подчеркнута активная роль сознания, субъективного фактора, проанализировано соотношение различных форм общественного сознания.

И. Егорова. Это общее суждение требует все же корректировки. Пожалуй, и до Маркса идеология подвергалась унижению. Вообще, надо полагать, первым, кто в Европе пытался последовательно развить и продумать вопросы, непосредственно связанные с раскрытием социальной сущности идеологии, можно считать итальянского мыслителя Н. Макиавелли. В его основном труде «Государь» были изложены серьезные мысли о роли идей в политических столкновениях. В работах Ф. Бэкона были рассмотрены некоторые познавательные особенности теории идеологии. Огромное значение для формирования концепции идеологии имела критика религии как формы идеологического сознания в трудах К. Гельвеция и П. Гольбаха. С XVIII в. «критика идеологии» имела преимущественно моральный характер. Идеология, согласно просветителям, должна изобличать политические институты как средства духовного воздействия на людей, вскрывать сущность религии как способа оправдания несправедливых социальных отношений. Одним словом, предполагалось, что именно идеология имеет шансы противостоять власти, поскольку она выступает в роли теоретического контролера официального государственного курса. Разве сегодня идеология находится в критическом дозоре?

Л. Буева. Когда современная власть ратует за возрождение идеологии, она меньше всего имеет в виду критическую функцию массовых идейных процессов. Напротив, она ищет в этом феномене возможность укрепления власти, поддержания единомыслия, порядка, необычайного ресурса воспитания масс в период духовного разномыслия. Нетрудно представить, что общий призыв к идеологизации масс при всех благих и оправданных намерениях может обернуться черносотенными или неоязыческими манифестациями, религиозным фанатизмом, идейной неразборчивостью. «Развязывание» языков и инспирация умов неоднократно приводили к расшатыванию власти, к идейному разброду. Поэтому в конкретной исторической практике нередко полезнее оказывается идеологическое воздержание или явная деполитизация масс. Вопрос в том, какой исторический момент переживает Россия и нужна ли ей сегодня идеология?

И. Егорова. И все же, Людмила Пантелеевна, в жизни каждого народа или страны возникает такая ситуация, когда призыв к единой идеологии оправдан. Могли ли национально-освободительные устремления получить реализацию, если бы они не были воодушевлены общей идеей свободы? Разве музыка Верди не звала на борьбу против австрийских угнетателей? Могли ли форми-

роваться национальные государства без призывной, рекрутированной идеологии? Неужели приверженцы социалистических идей пришли бы к власти, если бы не стремились внедрить в массы собственные идеи? Выходит, власть всегда рискует, когда призывает к идеологической мобилизации. В истории случается, что ветхозаветный российский национализм на пике собственного акме имеет шанс парадоксально пробудить тягу к европеизации. Идеология русского народа, «русскости» может вызвать к жизни различные национальные «измы». Фундаментальное православие способно вызвать эффект реисламизации. Прежде чем ринуться в пучины идеологизации, надо просчитать и возможные последствия безрассудной индоктринизации.

П. Гуревич. Может быть, именно поэтому идеология, как правило, зовет в незнаемое. Неслучайно видный словенский культуролог и социальный философ Славой Жижек отмечает, что «идеологической» социальная действительность становится тогда, когда есть незнание. Это проверенное философское суждение. А ведь отечественные идеологизаторы полагают, что именно утверждение конкретной идеологии обеспечит кристальную мировоззренческую ясность и идеальный порядок. На самом деле носителем незнания являются субъекты данной исторической ситуации. Это можно трактовать так: в любой идеологической ситуации есть «слепое пятно», которое скрывает от человека нечто, безусловно важное. Так, голый король из сказки Андерсена не ведает, что он голый. В той же мере жертва либерально-демократической идеологии не знает, что свобода, которой он кладет на заклание все свои силы и саму жизнь, с необходимостью оборачивается его закрепощением в том случае, если у него нет достаточного капитала, который позволил бы ему жить, не продавая свою рабочую силу. Он борется за свободу, но не как истекающий кровью, ползущий на баррикаду человек на картине французского художника Эжена Делакруа. Он такой раб свободы, который ползет к прекрасной деве с красным флагом, но приползает всегда в одно и то же рабство, в одну и ту же необходимость отказаться от всякой свободы ради куска хлеба для себя и своих детей. Граждане современной России ощутили это на своей судьбе. А ведь безграницная свобода казалась таким соблазном, что верилось: «иного не дано». Сегодня от этого жаркого энтузиазма осталось только пережеванная правда: «Свобода лучше, чем несвобода».

Л. Буева. Жертва либеральной идеологии не знает, что свобода – это совсем не то, что нарисовано на полотне живописца Э. Делакруа. Он проливает кровь не за свободу как таковую, а в основном за свободу собственности, за которую и борется сформировавшийся новый класс во времена Французской буржуазной революции. Он еще не знает, что свобода слова, совести, вероисповедания и пр. – это периферийные свободы, обслуживающие главную: свободу иметь имущество, независимо ни от чего. И ничего плохого нет во всех этих свободах, если у тебя есть собственность. Даже если у тебя ее недостаточно и ты вынужден работать, то ничего плохого нет и для тебя, только ты хорошо должен знать цену, которую лично тебе приходится платить за радость жить в либерально-демократическом обществе. Вот эта изнанка идеологии осознается далеко не сразу.

И. Егорова. Значит, логика критиков идеологии не беспочвенна. Не знание, а идеология не может быть универсальной, она всегда что-то упускает, влечет к идеологическому плению. В ходе идеологического просвещения идеология может обрушить самое себя. Кстати, об этом неплохо написал немецкий философ Петер Слотердайк. Он в своей недавней книге «Критика циничного разума» утверждает, что после внушительной критики идеологии наступает ее смерть. Но тогда на смену ей приходит еще одна форма ложного сознания, которая пострашнее идеологии. Имя ей цинизм. Рассчитавшись с идеологией, мы рискуем войти в царство непристойного скепсиса.

П. Гуревич. Своевременное предупреждение. Нам, судя по всему, предстоит разобраться в своеобразном духовном феномене, который называется «критика идеологии». Ведь это огромная духовная традиция, к которой, кстати, причастен и Карл Маркс. Родившись в эпоху Просвещения, «критика идеологии» противостоит сегодня любой идейной мобилизации, в известной степени затемняет роль идеологии в истории. В XVIII в. критика идеологии выполняла важнейшую социальную функцию – она была манифестом борьбы. Эта критика не только сокрушала консервативно-самодовольное сознание. Она служила плацдармом, на котором оттачивалась социальная мысль, играла роль своеобразного духовного тренинга. Именно об этом говорится в книге «Критика циничного разума». В то же время «критика идеологии» утрачивает всякую диалогичность. Слотердайк оценивает любого идейного противника как «клинический случай», как патологический феномен. Здесь очевидна опасность идейного фанатизма. Нет необхо-

димости снова приводить известные исторические примеры. Идейная ярость не всегда продуктивна. Чаще всего она губительна.

Л. Буева. Но разве такая идеологическая беспощадность не приносит пользу? Расчеты с любым пристрастным мнением, с духовными заблуждениями – неужели не пробуждают ростки нового мышления? Критика идеологии позволяла обнаружить тайные, неявные мотивы противника. Она стремилась представить общественности воспроизведение ложного и несвободного сознания. Разве в наши дни существует такая неистовая диагностика духовных процессов?

И. Егорова. Я-то как раз убеждена в том, что такого идеологического фанатизма сегодня предостаточно. С каким напором, к примеру, критикуется в наши дни либеральная идеология! Да, реализация либерального проекта в нашей стране обернулась многими утратами. Да, Конституция РФ 1993 г. закрепила ценности либеральной идеологии в качестве общеобязательных, игнорируя иные идеологические ориентиры. Но ведь базовые ценности либеральной идеологии – священность и неотчуждаемость естественных прав и свобод личности (права на жизнь, свободу и частную собственность). Не вытравится ли из общественного сознания в результате такой идеологической агрессии значимость достижений либеральной мысли? Различного рода телевизионные «барьеры» сегодня преследуют единственную цель – перекричать собеседника, сразить его мощью идеологического напора. За всем этим ощущается пагубная потребность в единственно правильной идеологии. Провозвание диалога как крупнейшего достижения философии минувшего столетия начисто игнорируется. Во всем отыскивается не рациональное зерно, а неистинность и злая воля. Всякое заблуждение квалифицируется как злонамеренная идеология. Но при этом в идейном багаже не оказывается собственно никакого позитивного содержания.

П. Гуревич. Это и дает основание мыслителям указать на нынешнее онаучивание идеологии. Она выступает теперь во всеоружии теоретической серьезности, апеллируя к марксизму, психоанализу, постмодернизму, синергетике. Разворачивается «холодная война» сознаний. Но беда в том, что никто никого не слышит. Критика идеологий, став серьезной, подражает в своем подходе хирургии: она стремится вскрыть пациента скальпелем критики и, надлежащим образом все продезинфицировав, оперировать. Стиль аргументации при критике идеологии – от критики религии в XVIII столетии до критики национализма в XX в. – характеризует

поза обличителя. Повсюду разоблачаются внерациональные механизмы, порождающие мнения, – интересы, страсти, фиксации, иллюзии. Однако на деле число социальных мифов множится.

Л. Буева. Изобличение иллюзий – разве не в этом миссия социального мыслителя, идеолога? Власть стремится узаконить свое первородство именно с помощью социальных мифов и фальсификаций. Она уже научилась адаптироваться к массовым иллюзиям. Здесь и обнаруживается потребность в «критике идеологии». Идеология по самому своему призванию борется с инакомыслием, с нетривиальным подходом к общественным процессам. Она догматична и направлена против всякого творчества.

И. Егорова. Нет сомнений в том, что идеология стягивает все мыслительное, духовное богатство к обоснованию одной «правды», одного «голоса». Она создает всечеловеческую стилистику, но выражает ограниченную точку зрения. В том-то и дело, что и «критика идеологии» демонстрирует, в конечном счете, формальное многомыслие. Да, идеологии свойственно фанатичное деление мира на фатально противостоящие друг другу системы идей. Отсюда гневное осуждение универсального человеческого опыта. Но не подпадаем ли мы при этом под скромное обаяние «критики идеологии», которое не позволяет развернуться полноценному духовному диалогу, подменяя его множеством автономных голосов?

П. Гуревич. Между прочим, Жижек не соглашается со Слоттердайком. Смысл идеологии, считает он, состоит не только в «думании». Если бы это было так, то тогда «критика идеологии», раскрыв все карты обмана, привела бы к краху «ложного сознания». Тогда не было бы в мире больше никакого идеологического принуждения и эксплуатации. Но дело в том, считает Жижек, что идеология гнездится вовсе не на уровне «думания», а на уровне «делания», что (в его терминах) идеология – это не симптом, а фантазм; значит, понять, что тебя обманывают, вовсе недостаточно для того, чтобы не быть обманутым вновь. Сколько бы ни разоблачали идеологию, она способна торжествовать вновь, хотя все ее секреты давно изведены. Не раз в истории западного мира заявляли об окончательном крахе и гибели идеологии как феномена. Не раз в этой истории ее триумф возобновлялся. Политик, претендующий на значительные социальные перспективы, просто по определению не может обойтись без идеологии.

Л. Буева. Да, французский философ Поль Рикер полагает, что в понятие «идеология» не следует вкладывать тот уничижи-

тельный смысл, который придавал ему Маркс. Такая трактовка сложилась через призму классовой борьбы, которая требовала искажения реальности. Это, согласно Рикеру, партикулярная характеристика идеологии. Идеология, считает он, не обязательно является «ложным сознанием». Правильнее связывать с ней особый метод мышления, типичный для французского Просвещения. Для мыслителей этой эпохи, таких, например, как Дестют де Траси, идеология означает теории или доктрину идей. Именно Наполеон впервые употребил это слово в негативном смысле, назвав «интеллектуалов» и «идеологов» своими врагами. Возможно, современная власть имеет в виду именно это – позитивное – толкование идеологии?

И. Егорова. Само слово «идеология» впервые ввел в употребление А. Дестют де Траси в 1796 г. На рубеже XVIII–XIX вв. поздние просветители превратили учение об идеях в морально-политическую доктрину, подчеркивая активный характер, практическую значимость идеологии. Деятели того времени пытались теоретически осмыслить, как философские идеи влияют на политику. В частности, П. Кабанис полагал, что именно идеи оказывают наибольшее влияние на общественную мораль, которая рассматривалась им в качестве источника политических страстей.

П. Гуревич. Да, именно в тот период группа французских экономистов, философов, естествоиспытателей (А. Дестют де Траси, П. Кабанис, Э. Кондильяк, К. Вольней, Ж. Гара) использовала новое слово «идеология» для обозначения теоретической дисциплины, призванной заниматься изучением генезиса и функционирования идей. Термин «идеология», таким образом, первоначально означал «науку об идеях». Эти мыслители предполагали создать особую философскую дисциплину, предназначенную изучать методологические основы всех наук. Идеология как самостоятельная наука должна была, по словам П. Кабаниса, иметь в настоящем или будущем непосредственное приложение к изысканиям и работам мыслителя, моралиста и законодателя. Какой парадокс подготовила история! Слово «идеология», придуманное специально для обозначения трезвого, беспристрастного мышления, стало затем синонимом обмана и фальсификации социальной правды.

Л. Буева. Коллеги, можно ли предполагать, что эта традиция, согласно которой идеология считалась теоретической основой общества, была затем утрачена? Идеология в нашем сознании долгое время отождествлялась с разного рода мистификациями, мифами, иллюзиями, которые лишь затемняют общественное сознание?

ние. Немецкий философ Юрген Хабермас даже писал так: «Идеология является бытующей мистикой». «Критика идеологии» составила целый этап в истории западного мира. Французский философ Жак Лакан доказывал, что человеческое сознание вообще является «ложным» уже на доречевой стадии своего развития. В дальнейшем, по его мнению, самоотчуждение индивида нарастает в связи с расширением сложности символических систем, в которые он включается. Так, человек все более и более, по словам Ж. Лакана, охватывается «идеологическим».

И. Егорова. Но хорошо известно, что разоблачение идеологии продолжалось в течение десятилетий. Не в этом ли смысл концепции деидеологизации философской и социально-политической концепции, которая получила широкое распространение на Западе в 50-х и 60-х годах прошлого столетия? Ее основоположники провозгласили «закат идеологии», устранив идеологию из обществоведения, политики, повседневной жизни. Деидеологизацией называют также направление теории, политики и практики, которая отвергает односторонне классовый, предельно идеологизированный подход к анализу и оценке социально-политических феноменов и процессов и отдает приоритет общечеловеческим интересам и ценностям перед классовыми и групповыми.

П. Гуревич. Это недолгое идеиное поветрие было вызвано докризисным процветанием западного мира. Тогда казалось вполне естественным представление о том, что в благоустроенном обществе, где отложены экономические, политические, социальные процессы, нужды в идеологии нет. Возникает совсем иной запрос: нужны специалисты, которые контролируют каждое звено общественной жизни, предлагают продуманные общественные решения. В самом деле, кому станут верить люди – социальному мыслителю, специалисту, который предлагает «от имени науки» взвешенное и продуктивное суждение, или политику, который изо всех сил стимулирует «ярость масс»? Мода на харизматиков стала утрачиваться. На вершинах власти оказались самые заурядные политики, не поражающие избирателей ни умом, ни личностными качествами, ни моральной стойкостью. Пришло время технократов. Они прониклись мыслью, что с помощью индустриального переворота, искусственной социоинженерной экспертизы и тотального планирования в национальных масштабах можно не только обеспечить благосостояние людей, но и значительно ускорить темпы социального прогресса. Технократы внедряли в общественное сознание представление о том, будто социальная ткань податлива и мягка. Она

может выкраиваться по идеальному стандарту, подсказанныму наукой. Эта идея родилась в сознании технократов, высококвалифицированных специалистов в бизнесе, в организации производства, планировании досуга. Укоренившись в различных звеньях общественного организма, эксперты, естественно, были убеждены в своей необычной миссии.

Л. Буева. Но что же заставило социальных мыслителей так стремительно отмежеваться от концепции «идеологизации», которую они сами же пестовали? Я полагаю, что идеологизация выражала некий мираж, иллюзию. Ведь монетаризм сам по себе тоже является идеологией, разве не так? Формально он сводится к набору экономических экспертиз и рекомендаций. Но при этом исходит из широкого круга мировоззренческих проблем – трактовка смысла жизни, ориентировка поведения, ценностные идеалы, инспирация рыночных оценок в тех сферах жизни, где они недопустимы. Любовь в рыночном обществе предлагается в качестве товара, дружба – как выгодные партнерские отношения. Разрастаясь в качестве чисто экономической модели, монетаризм стал обогащаться многочисленными идеальными сюжетами. Так на фоне идеологической пустоты утвердилась «новая идеология жизни».

И. Егорова. В идейной жизни этот процесс вызвал обновленную веру в идеологию. Смысл новой концепции – реидеологизации – обозначен приставкой «ре», предполагающей возрождение идеологии, усиление ее роли в современном мире. В начале 1970-х годов ведущие теоретики «реидеологизации» (Р. Арон, Д. Белл, О. Лемберг, Р. Нисбет и др.) объявили, что в современном мире происходит бурное обновление духа, обнаружены и задействованы дремавшие до сих пор мировоззренческие ресурсы, укрепляется утраченная в минувшие десятилетия вера в мобилизационную мощь идеологии капитализма. Ныне реидеологизация трактуется как развернувшееся массовое приобщение широких слоев населения к идеалам и ценностям современного потребительского общества.

П. Гуревич. Уже полвека назад социологи писали о том, что процесс реидеологизации находится у самых своих истоков. Его успешному развитию может содействовать некоторая критика капитализма, стремление придать ему более четко выраженные «неоконсервативные» (Д. Белл), «неолиберальные» (Д. Уилхем) или умеренно радикальные очертания (Ж. Леметр). Но социальная практика столкнулась с неразрешимыми для нее проблемами. Можно ли действительно говорить об «исчезновении идеологий»? Могут ли вообще затихнуть политические страсти, если современ-

ное общество чревато внутренними катаклизмами? Каково мировоззрение тех, кто объявляет себя противниками идеологии? В самом деле, могут ли отдельный человек или общество в целом обойтись без целостной картины мира? Важно отметить, что многие западные социологи, в их числе Р. Миллс, И. Горовиц, Н. Бирнбаум, Дж. Лаполамбара, еще до того как самих поборников деидеологизации стали одолевать сомнения, показали уязвимость этой концепции. Они раскрыли конкретные противоречия, присущие ей. По справедливому замечанию Р. Фридрикса, концепция «деидеологизации» превратилась самым катастрофическим и фатальным образом в своего рода «социологический курьез».

Какова роль идеологии в современном мире?

Л. Буева. Не забавно ли, что в роли инициаторов концепции реидеологизации выступили те западные исследователи, преимущественно социологи, которые активно пропагандировали созданную ими концепцию деидеологизации? Р. Арон, З. Бжезинский, Д. Белл, С. Липсет, Шилз. Теперь все они стали говорить, что, в сущности, они всегда были реидеологизаторами. Беда лишь в том, что научная общественность не сумела оценить утонченность их мотивировок. В результате, мол, появились упрощенные, а подчас и извращенные версии тех воззрений, которые исповедовали указанные авторы. Словом, их не поняли, неверно прокомментировали и т.п. Р. Арон уже в конце 1960-х годов объявил, что «закат идеологии» стал анахронизмом. По его мнению, мы живем в век «разрастающейся и углубляющейся идеологизации». З. Бжезинский утверждал, что сегодня выигрывают те общественные силы, которые обращаются к массовым идеалам, учитывают потребность людей в ценностных ориентациях. Поиск воодушевляющих истин больше уже не рассматривался как «ненужное доктринерство», как «дань абстрактному и бесплодному гуманизму». Напротив, идеологи, социологи и политологи стали настаивать на том, что люди испытывают весьма сильную, трудно насыщаемую потребность в идеях, мотивирующих их поведение.

И. Егорова. Мне кажется, что реидеологизatorская волна имеет некоторые общие черты. Все теоретики, придерживающиеся новой тенденции, говорят о возросшей роли идей в современном мире. Смысл этих умонастроений весьма отчетливо выражен в афоризме: «Человеку идеология нужна как воздух». Все реидеологизаторы, независимо от конкретных ориентаций, придерживают-

ся единой платформы: они убеждены в том, что мир крайне нуждается в новых мировоззрениях, ибо прежние утратили способность быть средством социальной ориентации. Всем «реидеологизаторским» направлениям присущее мессианство, вера в собственную историческую миссию, в то, что именно данное конкретное воззрение явится прологом к новой фазе человеческой истории. Отсюда проекты «глобальной идеологии», оцениваемой уже позитивно, как факт, отражающий общественные потребности. Реидеологизаторы ищут ядро «новой идеологии», некое наиболее важное устремление, которое способно сообщить энергию и привлекательность новому мировоззрению.

П. Гуревич. Зерно возникающей «глобальной идеологии» Т. Парсонс усматривал в «религии всеобщей любви», Э. Фромм – в «революции надежды», Т. Роззак – в «старом гнозисе», т.е. возрождении шаманистики, магии, первобытной фантазии. Сообщалось, что новое мировоззрение, столь нужное современному миру, будет свободным от односторонности. В этом новом духовном образовании будут интегрированы разные тенденции, гармонизированы интересы разных социальных групп. Реидеологизация – сложное и многоплановое явление. Она взята на вооружение различными идеально-политическими течениями современного мира. Возникновение данной идейной волны отразилось на всех направлениях западной мысли, трансформировав либерализм, и консерватизм, и леворадикальное сознание. В этом русле лежат попытки буржуазных партий (республиканской и демократической в США, лейбористской в Англии и др.) опереться на обновленные политические программы, укрепить свой престиж. И чем же все это завершилось? Идеология оттеснила науку, философию. Началась полоса безраздельной идеологизации всей социальной жизни. Идеология окончательно короновала себя в современном мире. Нет такой сферы существования, будь то конкурсы красоты или спортивные состязания, политические распри или расшифровка генома, которая не оказалась бы идеологизированной. Почитайте работы современных генетиков. Их волнуют уже не только тайны природы. Они готовы выступить и в роли социальных реформаторов.

Л. Буева. Мы подвергли осуждению идеологию и ее критику, крах идеологии и реидеологизаторскую волну. Каков же «сухой остаток»?

И. Егорова. Он как раз в том, что опасно браться за новое идеологическое творчество, не усвоив уроки истории. Можно ли

считать, что концепция деидеологизации полностью несостоятельна? Это было бы упрощением проблемы. Ведь остается в силе предположение, что главная задача власти состоит вовсе не в том, чтобы представить народу развернутую идеологию. Ей предстоит, прежде всего, использовать достижения социальной философии и организовать общественную жизнь с учетом достижений экономики, социологии и других сфер гуманитарного знания. Запрос на идеологию, безусловно, отражает неспособность власти сохранить себя без использования социальной мифологии. Либеральная власть в нашей стране полагала, что она реализовала запрет на огосударствление идеологии. И в этом был исторический смысл. Трудно было в тех условиях обеспечить переход страны к новому жизненному укладу без серьезных расчетов с авторитарным наследием, без оценки возможной идейной заразы, которая находит свою опору то в национализме, то в неоязычестве, то в воинствующем атеизме.

П. Гуревич. Да, любая политическая сила, прияя к власти, начинает уже не разоблачать идеологию как феномен, а укреплять собственные идеологические позиции. Именно поэтому, мне кажется, нет особого смысла разоблачать концепцию деидеологизации. Не зря говорится, что из мертвого тела философии XIX в. явились на свет современные науки теории власти, такие как политология, теория классовой борьбы, технократия, витализм – в любом обличье вооруженные до зубов. Не точнее ли предположить, что в исторической общественной практике иллюзии и парадоксы деидеологизации время от времени сменяются грезами реидеологизации? Ни та, ни другая концепция не могут претендовать на универсальность. Убеждение в том, что без идеологии общество существовать не может, зачастую сменяется резким разоблачением господствующих социальных мифов.

Л. Буева. В современной России реидеологизаторская тенденция выражена весьма отчетливо. Она находит отражение и в поисках «национальной идеи», и в стремлении построить национальное патриотическое государство, и в желании приобщить страну к достижениям мировой цивилизации, и в желании выстроить протекшую историю по лекалам современных властных полномочий. Мне кажется, что огромные усилия, которые прилагаются к разоблачению деидеологизации, отвлекают от главной задачи – поисков позитивных идеологических ресурсов. Ведь чаще всего политики и эксперты говорят не об идеологии, а о социальном проекте.

И. Егорова. Опасность идеологии вообще обнаруживается в том, что она отчуждает реальность. Благодаря социальной мифологии люди погружаются в мир грез, абсурда, живут в галлюцинаторном мире. Это отвечает интересам власти, которая неправляется с действительными общественными проблемами. Идеология, как только она оформилась в качестве специфического явления, вызвала высокомерное отношение к жизни, здравому смыслу, историческому опыту, не освященному духом «научности». Она предстала как некое, внесенное «сверху» сознание, которое навязывается массам или целым народам подчас вопреки здравому опыту, житейской практике. Вся история с «раскрестьяниванием» разве не наглядная иллюстрация противостояния тысячелетнему уникальному опыту сельчан? Наконец, разве сама принудительность идеологии, которая насаждается, усваивается, закрепляется, не служит мостиком к тоталитаризму?

П. Гуревич. В то же время очевидно, что приход к власти В.В. Путина и артикулированная им идея сохранения сильного Российского государства отражала назревшие социальные тенденции. Мне кажется, что наша страна упустила возможность ясной и убедительной философской трактовки этой идеи. Понятное дело, что ссылки на две-три цитаты И.А. Ильина не могли заменить эту задачу. Нам явно не хватило полноценной дискуссии о предпосылках «нормальной государственности», о сущности и механизмах государственной власти, о праве и правосознании, о правопорядке. Дефицит проблемной сложности этой темы, сублимированной цитатностью, не позволил придать данной исторической ситуации мировоззренческой напряженности. Прояснение национального самосознания незаметно превратилось в обыкновенную апологию власти.

Л. Буева. Я согласна с тем, что идеология только тогда обретает жизненность, когда она отражает назревшие общественные тенденции, поддерживается народом, закрепляет энтузиазм масс. Важно не только озвучить назревшую идею, но придать ей также историческую объемность. Между тем «программа Путина» на протяжении двух десятилетий не обрела социологической и теоретической конкретности. Под нее неизменно подверстывались различные аспекты политической конъюнктуры. Президенту удавалось создать иллюзию полного единомыслия с каждой конкретной идеологической стратой. Разномыслие стало мимикрировать в показное единство.

П. Гуревич. Давайте поставим вопрос: при каких условиях сомнительное значение слова «идеология» не будет бросаться в глаза, несмотря на то что оно в конце концов вытекает из самой дефиниции? В качестве отправной точки анализа можно взять положение Макса Вебера о социальной интеграции. Немецкий философ действительно дает относительно исчерпывающее объяснение социальных отношений, не ограничивая его двумя понятиями – господство и конфликт. Именно на уровне такой осмыслинной, сориентированной на другого члена общества и социально интегрированной деятельности феномен идеологии приобретает свое первоначальное значение. Особенно подчеркнем понятие «социально осмыслинного поведения».

Л. Буева. Да, к сожалению, современные события не осмысливаются. В самом деле, ведь постижение смысла происходящего предполагает обращение к социальной памяти и вместе с тем воссоздание определенного образа этой памяти в форме уже опосредованного отношения к реальным фактам прошлого. При опосредованном отношении к «основополагающим событиям» проявляется четкая тенденция к замене убеждения простым одобрением, логическим обоснованием, иначе говоря, рационализацией, если воспользоваться психоаналитическим термином. Идеологи, по сути дела, дают ответ на все сомнения, возникающие между прошлым и настоящим. Идеология не просто отражает некие основные силы, она принадлежит к символической сюжетике группы, связывает перспективу и память.

И. Егорова. Все идеологии схематичны и упрощены. Это своеобразный тип кода, который позволяет социальным группам иметь всеобъемлющую точку зрения на самих себя, на историю и, в конечном счете, на весь мир. Кодового характера идеологии невозможно избежать, поскольку механизм ее воздействия направлен на обработку общественного мнения, которое скорее поддается управлению, нежели мышлению. Эта замена мышления мнением и является идеологическим феноменом. Идеология апеллирует к «измам» – либерализм, социализм, гуманизм. Пристрастие к лозунгам обнаруживает родство между риторикой и политикой, хорошо известное греческим и латинским мыслителям.

П. Гуревич. Я хотел бы привести исторический пример такой подмены, который, пожалуй, не осмыщен до конца социальными философами. Дело в том, что концепция деидеологизации создавалась от имени научного сознания. Власть на самом деле оказалась некоторое время распыленной между политиками и тех-

нократами. Политикам приходилось осваивать научную лексику, убеждая массы в том или ином социальном решении. Но сегодня роль научной технократии стушевалась. Политики все реже обращаются к голосу специалистов. Власть не слышит экспертов. Политическое решение отражает все что угодно, только не теоретически оправданное действие. Политик более чутко отзывается на социальную конъюнктуру, которая позволяет ему удержать власть.

Л. Буева. Мне кажется, что это происходит во всем мире и у нас, в России. В нашей стране в Общественной палате во время слушаний «проклонулась» такая неожиданность. В органах государственной власти и в силовых структурах не хватает 17 тыс. аналитиков. Может быть, власть не интересует мнение тех, кто способен дать серьезный аналитический разбор закона, который готовится к обсуждению. Но не исключено, что кто-то предумышленно нейтрализует важнейшие блоки трезвой, обоснованной информации. Если бы аналитики были допущены к расчетам денежных средств при финансировании «Роснано» и «Сколково», безудержных растрат не произошло бы. На самом деле, осознание ненужной роскоши при обеспечении проектов обнаружено уже Счетной палатой. Кажется, все оправданно. Избыточность средств установлена. Один социальный институт скорректировал другой. Но где же участие специалистов, аналитиков?

И. Егорова. Полагаю, что разгром Академии наук был бы остановлен, если бы в обществе был запрос на научную экспертизу. Более того, в обоснование этого разрушения толковали о том, что наука оказалась несостоятельной в тех или иных случаях, когда к ней обращалась власть. В печати не раз отмечали, что прогнозы и оценки С. Глазьева, М. Делягина, М. Хазина, В. Лепского, О. Смолина, В. Бабкина, Л. Ивашова, видных представителей Российской академии наук и Академии военных наук подтверждали неоднократно свою состоятельность.

П. Гуревич. Мне лично нравятся социальные экспертизы, которые принадлежат ректору Байкальского государственного университета экономики и права профессору Михаилу Винокурову. Возможно, они не безупречны. Однако почему они не становятся предметом критического разбора? Это чисто идеологический казус: не обращать внимания на то, что не востребовано политическим мнением. Могут возразить: еще в декабре 2001 г. президент России дал Академии наук и научному сообществу серьезное задание: обеспечить независимую экспертизу принимаемых государственных решений и прогноза аварий, бедствий и катастроф в

природной, техногенной и социальной сферах. Разве это задание было проигнорировано? Ничего подобного. Подготовленные экспертизы не получили ни поддержки, ни одобрения. Нельзя же, в самом деле, считать ликвидацию Академии наук своеобразным откликом на проделанную работу. Касаясь проблемы возможных корректив Конституции РФ, В.В. Путин в Послании Президента Федеральному Собранию РФ отметил: «Современной России необходима широкая общественная дискуссия, причем с практическими результатами, когда общественные инициативы становятся частью государственной политики и общество контролирует их исполнение». Но разве у нас есть опыт широкой общественной дискуссии по социальным вопросам? Где тогда хотя бы перечень проблем, которые требуют аналитического обсуждения?

Л. Буева. Дело даже не в том, что нет обсуждений и дискуссий. Они есть. Вот состоялась очередная ассамблея Совета по внешней и оборонной политике (СВОП). Собрали лучшие умы страны. Значима и тема: «Человеческий потенциал России: Как сохранить и приумножить?». На этом заседании политолог В. Третьяков заявил, что никаких инноваций на основе реформы образования не будет никогда. Их нет за последние 20 лет, и в ближайшие 120 лет, если будет продолжаться эта реформа, не будет. Разве кто-то в стране сомневается в точности этих выводов? Однако многие газеты напечатали эти слова как «особое мнение». Зачем тогда иллюзия обсуждений? Чтобы создать идеологическую видимость серьезной проработки проблемы, обмена мнениями. Механизм идеологии действует как бы за нашей спиной.

И. Егорова. Участие в историческом процессе предопределяет невозможность абсолютного знания. Политика все чаще обращается не к экспертизе, а к феномену целесообразности. Но целесообразно далеко не все, что научно. Трезвая оценка реальности может обеспечить социальную динамику. Идеологическая экспертиза действительного состояния общества рискует обеспечить временную стабилизацию. Но она всегда проигрывает в исторической перспективе. Не провоцирует ли это появление новых этажей «ложного сознания»? Так рушится вековая мечта социальных мыслителей – придать социальному развитию державную теоретическую оснастку.

П. Гуревич. Сегодня можно зафиксировать явную избыточность идеологий. Идеологизируется все – от социальной политики до новейшего научного открытия. В политической практике прошлого обнаруживались контрверзы либеральной, консервативной

тивной и радикальной идеологии. В наши дни картина чрезвычайно усложнилась. Мы оказались в сложном спектре идеологических воззрений. Всеохватная идеологизация глобализма вызвала к жизни антиглобализм. Побочным продуктом глобализации явилась идеология космополитизма, для которой «отечество сердца и воображения» (выражение В. Ключевского) оказывается там, где хранятся банковские вклады. Мощная тенденция к национальному нивелированию, к глобализации сознания наконец-то породила контраттенденцию.

Л. Буева. Это действительно так. Миллионы людей испытывают потребность в собственной национальной укорененности. Казалось бы, поиск идентичности, охвативший едва ли не все страны, мог носить лишь общекультурный характер. На самом деле, он оказался предельно идеологизированным. В японской культуре, например, для обоснования героической судьбы страны даже персонажи давних мифов используются как реальные исторические фигуры. Поводом для неизбывного национального самовозышения может служить даже победа сборной страны по футболу.

И. Егорова. Такая же задача, по сути дела, поставлена перед создателями нового учебника по истории. В нем особую ценность приобретают «достойные» события, сомнительное отсекается или просто игнорируется. Таким образом, устраивается мудрая мысль Гегеля о том, что в истории особую ценность обретает поучительное, будь это победа или поражение. Поиск самотождественности уже вызвал национальные войны, бесчисленные конфликты, неустранимые катастрофы. Прогноз З. Бжезинского ныне выглядит просто пародийным: «...преодолей в себе голос крови на базе новейших научных достижений...»

П. Гуревич. При такой идеологической креативности невольно закрадывается мысль: а может быть, для матушки-Истории этот азарт, социальный кипяток, «нас возвышающий обман» важнее, нежели здравый смысл, точный экспертный прогноз? В идеологии всегда присутствуют жар, клокотанье иллюзий, страстей. Может быть, идеология и есть локомотив истории? Не исключено в то же время, что она способна породить уныние и позор через беспощадное столкновение с реальностью, растрату жизненных сил, исторический проигрыш? Разве призрак коммунизма не прервал безоговорочное развитие России в начале минувшего столетия? Не обернулся ли блистательный и победоносный пафос фильма, с которого мы начали наше обсуждение, историческим провалом Германии?

Л. Буева. Но где же эти страсти в современных дискуссиях об идеологии? Читаю одного публициста. Вот установки придуманной им «интеллектуальной игры».

«1. Идеология должна подходить большинству населения России. Желательно, чтобы в ней присутствовала мысль об улучшении экологии Земли. Не нужно предлагать коммунизм, его не воспримут.

2. Идеология должна быть простой и понятной каждому. Люди должны понимать и знать, что надо делать. Не нужно предлагать всем выучить ядерную физику и сплотиться вокруг идеи, что у нас любой охранник понимает уравнение Шредингера. Народ просто не потянет такие закидоны.

3. Желательно, чтобы идеология была как-то подкреплена исторически. Пусть с натяжками, с выдумками и переставленными акцентами, но исторические примеры, что мы едины и правы в своей идеологии, должны быть обязательно. Историкам не впервые такое делать, пусть что-то придумают.

4. Ну и самое главное, у идеологии должна быть великая, но в то же время простая и понятная цель. Например, построить рай в отдельно взятой стране, построить космический корабль и улететь на фиг, заселить Россию слонами... Предлагайте, обсуждайте. Прошу только, без личностей. И еще думаю, что для выполнения идеи должна быть четкая программа действий».

И. Егорова. Да, впечатляющие технологии энтузиастов срочной идеологизации! Показательно, что здесь нет ни одной реальной проблемы. И это в стране, где экономика не развивается. Коррупция не слабеет. Законность становится волюнтаристской. Назревают межнациональные конфликты. Может быть, назревает некий социальный поворот, смена курса?

Что принесет нам консервативная идеология, взятая сегодня на вооружение?

П. Гуревич. В.В. Путин заявил о приверженности страны консервативной идеологии. Недавнее обращение к Федеральному Собранию только подчеркнуло этот факт, указав на то, что и дальше Россия будет двигаться в этом направлении. В эти дни эксперты обсуждают эти слова президента. Началось обсуждение неоконсервативного драйва.

Л. Буева. Все же слова «консерватизм» президент не произносил. Он поступил как настоящий идеолог. Явление обозначено,

но строго не зафиксировано. Можно полагать, что речь идет в первую очередь о положительной оценке исторической традиции. Нетрудно также осознать, что, демонстрируя приверженность стабильным ценностям, президент позиционирует себя как политического лидера, способного указать Европе на те ценностные установки, которые неприемлемы для России. Мы не станем пропагандировать однополые браки, толерантное отношение к распаду семей, отречение от национально-культурных корней народа. Политико-национальная история государства и нации оказывается в этом контексте образцом для подражания.

И. Егорова. Идеология невозможна без мессианства. Приверженность консерватизму означает обозначение исторической миссии России, которая может сегодня взять на себя роль глашатая консервативных ценностей. Но здесь мы сразу наталкиваемся на известное противоречие. С одной стороны, мы хотим остаться вместе с Западом, считаем себя европейской державой, придерживаемся либерального курса в экономике, а с другой – делаем внушительный шаг в сторону от Европы.

П. Гуревич. Ценности консерватизма исповедует сегодня не только Россия. Они мобилизуют многочисленных сторонников и на Западе. В наших обсуждениях мы неоднократно ссылались на книгу Патрика Бьюкенена «Смерть Запада». Он писал о том, что народы Запада перестали воспроизводить себя, население западных стран стремительно сокращается. Нынешний кризис, по его словам, грозит уничтожить западную цивилизацию. Кроме вымирания населения, Западу угрожает массовая иммиграция людей различных цветов кожи, верований и культур, иммиграция, которая ставит под сомнение культурную целостность Запада.

Л. Буева. В.В. Путин подкрепляет свои суждения ссылкой на Николая Бердяева. Здесь мы сталкиваемся с удивительной идеологической особенностью. Если прежде апелляция к тому или иному идейному течению предполагала некую целостность, стремление подчинить все проблемы одному мировоззрению, то сегодня политику вполне достаточно взять из мировоззрения одну мысль, одну ссылку, игнорируя сложность всего концептуального единства. Идеология – это не цитата, а определенный курс. Но Бердяев как раз и подчеркивал, что не следует понимать консерватизм исключительно как лозунг в политической борьбе.

И. Егорова. Несомненно, русский философ писал о консерватизме как об одном из вечных религиозных и онтологических начал человеческого общества. Он считал, что невозможно нор-

мальное и здоровое существование и развитие общества без консервативных сил. Консерватизм поддерживает связь времен, не допускает окончательного разрыва в этой связи. Настоящее, прошлое и будущее связываются в глазах консерватора в единый целостный проект, направленный к ясной национальной цели.

П. Гуревич. Консерватизм, по словам Николая Бердяева, имеет духовную глубину, он обращен к древним истокам жизни, связывает себя с историческими корнями. Вместе с тем русский философ отмечает, что не всякий консерватизм сам по себе хорош. В наших условиях мы можем легко окрасить в радужные цвета, скажем, период застоя. Но истинный консерватизм не лишен преображающей энергии. Традиция и предание вечно хранятся, сохраняя преемственность. Есть творческий консерватизм. Но есть и ложный, косный консерватизм, который не понимает творческой тайны прошлого и ее связи с творческой связью грядущего.

Л. Буева. Сегодня под знаменем консерватизма творится «выпрямление» истории. Усилиями специалистов мы создаем видимость узаконенной истории. Но ведь правда консерватизма есть правда историзма, правда чувства исторической реальности. Я согласна с тем, что отрицание исторической преемственности и разрушение исторической реальности, нежелание знать живой исторический организм – это идеологическое предательство консерватизма. В историческом космосе образуются и устанавливаются качества, неразложимые и неистребимые в своей онтологической основе. Однако не разрушается ли эта историческая правда в едином учебнике по истории, где все исторические события подгоняются под приемлемый стандарт?

И. Егорова. История не творится по заранее обдуманному плану. В ней есть и величие, и позор, обретения и утраты. Пройтись катком по истории – дело нехитрое. Но каковы несомненные выгоды от этой идеологической затеи? Историю невозможно выпрямить, сгладить. Есть внушительные исторические примеры, когда силы, пришедшие к власти, начинали «выравнивать» историю. Например, Тюдоры в Англии, укрепившись на троне, так извратили реальную историю, что от нее остались лишь одни мифы. Подлинные события толковались так, как это было угодно триумфаторам.

П. Гуревич. Вполне очевидно, что смысл консерватизма не в том, чтобы препятствовать движению вперед. Хаотическая, бесформенная тьма сама по себе не есть еще зло. Но она становится им, когда ее пробуют санкционировать. Однако всякая идеология

сильна, если она рождается в недрах общественного сознания. Разумеется, консервативные тенденции разделяются в наши дни многими людьми. Бесконечное реформирование всех сторон общественной жизни, гонка капиталистической конкуренции, стремительная смена образа жизни не могут не вызывать в народе тоску по прошлым устоям жизни, по порушенной традиции. Однако было бы ошибкой поддерживать эти настроения в силу политической конъюнктуры. В смутные консервативные настроения идеолог обязан вносить упорядоченность, ясность. Важно отделить реставраторские настроения от естественной реакции населения на стремительный бег преобразований. Однако настоящего идеологического творчества сегодня нет. Власть заинтересована не в том, чтобы прояснить назревшие общественные тенденции, а в том, чтобы поставить их на службу идеологизированной злобе дня.

Л. Буева. Сегодня много говорят и пишут о том, чтобы закрепить в Конституции Российской Федерации духовный суверенитет православия. Сразу возникает множество вопросов. Чья эта идея? Отражает ли она назревшие потребности населения страны? Кто предложил прописать в Конституции особую роль православия? Идея, оказывается, принадлежит рабочей группе, которая была создана по итогам конференции «Триумф и крушение империи», которая прошла в Манеже в ноябре минувшего года. В ней приняли участие депутаты, известные общественные деятели, видные политологи и историки. Конференция попыталась дать ответ на вопрос: почему после 300 лет правления Романовых, которые привели Россию к триумфу, все закончилось катастрофой 1917 г.? Вероятно, краху России содействовало множество факторов. Но не последняя роль принадлежала духовному фактору.

И. Егорова. Сейчас в Основном законе нет ни слова о том, что Россия является страной православной. Само собой понятно, что нет оснований отрицать определяющую роль православия в становлении российской культуры и государственности. Оно действительно может рассматриваться как основа нашей национальной идентичности. Участники конференции говорили о том, что православие – это и есть основа нашей национальной идеи.

П. Гуревич. Есть ли аналогичная строка в конституциях других стран?

Л. Буева. Да, в конституциях многих европейских стран есть упоминание о ее христианских ценностях. Хотя бы на уровне декларации значительная часть Европы объявляет себя христианской цивилизацией. Например, в конституциях Норвегии, Дании,

Польши есть упоминания о христианстве. Ныне действующая Конституция Ирландии начинается со слов: «Во имя Пресвятой Троицы». Если же напомнить об Англии, то главой церкви там является глава государства. Религиозная ориентация прописана в конституциях нескольких десятков мусульманских и буддистских стран.

И. Егорова. Нет сомнений в том, что для укрепления идентичности России возвышение православия необходимо. Но консерватизм не сводится только к укреплению веры. Вообще консерватизм, как и всякая идеология, предполагает некую связность сюжетов. Идеология не может сводиться к перечню лозунгов. Если речь идет о приверженности традиции, то сразу возникает вопрос: не эксплуатируется ли тоска по коммунизму? Есть ли тут некая демаркация? Такая трактовка консервативного курса скорее могла бы называться «реставрацией». Вряд ли приемлема также либерально-демократическая модель консерватизма. А ведь наша экономика базируется именно на этом фундаменте. В нашем обществе оживились монархические идеи. Может быть, предполагается возрождение монархии? Но тогда консерватизм не сможет связать воедино историческую преемственность – не укладываются в эту модель ни советский, ни либерал-демократический этапы нашей истории. Если они утрачиваются, от консервативного проекта остаются одни вычерки.

П. Гуревич. Есть еще один важный концепт, который требует привязки к консервативному курсу. Как совместить евразийство с идеей всеславянства в современном политическом курсе? Уж если речь идет о сохранении православно-общинных социальных традиций, то здесь европейская идентичность очевидна. Предполагается возникновение новых государственных образований и новой их организации, основанной на цивилизационном принципе, т.е. на принципе культурно-исторического типа (по Н. Данилевскому). В православно-славянском союзе могла бы реализоваться славянофильская идея общеславянского объединения. Что касается евразийства, то оно основывается на мозаике славянских, тюрksких и угорских племен, через Киевскую и Московскую Русь к Великой империи. Как можно сегодня помыслить русско-китайско-таджикско-казахское родство?

Л. Буева. Не складывается ли у вас, коллеги, впечатление, что власть вынимает из идеологической колоды то одну, то другую карту с учетом политической конъюнктуры? Но в идеологической практике это чревато неожиданными последствиями. Мы ви-

дим, что в отличие от науки идеология характеризуется не рациональными доводами, а лозунгами, призывами к чувствам, ссылками на авторитет. Она вдохновляется традициями, желаниями, предрассудками, легендами. Идеологии не присущи принципы научной жизни, объективности, пересмотра своих выводов, постоянной критики и аналитического сопоставления возможных точек зрения. Наука полагает, что одни идеи более истинны, нежели другие. Для идеологиистина важна, поскольку ее утверждения связаны с социальными интересами.

И. Егорова. В нашем обсуждении мы, пожалуй, упустили тему многообразия идеологий. Отдаем ли себе отчет в том, что в нашем обществе сложился определенный вариант бандитско-воровской идеологии? Ведь это не просто социальная практика, иллюстрации к которой мы получаем из очередной порции информации. Здесь и героизация криминала, и круговая порука, и даже своеобразная сплотка. Много ли мы знаем сегодня об идеологии чиновников, бюрократов? Она обрела сегодня такую власть, какой не располагала никогда и нигде. Разве это не призывает к идеологическому обоснованию своей миссии? Нельзя не выделить особый менталитет олигархов. Он отнюдь не огорожен экономической практикой. Для разработки этого духовного изыска уже мобилизованы интеллектуалы. Мы, по существу, не обращаем внимания на эксплозию утопического сознания. Какие невероятные идейные комплексы сопровождают значительные открытия науки и техники! Евгеника подчас воспринимается как детская забава. Здесь и господство меритократии, и радикальная реконструкция человеческой природы, и пламенный призыв «станем богами!» Напомню, что нацистская идеология в свое время получила гигантское идеологическое подкрепление в расистских экспертизах, которые затем не заслужили признания, однако остановить процесс оказалось уже невозможно. Не зря Ю. Хабермас отметил, что наука и техника берут на себя функцию идеологии.

Л. Буева. Идеология как социальное явление во все времена человеческой истории использовала предвзятые мнения, ценностные предубеждения. В социально-политической жизни она прославилась расчетливым поведением властующих элит, укрепляющих свое господство. Идеологии придают коллективную ориентацию всякому движению, укрепляют социальные общности и делают борьбу людей более целенаправленной. То, что в практике одного человека выступает как смутное ощущение, неуловимое настроение, эмоциональный нюанс, в идеологии обретает извест-

ную системность и даже ложную оправданность. В ряде условий идеология легко превращается в социальную страсть. Идеология усиливает политический фанатизм.

И. Егорова. Мы упустили еще один важный момент. Сегодня в нашей стране идеологический курс направляет один человек. Это Президент. Именно он, исходя из политических соображений, предлагает общественному сознанию новые идеи, а идеологизаторы мгновенно начинают «вести разработку» этих лозунгов. Так ли должен функционировать идеологический процесс? Источником новых идей выступает социальная практика. Именно она формирует ценностные и практические установки общества. Идеология, на мой взгляд, прорастает снизу. Мы же постоянно твердим о том, что нам следует изобрести идеологию, придумать ее, оформить надлежащим образом и внести в политический обиход. При этом мы постоянно тревожим общественное сознание угрозой хаоса, идеологическим вакуумом. Совсем как строчка в предновогодних стихах Евгения Евтушенко:

*Зло и во власти, служащей лишь власти,
Но и в безвластье хаоса толпы.*

П. Гуревич. В мире глобалистской гонки, потребительского умопомрачения обращение к традиции не лишено смысла. Обращение к консервативным ценностям – характерная примета времени. В этом контексте провозглашение консервативного курса может принести пользу стране. Однако надо помнить, что в спектре идеологических течений это всего лишь одно из направлений мысли. Во многих странах это течение отлично справляется со своей функцией – критикой господствующего либерализма. Однако сам поворот к консерватизму в нашей стране опасен. Он может привести и к реваншизму авторитарной идеологии.

Л. Буева. Об этом, вообще говоря, напоминает книга Теодора Адорно «Жаргон подлинности. О немецкой идеологии», которая недавно вышла на русском языке. Философ напоминает, что идеология, незаметно для общества, формирует особый язык, который не имеет содержания, но создает его иллюзию. Этот жаргон подлинности максимально отвечает целям подчинения власти. Диктат идеологии проникает в образование, становится кодом избранности. Демонстрируя переполняющее его глубокое душевное волнение, этот язык предельно стандартизирован. Сведущему в жаргоне, подчеркивает Адорно, необязательно говорить про то,

что он думает. Необязательно даже и думать. Жаргон берет это на себя и обесценивает мысль.

И. Егорова. Поразительная вещь – идеология. Ее восхваляли и проклинали, творили и уничтожали, призывали на помощь и называли пустой забавой. Но она все равно существует – «пресволовочнейшая штуковина». В чем же ее притягательность и неотменность? Идеология связана с антропологической природой человека. Она обусловлена потребностью человека мыслить, оценивать, создавать картины мира. Но эту обязанность выполняет наука. В.И. Ленин утверждал, что марксизм создал научную идеологию. Однако научность этого корпуса идей оказалась сомнительной. П. Рикер считал, что фактически никогда социальная теория не достигала уровня научности, который позволил бы ей выстроить дистанцию между наукой и идеологией. Наука стремится открыть тайны мира, идеология предполагает неизбежное сокрытие реальности. Тогда почему нельзя с помощью науки окончательно разоблачить идеологию?

Л. Буева. И все-таки критика идеологии не должна обесценивать тех усилий, которые сегодня направлены на целостность государства, на создание нормального общественного сознания, четкости политического курса. Современный мир гораздо сложнее, чем это было 100 лет. Сегодня политику действительно приходится все чаще соотноситься с политической конъюнктурой, реагировать на массово-психологические процессы. Идеи должны помогать власти, идеологи вооружать ее.

П. Гуревич. В меру наших возможностей мы и стремились к этим целям. Что можно ответить на вопрос, который стал нашей темой? Современный мир уже не ориентируется ни на экспертное знание, ни на философские разработки, ни на расстановку реальных политических сил. Поэтому остановить идеологическое творчество невозможно, и в этом нет необходимости. К сожалению, научное познание лишено аксиологического измерения. Оно раскрывает закономерности, которые управляют природой и социумом. Но наука не отвечает на смысложизненные вопросы: почему так устроен мир, в чем смысл такого милюстроения? Идеология берет на себя такие функции, которые не может выполнить наука. Она создает гомогенную систему одинаковых представлений, ценностей и норм, задавая смысл всему человеческому бытию. Именно идеология обеспечивает некий баланс между реальностью и божественной сферой. Она отвечает извечной потребности человека видеть мир гармоничным, цельным, одухотворенным. Чело-

веку нужна вера во что бы то ни стало, пусть это будет даже пустое следование заповедям, продиктованным откровением, исходящим от сверхчувственного существа. Наука и техника не устраняют идеологии. Наоборот, чем сложнее и многообразнее общественная жизнь, тем настоятельнее становится потребность в некоей силе, которая бы мобилизовала и скоординировала человеческие помыслы, направив их в конкретное русло. Если рассматривать идеологию только как средство познания, то она неизбежно окажется ложным сознанием. Но если рассматривать идеологию как систему управления обществом, то возникает вопрос о ее действенности, о радиусе ее всепроникающей деятельности, о глубине ее влияния на умы людей. Господство идеологии совсем не обязательно должно совпадать с политическим господством. Власть и дух могут вступать в противоречие. Официальная идеология далеко не всегда бывает самой могущественной. В этом проявляются возможности идеологического плюрализма. Всякое стягивание идеологического процесса к одной магистральной линии грозит последствиями. Идеологию невозможно разоблачить и устранить. Вытеснить ее может только другая идеология. Деидеологизация опасна в той же мере, как и реидеологизация. Проблема лишь в том, чтобы понять, действительно ли сегодня нельзя без идеологии.

И все же я отважусь сказать: нам нужны социальные идеи, но не нужна особая, выверенная и одобренная идеология. Идеология невольно упрощает мысли ради их обязательного соседства и стройности. И в этом есть опасность идеологизации. И еще: разве нельзя считать общественным ориентиром возвышение страны за счет ее реального экономического роста, углубляющейся интеллектуализации, создания нормальных условий жизни? Сошлюсь на случайный пример. Солдат шел как-то в увольнительную. Когда проходил мимо речки, услышал крики тонущего мальчика. Не раздумывая, он бросился в воду и вытащил паренька, который уже изрядно нахлебался воды. На другой день, когда солдат уже вернулся в свою часть, он отправился на политбеседу. Старшина спрашивал у солдат, какими качествами должен обладать российский воин, чтобы совершить такой героический поступок: спасти тонущего. Участники политбеседы не молчали. Один говорит: солдат должен стать патриотом. Другой как бы возражает: устав нужно знать хорошо. Третий начинает рассуждать о милосердии. А тот, который все время молчал, вдруг говорит: «Он должен уметь плавать». Не пора ли и нам вместо отвлеченных разговоров

о патриотизме, милосердии, жертвенности учиться «плавать»? Не пришло ли время учиться строить заводы, мосты, поднимать село, повышать интеллектуальный уровень страны, развивать науку? Вспомним поучительные строчки С. Маршака:

*Лошадь не подкована – командир убит,
Дивизия разбита – армия бежит.
Враг заходит в город, пленных не щадя,
Потому что в кузнице... не было гвоздя.*

«Вестник аналитики», М., 2014 г., № 1, с. 99–120.

М. Делягин,

доктор экономических наук,

директор Института проблем глобализации

**КРЫМ ДЛЯ РОССИИ – ПЕРВЫЙ ШАГ
ВОЗВРАЩЕНИЯ В МИР**

*Этот город вернется назад:
Севастополь останется русским.*
Александр Городницкий

Законность воссоединения Крыма с Россией

Крым принадлежит России с XVIII в., населен и освоен, преимущественно русскими, и даже этнические украинцы, живущие там, в основном воспринимают себя как людей русской культуры. Его принадлежность остро ощущалась даже на сугубо бытовом уровне: тамошние экскурсоводы изумлялись, что историей Крыма (в значительной части татарской), экскурсиями по нему, в том числе в палящую жару, интересовались почти исключительно туристы из России. Украинские, в основном, лежали на пляжах – и это показывает, что украинский народ, каким бы близким он нам ни был, так и не ощутил Крым своим.

Украинское государство почти не развивало Крым – так Болгария не развивает самую южную часть своего побережья (за Синеморцем), когда-то принадлежавшую Турции, с неофициальной мотивацией «может быть, придется отдавать». Так поляки, переселенные в когда-то немецкие районы Силезии, до сих пор не селятся в брошенные добротные дома немцев: «хозяева могут вернуться». Не только сам Крым так никогда и не считал себя украин-

ским – «незалэжная» Украина тоже так и не начала считать его своим, и российскому руководству в 2014 г., во многом поневоле, пришлось проявить уважение к этим почти совпадающим позициям.

Возможно, отношение украинских властей к Крыму было вызвано и тем, что, с сугубо юридической точки зрения, в 1954 г. Хрущёв передал Крым Украине, пусть и в рамках одного государства, не просто «волонтаристски», но и с прямым даже не нарушением, а игнорированием всех существовавших в то время правовых норм. Так что юридически эта передача, увы, была недействительной; и нужно обладать отечественным правовым нигилизмом, чтобы не замечать это в течение 60 лет.

Крымские татары составляют официально 12, по заявлениям их собственных представителей – аж 14% населения (при этом значительную их часть образуют турки-месхетинцы и представители других народов Средней Азии, спасавшиеся от этнических чисток и «прихваченные» руководителями крымско-татарской диаспоры для увеличения своей численности и, соответственно, представительности). Почти половина их, вопреки официально объявленному руководителями их диаспоры бойкоту и совершенно дикой пропаганде (большинство не раз и не два в течение двух недель получили листовки о том, что русские якобы собираются их выслать в Северный Казахстан и уже договорились с Назарбаевым), пришла на референдум. Социологические исследования показывали, что из числа тех, кто социализован, т.е. работает и зарабатывает деньги вне рамок своей общины и своего клана, большинство выступают за воссоединение с Россией, так как эти люди хотят жить по нормам современного мира, а не потерпевшего поражение Средневековья.

Крым населен русскими и является частью России: это видно и по настроениям людей. Доля стремящихся к воссоединению там качественно выше, чем даже в Донецке, Луганске и Харькове (где на момент проведения референдума она составляла, по оценкам, 55–60%). Стоит напомнить, что в той же Одессе, хотя доля сторонников России и превышала долю сторонников Украины вдвое (22 против 11%), две трети жителей выступали за «вольный город», т.е. свободную таможенную зону, формально кому-то принадлежащую, но никому на деле не подчиняющуюся. В Херсонской же области, непосредственно прилегающей к Крыму и имеющей стратегическое значение для его снабжения водой и электроэнергией, а также обеспечения транспортом, доля сторонников воссоединения с Россией составляла около 40%.

Крымский референдум полностью легитимен даже с формальной точки зрения, так как украинская государственность прекратила свое существование, как бы ни пыжились нацисты, при поддержке и прямом руководстве США и Евросоюза, захватившие власть в Киеве в результате государственного переворота. Реальная власть принадлежит финансировавшим Евромайдан олигархам, разобравшим «на кормление» отрасли и силовые министерства, и нацистским боевикам, находящимся у них на содержании. Сайентологи вроде Яценюка и баптистские проповедники наподобие Турчинова производят впечатление не более чем марионеток, играющих роль временной ширмы и формально приемлемой для Запада «витрины молодой украинской демократии». Реальной власти у них нет, так как нет своих бандформирований, и все, что они могут, – это обещать по дешевке продать западным «стратегическим инвесторам» и своим хозяевам-олигархам то, что еще осталось у Украины: газотранспортную систему, плодороднейшие земли сельхозназначения, морские и речные порты, угольные шахты.

Верховная рада была легитимна – но ровно до начала своей деятельности, когда она растоптала Конституцию и уничтожила единственный орган, который мог оправдать это действие «чрезвычайными обстоятельствами» – Конституционный суд. Тем самым она уничтожила не только себя, но и украинскую государственность, возникшую в 1991 г. (президент Янукович, сохранив формальную легитимность, перестал быть элементом государственности даже не в момент своего бегства, а позже – когда он отказался, в отличие от де Голля, от возможности воссоздания государственности на основе собственного аппарата).

А в отсутствие центральной, унитарной государственности – даже предполагаемой, даже существующей в качестве лишь возможности, а не реальности – каждый регион, каждое большое сообщество граждан вправе учреждать собственную государственность. Впрочем, даже если бы этого и не случилось и в Киеве сидела бы не банда поддерживаемых Евросоюзом нацистов (что позволяет говорить о них как о «евронацистах»), а совершенно легитимное полноценное государство, ситуация бы не изменилась. Ведь принцип территориальной целостности доминирует над правом наций на самоопределение только в том случае, если государство выполняет перед представителями этих наций необходимый минимум своих прямых, неотъемлемых обязанностей.

Сейчас на Украине не выплачиваются пенсии; по дорогам нельзя проехать из-за самодеятельных блокпостов, собирающих

дань (как это было, например, в Афганистане между Наджибуллой и «Талибаном»), и просто бандитов; евронацистские каратели терроризируют даже миллионы города; а страна неумолимо валится даже не в кризис, а в разруху по образцу времен Гражданской войны. Соответственно, ни о каком исполнении властями своих обязанностей перед населением не идет и речи – и принцип самоопределения по международному праву решительно доминирует над идеей территориальной целостности. Впрочем, даже если бы на Украине существовала государственность и даже если бы она обеспечивала нормальную жизнь, реализованный Западом президент Косова вполненятно и убедительно доказывает: этнические группы все равно имеют право добиваться своей независимости в формате государственности.

Стоит вспомнить и то, что в 1991 г. Украина вышла из Советского Союза сразу после специально проведенного референдума, на котором абсолютное большинство ее населения вполне однозначно высказалось за ее сохранение, пусть и независимой, но «в составе Советского Союза». Таким образом, выход был осуществлен в прямом противоречии с волей народа, закрепленной решением референдума, на основании одной лишь «декларации независимости» – и при этом не дожидалась никакой, даже сугубо формальной, реакции тогда еще существовавших союзных властей. В 2014 г. Крым принял решение о самоопределении со значительно большим соблюдением правовых норм, чем Украина в 1991 г. (строго говоря, с полным соблюдением всех мыслимых и немыслимых норм): по крайней мере в соответствии с решением референдума, а не вопреки ему.

Правовую же возможность государства присоединиться к другому государству, в том числе и вопреки воле стран Запада (оформляемой обычно как «воля всего мирового сообщества»), доказала ГДР, вошедшая в состав ФРГ, как справедливо напомнил президент В.В. Путин, вопреки воле всего Запада, при поддержке одного лишь горбачёвского СССР. Поведение А. Меркель, впрочем, показывает, что это было ошибкой. Таким образом, воссоединение Крыма с Россией не только абсолютно естественно, но и совершенно законно и легитимно даже с наиболее формальной из возможных точек зрения.

Россия начала свое воссоединение – в полной мере даже не сознавая это, вопреки интересам правящей бюрократической тусовки, во многом подчиняясь давлению случайных обстоятельств. Но неумолимая, железная воля народов прокладывает себе путь, и

мы должны сознавать: каким бы робким, частичным, половинчатым ни был первый шаг – он сделан. Россия начала возвращаться в историю человечества, в настоящую, серьезную мировую политику – и это потрясает всех, привыкших к четверти века национального предательства.

Подлинный «национальный проект»

«Мировое сообщество» нам объяснило с предельной искренностью и предельной доступностью: Россия для него будет виноватой всегда. И даже если мы исчезнем с лица Земли – мы все равно будем виноваты перед ним уже тем, что когда-то вообще существовали. Поэтому обращать внимание на это сбирающе лжецов и провокаторов, признающих право народа на вооруженное восстание в своих интересах, но не его же право на мирный и цивилизованный референдум, когда их интересы могут оказаться под угрозой, не стоит. Президент России В.В. Путин правильно констатировал: для Запада не существует ни законов, ни обязательств – значение имеют только интересы, причем исключительно его собственные. И единственное, что он понимает, – это сила. «Мягкая» или «грубая» – это уже по обстоятельствам. И разговаривать с ним, если мы не хотим стать трупами, жертвами бомбежек, бесправными замученными беженцами или, в самом лучшем случае, овощеподобными януковичами, имеет смысл только на единственно доступном и интересном ему языке – на языке силы.

Сегодня следующий этап необходимой демонстрации силы – это возрождение Крыма. Посмотрите: воссоединение Крыма соединило вновь, казалось бы, навсегда разорванные власть и народ. Известный телеведущий И.С. Виттель после открытия Олимпиады воскликнул: «Украдите у меня еще денег, чтобы я еще раз пел стоя гимн своей страны!» – но в той ситуации речь шла именно о «еще одном разе». Российское общество прекрасно понимало, что праздник пройдет, а жизнь останется. Сейчас же, после воссоединения Крыма, народ России испытал забытое, казалось, навсегда чувство гордости за свою страну. Суворов во время его покорения писал: «Мы русские, какой восторг!»

И теперь надо развить и углубить это чувство гордости, чтобы оно не обернулось чувством стыда, ставшим привычным за четверть века национального предательства. Нужно оправдать доверие Крыма – и русских, и украинцев, и татар, которые поверили нам, вопреки жесткой пропаганде своих диаспор. А тех, кто нам не

поверил, надо переубедить. Это реальный «национальный проект», объединивший власть и народ, за исключением либеральных отщепенцев: на бытовом уровне они сами исключили себя из страны, – и теперь надо исключить их из государственной власти.

Интеграция Крыма состоит из трех групп задач: решения наиболее острых текущих проблем жизнеобеспечения, унификации нормативно-правового поля, достижения стратегических целей. Решить задачи первой группы можно за год, максимум полтора, но их специфика и сложность требуют создания на это время специального органа управления с особыми полномочиями; на сегодняшний день идеальной организационной формой представляется Госкомитет при Президенте России. В оперативной работе он должен входить в правительство, но быть «ведомством со звездочкой» и подчиняться президенту, так как и внешнеполитических, и оборонных проблем, и диверсионно-террористической деятельности евронацистов никто не отменял.

Слухи о назначении «главным по Крыму» вице-премьера Д. Козака обнадеживают (пугает огромная пауза с принятием управленческого решения по развитию Крыма). В первой половине 2000-х годов он показал себя ограниченным юристом, почти не видящим разницы между писанным правом и практикой правоприменения – что обернулось для страны разрушительными судебной, административной реформами, «разграничением полномочий между уровнями управления» и некоторыми иными действиями со схожими печальными результатами. Однако работа на Северном Кавказе и подготовка к Олимпиаде безусловно расширили его кругозор и укрепили навыки практической работы – в противном случае он не смог бы достичь, например, совершенно неправдоподобного успеха в Сочи.

Д. Козак обладает незапятнанной репутацией, что большая редкость для нынешних руководителей этого уровня (и далеко не только в России, но и в других европейских странах), и хорошей практической хваткой. Поэтому его направление «на Крым» было бы абсолютно оправданно, хотя и обернулось бы определенной потерей для остальной России. Не вызывает никаких сомнений, что он способен организовать постоянное конструктивное взаимодействие и с «вежливыми военными» (которые, насколько можно понять, были крымчанами, служившими рядом со своими домами в армиях и России, и Украины), и с диаспорами крымских татар.

Среди текущих проблем, которые в настоящее время все еще не все сознают в России в полном объеме, наиболее важной пред-

ставляется проблема воды. До советской власти ее в Крыму почти не было: все помнят стихотворение Пушкина о Бахчисарайском фонтане, но надо понимать, что его «поэтические слезы» – это слезы в прямом смысле слова. Вся роскошь, которую мог себе позволить властелин Крыма, не раз сжигавший Москву, – это «фонтан», по которому вода сочится отдельными, считанными каплями: основная часть Крыма воды не имеет. В настоящее время Крым получает ее из Днепра; и не только официальное перекрытие канала, но и приезд обычной диверсионной нацистской группы из Киева способны оставить 2,7 млн человек практически без воды.

Нужно понимать, что нацистам не впервые устраивать, или по крайней мере пытаться устраивать, геноцид, а мировое сообщество и германский канцлер, считающая для себя нормальным изображение по три раза подряд просто потому, что ее фамилия – не «Путин», всецело поддержат нацистов в этом деле или, по крайней мере, не будут возражать – в том числе и по исторической традиции своих государств. Исторический опыт учит: люди, уповаявшие на нормальность нацистов, в основном становятся мертвыми или беженцами.

Однако в силу важности и очевидности эта проблема, насколько можно судить по информации ряда компетентных источников, в принципе решена. На тот случай, если не удастся обеспечить договоренность о взятии ключевых объектов канала вне Крыма под охрану, в том числе неформальную или совместную, проведена полноценная подготовка к быстрой прокладке по дну Керченского канала полноценного стратегического водопровода вроде того, который снабжает Кипр водой Турции.

Важно, что Черноморский флот в Севастополе по советским нормам имеет опреснительные установки, достаточные для водоснабжения города и его окрестностей. И что является приятной неожиданностью для всех, знакомых с деятельностью А. Сердюкова, эти установки имеются в наличии и исправны. Мощности для водоснабжения остального Крыма до ввода в действие стратегического водопровода, даже с учетом потока курортников, есть, хотя и по аварийным нормам. Эти нормы вполне достаточны для正常ной жизни; а вот о сельском хозяйстве в таких условиях, к сожалению, придется забыть.

Вторая острейшая проблема полуострова – электроэнергия: Крым обеспечивает свое пиковое потребление на 20%. Категорически необходим энергомост с Россией, и все необходимые работы в этом направлении ведутся весьма интенсивно. Крым имеет

месторождения, поставляющие по трубопроводам нефть и газ на Украину, но даже для сжигания газа в ТЭС мало ее построить: нужны значительные мощности по «подготовке» (сушке и очистке) газа, полностью оставшиеся на Украине. Поэтому быстрое создание собственной электроэнергетики Крыма не только дорого, но и попросту невозможно.

На этом фоне транспортной проблеме, третьей по важности для Крыма, уделяется меньшее внимание. Между тем уже в середине марта из-за блокады, организованной евронацистами, подвоз продовольствия с Украины был резко сокращен, что привело к его подорожанию на 15–20% (большинство крымчан философски связывали его с 30%-ным ослаблением гривны). В настоящее время ведутся работы по налаживанию полноценного паромного сообщения Керчи с российскими портами, до Новороссийска включительно: корабли, насколько можно судить, для этого не только выделены, но и доставлены «на место». Они недостаточны для обеспечения туристического потока, но вполне соответствуют нуждам снабжения полуострова. Осуществляются оборудование погрузочно-разгрузочных мощностей, необходимая логистическая и коммерческая работа по организации поставок.

Но главная из текущих проблем, безусловно, впереди: это курортный сезон. В 2013 г. Крым принял рекордное после распада Союза число отдыхающих – 6 млн человек. Больше половины – украинцы, основная часть которых теперь не приедет не только из-за блокады и угрозы уголовного преследования со стороны нацистской хунты, но и из-за нищеты и разрушения транспорта: в условиях разрухи и бандитского террора не до оздоровления организма. Вместо них с Украины прибудут беженцы: в основном они сейчас и в дальнейшем будут направляться в Россию, но часть предпочтет Крым, как более знакомый и более теплый регион (кроме того, большинство едет к родственникам, где бы те ни жили). Однако беженцы стремятся зарабатывать деньги; тратить им, по большому счету, нечего. Значит, необходимо обеспечить туристический поток из России – при том что наши туристы, за исключением патриотически настроенной молодежи, тоже испугаются ехать (существует и возможность нацистских терактов для их отпугивания).

Поэтому помимо контртеррористической работы (в которой с охотой поучаствует значительная часть даже крымских татар, зарабатывающих средства на жизнь обслуживанием отдыхающих) необходим серьезный комплекс мероприятий по организации ку-

рортно-оздоровительного и познавательного туризма. Некоторые вещи лежат на поверхности: так, после ряда операций иностранных спецслужб сотрудники ФСБ уже длительное время лишены возможности отдыхать за границей, за исключением Белоруссии. Ее природа и индустрия оздоровления прекрасны, однако у нее нет теплого моря, а Черноморское побережье России слишком дорого и может принять лишь ограниченное количество отдыхающих. Теперь сотрудники российских спецслужб смогут организованно отдохнуть на море в Крыму.

Необходимо обеспечить отдых добросовестных сотрудников и иных правоохранительных ведомств: если делать это централизованно, люди смогут за счет оптовых цен на транспорт и минимизации маржи турфирм сэкономить серьезные деньги и поедут с охотой. То же касается студентов, работников ЖКХ и связанных с государством предприятий; исключительно характерным представляется то, что на встрече с представителями крупного бизнеса в РСПП, прошедшей сразу после воссоединения Крыма, В.В. Путин просил их не столько об инвестициях в Крым, сколько о направлении туда своих работников на отдых.

Весьма серьезной проблемой развития курортного дела в Крыму является полная децентрализация сферы туристического обслуживания. Ее образуют не предприниматели, пусть даже и мелкие, а самые обычные люди, в частном порядке оказывающие услуги другим людям. Самоорганизоваться даже для того, чтобы наладить простую рекламу и трансфер значительной массы прибывших из аэропорта, они не смогут – и скорее всего окажутся даже не в состоянии подобным образом сформулировать свою задачу. Поэтому их надо организовывать уже сейчас – разумеется, без какого бы то ни было принуждения. Прекрасный опыт в этом отношении накоплен не только Прибалтикой, но и соседним Краснодарским краем: по большому счету, на первых порах достаточно будет адекватно организованной и соответствующей действительности информационной базы, на создание которой можно направить местных студентов.

Принципиально важно, что помимо классического пляжного отдыха Крым способен принять огромный поток людей, заинтересованных в оздоровительном и познавательном туризме. А такие феномены, как фестиваль «Казантип» (организованный, регулярно проводимый и изобретательно расширяемый, кстати говоря, россиянами), заслуживают всемерной помощи, даже если и не вполне соответствуют представлениям каких-то чиновников о прекрасном

или о санитарных нормах. Использование этих и многих других скрытых ресурсов позволит заметно расширить поток туристов, особенно с учетом ухудшения ситуации в Египте и чрезмерной дороживизны Черноморского побережья России, – если, конечно, этот поток удастся организовать и переварить.

Проехать через Украину, на глазах превращающуюся в Гуляй-поле, туристы не смогут – да и блокада Крыма не позволит им этого сделать. Поэтому необходима скорейшая модернизация аэропортового хозяйства: самой по себе длиннейшей взлетно-посадочной полосы в Симферополе, построенной для «Буранов», недостаточно. Вероятно, следует расконсервировать хотя бы часть брошенных военных аэродромов, оснастить их необходимым оборудованием и использовать для приема чартерных туристических авиарейсов. Понятно, что это не доставит никакой радости не только хозяйственным военным, сладостно вступающим во владение этими аэродромами, но и летчикам гражданской авиации, которым придется работать в непривычных и малокомфортных условиях.

Помимо этого, усилия государства необходимо сконцентрировать на организации малобюджетных, предельно дешевых авиа перевозок туристов в Крым, при этом вымогательство бюджетных субсидий крупными авиакомпаниями должно быть решительно пресечено. Исторически преобладающая часть туристов едет в Крым «дикарями». Для переброски этого потока через Керченский пролив необходимо сразу по завершении весенних штормов, т.е. в конце апреля – в крайнем случае, в начале мая, развернуть военные понтонные мосты – хоть по 20 полос (которые на ночь придется убирать для обеспечения судоходства). Одновременно следует «расшивать» дорожную сеть Керченского полуострова, а затем и всего Крыма, и российской стороны. Ведь федеральная трасса «Дон» летом обычно перегружена даже при транзите по территории Украины; теперь же нагрузка на нее возрастет кратно. Вероятно, нужны специальные усилия для улучшения диспетчеризации движения по ней.

Следует понимать с беспощадной ясностью: если вместо 6 млн туристов в этот сезон в Крыму отдохнут лишь 2 млн, значительной части занятых в «частном секторе» придется оказывать социальную помощь. Формально они нигде и никак не работают, реально – зарабатывают обслуживанием курортников; если последних не хватит, людям придется помогать, даже если они являются самозанятыми или мелкими бизнесменами. И вот тогда

Российское государство превысит, хотя и не критически, уровень сегодняшней оценки помощи Крыму в 90 млрд руб. в год.

Правда, сам факт воссоединения уже принес России заметную экономию: не надо платить за аренду базы Черноморского флота. А Севастополь, надо отметить, и в то время, когда эти средства не оставались в нем, был благодаря нашему флоту наиболее обеспеченным городом Украины (именно поэтому Тимошенко в бытность свою премьером, вопреки своим политическим истерикам, пошла на продление аренды базы). Вопросы унификации норм, процедур и стандартов уже решаются в рабочем режиме. Но если европейскую систему бухгалтерского учета в Крыму заменят нашей, при которой налоговый и бухгалтерский учет ведутся параллельно и требуют двойных издержек, – это будет ошибкой.

Недооценивается и другая проблема, которая может стать крайне болезненной: крайняя слабость и запутанность украинской системы регистрации прав граждан на землю. Межевание по принципу «от этой акации до той канавы», фиксация собственности в виде записи в книге в гараже председателя садового кооператива, нерегистрируемые сделки «по договоренности» – лишь верхушка айсберга, видная даже из Москвы. А ведь земля Южного берега Крыма бесцenna; и есть серьезные опасения, что отечественные рейдеры уже высадились там, а местные преступники начали «отжимать» землю у местных жителей, чтобы продать ее россиянам в качестве законных владельцев. Дать этим «энтузиастам» по рукам и головам – категорическая необходимость, чтобы не допустить грабежа населения.

Цена крымского возрождения незначительна для России

В первое время социальная сфера и инфраструктурные проекты Крыма, по имеющимся оценкам, потребуют 90 млрд руб. в год – возможно, даже несколько больше. Однако принципиально важно, что это будет не «вечным» содержанием, а инвестициями в «запуск» крымской экономики, после которых она должна начать не просто кормить себя, но и приносить России доход. Главное же заключается в том, что эти суммы, поражающие воображение при сравнении с нашей зарплатой, в государственных масштабах совершенно незначительны. Например, это менее одной пятнадцатой части расходов на Олимпиаду в Сочи, последствий которых бюджет, что бы там ни говорили, просто не ощущил.

Россия может профинансировать Крым, и далеко не только его, нисколько не сокращая свои регулярные расходы, предусмотренные в «докрымском» бюджете. У нас достаточно денег, чтобы инвестировать в Крым – что не в ущерб нашим бюджетникам, военнослужащим, которых сейчас уже трудно назвать «малообеспеченными», и действительно малообеспеченным слоям граждан России. Конечно, либеральная банда, еще раз показавшая в последние недели свое звериное хайло системной поддержкой нацизма, может использовать воссоединение с Крымом для саботажа, для бюджетно-финансового удушения России – так же, как она использует «майские указы» президента Путина. Но это имеет отношение, с моей точки зрения, скорее к преступным элементам в сегодняшнем российском руководстве, а отнюдь не к воссоединению Крыма как таковому.

Более того, грандиозный сеанс саморазоблачения, который еще раз провела в связи с украинским кризисом российская либеральная клика, создает серьезные предпосылки для освобождения России от ее гнета. Напомню, что слово «либерал» в современном мире означает не «борец за свободу личности» – как это было во времена Вольтера, а «проводник интересов глобальных монополий любой ценой, в том числе в ущерб собственному народу»... На 1 марта неиспользуемые остатки средств на счетах федерального бюджета составляют 7,6 трлн руб.: если исходить из необходимости вкладываться в Крым в указанных масштабах пять лет подряд, можно воссоединиться еще с 16 такими же регионами, и средства еще и останутся.

Кстати, в свете распада украинской государственности, разрухи и разгула бандитизма эта перспектива, думаю, через некоторое время встанет в повестку дня – даже вопреки желаниям Российского государства, как вопреки им встал и Крым. Ведь никто из бюрократов не хотел лишней головной боли, не хотел глубоких изменений: ситуацию переломила, с одной стороны, реальная угроза резни, а с другой – внятно выраженная воля подавляющего большинства населения Крыма.

Стоящие задачи по модернизации Крыма уже сравниваются многими с подготовкой к Олимпиаде в Сочи, проведенной, при всех накладках и претензиях, по меньшей мере, на высшем мировом уровне. Мало кто сознает в настоящее время, что главным чудом Сочи является не отсутствие аварий, не феноменальное открытие, не высокий сервис и даже не победа российской сборной. Главное чудо Сочи заключается в быстром и эффективном

исправлении недоделок. Например, когда некоторые спортивные сооружения начали разрушаться, так как их построили на карстовых пустотах без должных свай (о чём предупреждали многократно, в том числе и автор данной статьи), необходимые работы были проведены почти молниеносно. Они были настолько эффективны, что сооружения не только простояли всю Олимпиаду, но и не будут, в отличие от первоначальных планов, демонтированы по ее завершении: они проработают еще десятилетия.

Олимпиада и Крым похожи внезапностью и авралом, хотя и вызваны эти явления разными причинами: в одном случае – бюрократическим маразмом и беспределом, в другом – нацистским переворотом в братской стране. Однако Олимпиада является не более чем разовым событием, хотя многие из ее сооружений настолько перспективны с коммерческой точки зрения, что уже взяты бизнесом в долгосрочную аренду или выкуплены. Крым же – это навсегда. Его будут обустраивать не для нескольких значимых событий, а для долгой прибыльной работы; и не для элиты, а в первую очередь для его жителей. Иначе просто не получится.

Кроме того, мы видим: Российское государство, при всех своих недостатках и даже пороках, учится на своих ошибках. Саммит АТЭС-2012 проводился, по живому свидетельству президента В.В. Путина, «на стройке» – и увенчался снятием губернатора. А уже Универсиада в Казани прошла с минимумом скандалов. А Олимпиады в Сочи проведены – пусть и напряжением всех сил, и «затаив дыхание» – но не только не «на стройке» (хотя некоторые из них и были завершены уже в присутствии гостей), но и без аварий. И пресловутого «сочинского менталитета», столь заметного в поведении отдельных либеральных политиков, практически никто из гостей, не говоря об участниках, даже не заметил.

Крым – следующий крупномасштабный проект, несмотря на внезапность его появления, прорабатывается значительно более глубоко, чем Олимпиада в Сочи, и с пока незначительными потерями времени. Достаточно вспомнить, что одним из первых российских официальных лиц его посетил помощник президента Путина по экономике, один из лучших русских экономистов А.Р. Белоусов. Разумеется, испортить, и в частности украсть, можно все – вплоть до атомной боеголовки (был такой случай в момент распада Союза). И коррупционная мотивация в российском руководстве по-прежнему исключительно сильна, что делает оправданными значительные опасения российского общества.

Но вот незадача: воссоединение с Крымом прошло в прямом противоречии с этой коррупционной мотивацией, оно осуществлено вопреки внятно выраженной воле российской «оффшорной аристократии»! Российские януковичи точно так же, как и украинские, страшились, что Запад заморозит их активы, и отчаянно не хотели не только воссоединения с Крымом, но даже, когда это еще было возможно, Таможенного союза с Украиной! Даже автору данной статьи рассказывали и про украинскую конкуренцию с российскими производителями, и про неприемлемый украинский стиль ведения переговоров, и про то, что, «не уйдя из Севастополя, мы не сможем обустроить нормальную базу флота под Новороссийском» – это практически дословная цитата! Принципиально важно для всего понимания современного момента российского развития, что решение о воссоединении с Крымом – едва ли не первое за всю постсоветскую историю, которое было принято и, что значительно важнее, реализовано не в рамках коррупционной мотивации, а в прямом противоречии ей.

Конечно, изгадить при желании можно все: для этого достаточно просто расслабиться, и далеко не только в нашей стране. Но признаков этого – по крайней мере, пока – не видно. Весьма существенным представляется тот факт, что на фоне ада и разрухи, в которую стремительно заталкивают Украину евронацисты и другие сторонники «европейских ценностей», даже самые неблагополучные регионы России уже сейчас выглядят совсем неплохо. Достаточно вспомнить, что даже в худшее время на подъездах к тому же Пикалево не стояло, как в Афганистане до талибов или на современной Украине, самодеятельных бандитских блокпостов, взимавших дань со всего, что проезжает мимо. Так что даже катастрофа – перенос в Крым всего худшего, что есть в России, – все равно сделает его оазисом процветания на фоне не только завтрашней, но, увы, уже и сегодняшней Украины.

Новая «холодная война»

В ходе скоротечного крымского кризиса российское руководство едва ли не впервые после «разворота над Атлантикой» Е.М. Примакова робко, непоследовательно и частично, но защитило интересы своей страны и своего народа. Оставив Юг и Восток Украины на растерзание нацистским ставленникам Запада, оно все же начало воссоединение нашей разорванной либеральными ре-

форматорами Родины, – и Путин вдруг забрежил в истории достойным подобием Екатерины Великой.

Естественно, США и евробюрократы встретили это в штыки. Приведя к власти в Киеве откровенных нацистов, Запад воспринял неприятие их большинством Украины как посягательство на святые европейские ценности – агрессивные гомосексуализм и русофобию. А уж возвращение России к своим историческим границам, хотя бы и в одной-единственной точке, и вовсе стало прямой и явной угрозой. Правда, оказалось: благодаря либеральной «пятой колонне», до сих пор полностью определяющей всю социально-экономическую политику России, наше сотрудничество с Западом настолько невыгодно для нас, что его сокращение из-за санкций несет нам выгоду. В самом деле, изгнание из ВТО снимет с экономики такое ярмо кабальных ограничений, что американцы про это больше и не заикаются. Ляпнув сгоряча о прекращении военного сотрудничества, они с ужасом ждут: не примет ли это Россия за чистую монету и не последует ли примеру великого Киргизстана, изгоняющего натовскую военную базу, и не закроет ли базу НАТО под Ульяновском?

А Меркель заявила о готовности наказать русских (по сути, за неприятие идей нацизма, что во многом соответствует исторической традиции германского государства) даже нанесением ущерба немецкой экономике. Этим она вызвала живой интерес и недоумение Германии, уже изнемогающей под грузом евроинтеграции (не говоря о чрезмерном укреплении евро), и подозрения, что третий срок подряд – это перебор не только для «варвара Путина», но и для патентованных демократов. В результате ей очень быстро пришлось изменить позицию, официально заявив в бундесрате о невозможности жертвовать экономическими интересами немцев ради «далеких заокеанских друзей».

Руководство Франции задумалось, не расторгнуть ли сделку о поставке России никому у нас не нужных вертолетоносцев по неизвестно завышенным ценам, – нанеся тем самым себе абсолютно неадекватный ущерб. Дело в том, что закупка этих вертолетоносцев, насколько можно судить, была не столько коррупционной операцией в фирменном «околосердюковском» стиле, сколько платой за аренду Россией космодрома в Экваториальной Гвинее. За счет расположения на экваторе запуски тяжелых ракет принесли колоссальную прибыль, часть которой пошла на закупку вертолетоносцев. Если бы Франция могла произвести второй лучший в мире авианосец «Шарль де Голль» и согласилась бы продать его

России, срыв сделки был бы болезненной неудачей. Но вертолетоносцы особо никому не нужны – ни у нас, ни во Франции: отказ от сделки сэкономит России значительные деньги (и на закупку, и на обслуживание), а во Франции омртвят колоссальные вложения.

Таким образом, на деле санкции сведутся к замораживанию активов нескольких десятков человек (включая депутата Мизулину, умудрившуюся не сказать про Украину и Крым ни одного слова, и ряд военных, точно не имеющих никаких активов за рубежом) и созданию неудобств для сотен тысяч россиян, пластиковые карточки которых обслуживались попавшим под санкции Банком «Россия». Это вновь вызвало в России жгучее разочарование Западом. Ведь «оффшорная олигархия», грабящая и разрушающая нашу Родину на протяжении всей четверти века национального предательства, должна быть уничтожена, – и замораживание ее активов гораздо гуманней физического истребления в социальной революции.

Информационной войной против нас Запад еще раз объяснил: любой шаг к разуму, любой шаг к национальным интересам и общественному здоровью, любой шаг к благосостоянию народа будет вызывать обструкцию и агрессию со стороны как глобально-го бизнеса, так и его лживой либеральной obsługi – и на Западе, и внутри России. Если Российское государство действительно существует (или хотя бы хочет существовать) как выразитель интересов народа, а не как совокупность начальников с их секретаршами, – ему придется от либерального грабежа страны переходить к ее развитию, а значит, вызывать истощенную истерику и лютую ненависть Запада. Ведь деньги, украденные у страны коррупционерами, вывозятся в фешенебельные страны и становятся там ресурсом глобального бизнеса; направленные же на развитие страны, они становятся потерянными для него. «Ничего личного – только бизнес»: напиши фашисты это на воротах Бухенвальда, он работал бы и сегодня, а его акции котировались бы на Нью-Йоркской фондовой бирже.

Чтобы начать развитие, надо очистить государство от «пятой колонны» офшорной аристократии, которая даже под бомбежками (как показывает пример властей Югославии 1999 г.) работает против своей страны на свои выведенные на Запад капиталы. Запад подтвердил: визжа о санкциях, он не тронет своих «агентов влияния» (или тронет их только на словах). Нет проблем: это наша задача, и решить ее должны мы. Власти пора освободиться и от

бюрократических импотентов, и от либералов, считающих, что она должна служить не России, а глобальному бизнесу.

Прошлая попытка «национализации элит» запретом иметь счета и недвижимость за рубежом была сорвана восстанием бюрократов, которые пригрозили отставками. Восстание было внезапным, и недвижимость они отстояли. Но русские януковичи приведут страну лишь к тому же, к чему привел Янукович Украину: к захвату нацистами (в наших реалиях – исламистами), исчезнению государственности и разрухе. Чтобы это не повторилось, от правительства Медведева должно остаться буквально несколько человек, желающих строить нашу страну, а не личный замок в Австрии, давно сменивший фольклорный «домик в Париже».

В России достаточно честных профессионалов, способных возглавить Банк России, и внятных хозяйственников, способных руководить правительством. Да, один из лучших губернаторов, говорят, отказывался от этого поста трижды, а один из лучших руководителей госкомпаний – дважды. Но возможно, они просто не верили в серьезность президента – тогда ее стоит доказать. Ведь лишь после оздоровления правительства станет возможным рас slabить «горячие головы» на Западе простыми шагами.

В ответ на даже туманное обещание США и Евросоюза ограничить внешнюю торговлю и исключение из «большой восьмерки» надо собрать саммит китайского бизнеса – для обсуждения, как и за что передать ему деньги, от которых отказываются американцы и европейцы. И ввести жесточайшие санкции против источников русофобии в Евросоюзе – Польши и Прибалтики, а также против их бизнеса на территории России. На истерику из США следует ответить тщательным анализом влияния на здоровье американских фаст-фудов (начиная с «Макдоналдса»), напитков («Кока-кола» и «Пепси»), шоколада с генно-модифицированными продуктами. Да, их запрет временно сократит налоговые доходы – но здоровье нации дороже.

Массовое использование контрафакта мешает партнерству с «Майкрософт»? – Органы государственного управления и государственные компании должны перейти с его лицензируемой продукции на открытое программное обеспечение («Линукс»), даже если его придется доработать и стандартизировать. Надо разработать план скорейшего замещения самолетов «Боинг» и «Эйрбас» отечественными – и претворить его в жизнь. В соответствии с желанием господина Керри, в знак доброй воли, давно пора выйти из ВТО: серьезные политики Запада – от директора-распорядителя

МВФ Кристины Лагард до конгрессменов США – убеждены в том, что членство в нем вредно для нас. Так не стоит оскорблять партнеров игнорированием их мнения. На модернизацию экономики надо направлять прежде всего долларовые резервы государства; а при недовольстве этим руководства США – перевести их остатки в более безопасные валюты (как и оплату экспорта сырья).

Сейчас возрождению России не мешает ничто, кроме предателей во власти; избавление от них для нашего народа в прямом смысле слова является вопросом жизни и смерти. И помимо этого и прежде всего, Россия, разумеется, должна прекратить финансирование нацизма. Мы как-то забываем, что, поставляя нынешней нацистской хунте в Киеве газ, да еще и со скидкой, да еще и без оплаты, мы совершаляем тягчайшее преступление и по российским законам, и по международному праву: финансирование нацизма и терроризма. Россия даже юридически не имеет права этого делать! Поэтому «Газпром» под страхом тюрьмы для своего руководства обязан немедленно отменить скидку на газ для всех регионов Украины, не заявивших о своем неподчинении киевским нацистам.

При неоплате хоть одного кубометра газа (а сегодня просроченная задолженность превышает 2 млрд долл.) поставки газа на территории бывшей Украины, подчиняющейся нацистам, должны быть полностью прекращены. Пусть страны Евросоюза, организовавшие приход нацистов к власти и поддерживающие их, сами разбираются с последствиями своих заговоров и удачных политтехнологических операций. А при воровстве хотя бы одного кубометра газа, предназначенного для Евросоюза, поставки должны быть прекращены на границе регионов, признающих власть евронацистов. Конечно, формально мы продаем газ европейцам на западных границах Украины; но государственный переворот является бесспорным форс-мажором, отменяющим все ограничения для нас в этом вопросе.

Не менее важным и обязательным, чем прекращение финансирования евронацизма, является конфискация активов его спонсоров на территории России. Значительное число украинских олигархов, спонсировавших Евромайдан, и деятелей нынешней киевской хунты имеют в России не только счета и недвижимость, но крупные предприятия. О дворцах на Южном берегу Крыма не приходится и говорить. Все это должно быть конфисковано – в связи с русофобией, антироссийской деятельностью и нацизмом их владельцев. В настоящее время попустительство евронацизму со стороны российских властей приобретает порой гротескный

характер. Дошло до того, что в Кемеровской области рабочим угольного разреза два месяца не платят зарплату с официальным и честным разъяснением, что эти деньги направляются владельцем этого разреза – украинским олигархом – на финансирование революции в Киеве. Подобные ситуации недопустимы даже без подобных разъяснений.

Крым – ключ к будущему России

Не вызывает ни малейших сомнений, что решение сколь угодно острых текущих задач ни при каких обстоятельствах не должно заслонять стратегических целей. Ключевой вопрос прост: что Россия будет делать из Крыма? Механический перевод в Крым сегодняшних российских реалий, включая все наши проблемы и пороки, был бы катастрофической ошибкой. Есть идея сделать Крым витриной России – наподобие того, во что превратил Саакашвили грузинские села Южной Осетии. Витрина – это уже лучше, но она не прочна по самой своей функции: она существует до первого камня. А камней, учитывая нацистский режим в Киеве и продуманную, многоуровневую агрессию Запада, будет более чем достаточно.

Крым после нескольких лет умного инвестирования может стать мощным генератором прибыли для всей России. Погружающийся в исламистское средневековье Египет постепенно закрывается для массового туризма, и создание современной турииндустрии, а также индустрии оздоровления и путешествий по полуострову, индустрии молодежных фестивалей вроде Казантипа (который переедет из-за восстановления АЭС, но сохранит название и значение) способно вернуть Крыму роль Всероссийской здравницы.

А при решении водной проблемы последний начнет еще и кормить Россию: в настоящее время на нем возделывается лишь 150 из 450 тыс. га, обрабатывавшихся в советское время, и это при том, что потребители развитых стран мечтали об увеличении тамошних посевов лаванды и иных эфирно-масличных культур, скупая их урожай практически на корню. Ведь привычные нам растения в силу уникальности крымской природы приобретают там совершенно необычные, уникальные свойства.

Но превращения Крыма в общероссийский «центр прибыли» все равно недостаточно. Стратегическое значение полуострова для России заключается в отсутствии в нем многих факторов, блокирующих наше развитие. Там нет (пока еще) безумной агрессивной

бюрократии, нет тотального произвола колоссальных монополий – там нет даже привычного нашему бизнесу камня на шее в виде различного бухгалтерского и налогового учета: бухучет ведется практически по европейским нормам. Да, в Крыму есть украинские пороки, но они будут уходить вместе с украинскими нормами жизни и регулирования, и исключительно важно совместить достоинства России с достоинствами докризисной Украины, в том числе и на уровне норм регулирования. Тогда в Крыму будет создана и отлажена принципиально новая для России модель экономического развития, близкая к идеалу, и ее можно будет тиражировать по всей территории нашей страны. Есть основания робко надеяться, что наша бюрократия сумеет осознать связанные с этим возможности и взяться за решение именно этой, наиболее масштабной и сложной, но и наиболее перспективной задачи.

Ну и, конечно, надо реализовывать региональные хозяйствственные проекты. Помимо национального центра яхтенного спорта и туризма в Крыму разумно создать финансовый офшор для Европы, раз уж наше руководство стесняется разместить его в наиболее подходящей для этого Калининградской области. Граждане развитых стран Европы лишены офшорных возможностей и страшно по ним тоскуют, – создание соответствующей зоны в Крыму будет исключительно востребовано европейцами и даст России качественно новый и весьма значительный рычаг влияния на весь Евросоюз.

Уникальность ситуации: Почему в Крыму может получиться

Попытка предложить Российскому государству рациональный путь развития страны за четверть века национального предательства предпринималось множество. Самый яркий (и один из первых) пример – программная брошюра Солженицына 1990 г. «Как нам обустроить Россию». Увы, она вышла как раз в то самое время, когда дорвавшиеся до власти либералы решали совершенно иной вопрос: как им Россию ограбить? Поэтому его просто не услышали, ограничившись формальным и, по сути, издевательским копированием отдельных фрагментов его предложений вроде названия нижней палаты парламента «Государственной Думой». И сам он был глубоко разочарован в общественном строе, созданном российскими реформаторами, заклеймив его термином «олигархия», – между прочим, первым, что сейчас прочно забыто.

Сейчас в нашей стране сложилась принципиально иная ситуация. С одной стороны, советское наследство в основном уже разграблено, и связанная с этим эпоха сама собой, объективно, естественным образом заканчивается. С другой стороны, Запад наглядно демонстрирует, что поддерживает коррупционеров неразвитых стран, лишь пока им принадлежит власть и они несут ему украденные деньги своих народов. Потеря власти или даже простой выход на пенсию и попытка начать тратить вывезенное в развитые страны создает для бывших руководителей совершенно неприемлемые, порой фатальные риски.

Это не рекламируется, но многие высокопоставленные бизнесмены и руководители, разумеется, не принадлежащие к либеральному клану, вот уже несколько лет возвращают свои капиталы в Россию. Это не мода, не паническая судорога, как было в 2006 г., а сознательный, планомерный, не сопровождающийся спешкой и убытками процесс. Данная тенденция ни в коей мере не доминирует, так как в экономике и в государстве пока преобладает либеральный клан. Но его оппоненты в руководстве нашей страны, похоже, осознали: за границей для них земли нет. И процесс их возвращения, пусть и чрезмерно медленный и непоследовательный, идет.

Крымский кризис показал: наше государство, при всех пороках и всей «оффшорной аристократии», уже сейчас способно прямо противоречить интересам глобального бизнеса. Истерика на Западе показывает, что это осознал и глобальный бизнес, что создает для нас серьезные риски, но нам важно иное: существует достаточно мощный и объемный управленческий слой, который понимает, что единственный способ его выживания – это развитие России, а продолжение ее разграбления – путь в могилу для него самого. Этого слоя не было при А. Солженицыне и позже, он двумя разрозненными эпизодами проявился в 2003 и 2005 гг. Зато теперь он впервые выразил себя публичным актом государственной политики. Он выплыл на поверхность: у Менделеева, Солженицына и многих других появился адресат. «Субъект стратегического действия» России уже проявился, но еще не осознал себя – как еще не осознавал себя класс силовиков между назначением Путина директором ФСБ и его приходом к власти. Но теперь его самосознание представляет собой не более чем вопрос времени. В условиях глобального кризиса этого времени, конечно, может и не оказаться – здесь не должно быть поводов для расслаблений; но у нас как народа впервые появилась ясная и при этом позитивная перспектива, на которую уже работают люди самых разных политических

взглядов и эстетических предпочтений. И работают, как мы увидели в крымском эпизоде, плодотворно. Стоит присоединяться.

«Свободная мысль», М., 2014 г., № 2, с. 97–112.

А. Малашенко,
доктор исторических наук,
профессор, член научного совета
Московского центра Карнеги,
сопредседатель программы «Религия,
общество и безопасность»
ИСЛАМ: ВИД ИЗ КРЕМЛЯ

Ситуация в мусульманских регионах России остается непростой. Тревожно положение на Северном Кавказе; напряженность, связанная с внутриисламским конфликтом, ощущается в Поволжье. Осенью 2013 г. произошел теракт с многочисленными жертвами в Волгограде, болезненно воспринятый в российском обществе. В преддверии назначенной на февраль 2014 г. зимней Олимпиады в Сочи российские власти уделяют больше внимания состоянию дел в мусульманском сообществе России, а также «исламо-государственным отношениям». Свидетельством этому стало знаковое выступление Владимира Путина в Уфе 22 октября 2013 г. на встрече с главами духовных управлений мусульман России.

На протяжении 2013 г. обстановка в мусульманском сообществе в России оставалась стабильной. В отличие от 2012 г., отмеченного несколькими неожиданными терактами в Татарстане, которые послужили толчком для разговоров о «кавказизации» этой республики и в целом Поволжского региона, всплеском активности салафитов на Северном Кавказе, выступлениями радикалов в поддержку сирийской оппозиции, уходящий год прошел относительно спокойно. По данным переписи 2002 г., количество этнических мусульман в России составляло 14,5 млн человек. К настоящему времени оно превысило 16 млн. Присовокупив к мусульманам – гражданам РФ мигрантов из Центральной Азии и Азербайджана, мы получаем в итоге число примерно в 20 млн человек, которое обычно упоминается как духовными лидерами мусульман, так и российскими политиками, включая президента Владимира Путина.

Сочинская олимпиада и антимигрантские настроения

В «исламском контексте» особенностью 2013 г. является то, что этот год предшествует Сочинской Олимпиаде, безопасность которой волнует Кремль больше спортивных достижений. Опасность того, что спортивные состязания могут стать объектом террористов, стала еще более очевидна после трагедии в Бостоне 15 апреля 2013 г. Властями приняты беспрецедентные меры безопасности. В ноябре 2013 г. в Краснодарском крае, где расположен город Сочи, состоялись широкомасштабные антитеррористические учения, в ходе которых спецслужбам и полиции предлагалось выловить сразу 48 условных террористов. Религиозная и этническая принадлежность диверсантов не оговаривалась, но можно предположить, что речь шла об исламских (исламистских) экстремистах.

Другой особенностью 2013 г. можно считать рост националистических настроений среди русского населения, увеличение числа конфликтов с участием этнического фактора, числа погромов, а также усиление их массовости и ожесточенности. Наиболее яркими примерами стали июльские волнения в городе Пугачёве Саратовской области, в ходе которых местные жители требовали высылки чеченцев, и октябрьские события в московском районе Бирюлёво, где в антимигрантских погромах приняли участие несколько тысяч москвичей. Формально эти события не имеют отношения к исламу. Собственно исламофобские настроения в ходе межэтнических трений почти не отмечены. Тем не менее в общественном сознании миграция, как внутренняя – с Северного Кавказа, так и внешняя – из Центральной Азии, связывается с религиозной принадлежностью «чужаков». К тому же в России обозначилась исламизация мигрантов, которые все более подчеркивают свою религиозную идентичность, заявляют о потребности соблюдать религиозные обряды и стремлении следовать «исламскому образу жизни». Результатом этого, в частности, становятся скопления мусульман, выходцев с Кавказа и Центральной Азии, во время праздников Рамадан-байрам и Курбан-байрам вокруг Московской соборной мечети. Их число, по разным оценкам, превышает 100 тыс. человек. Рассказывая об обстановке в столице в праздник Курбан-байрам, один журналист писал, что «Москва перешла на осадное положение»¹.

В столице РФ наблюдается нехватка мечетей: на более чем 1 млн мусульман их насчитывается всего пять. Избранный же в

сентябре 2013 г. мэром Москвы Сергей Собянин полагает, что и этого вполне достаточно, поскольку большинство московских мусульман составляют приезжие, от которых и исходят пожелания о строительстве в Москве новых мусульманских храмов. Нехватка мечетей имеет место и в других российских регионах, в том числе на Урале, в северных областях, а также в Сибири. Скорее всего, эта проблема будет обостряться в связи с ростом числа мигрантов. Против строительства новых мечетей выступают жители-немусульмане. В сентябре 2012 г. в московском районе Митино прошла демонстрация против строительства мечети, в которой приняли участие свыше 1 тыс. человек – цифра достаточно солидная, если учесть, что манифестации Коммунистической партии РФ в том же районе собирают обычно одну-две сотни участников.

В 2013 г. не возникло предпосылок для кардинальных перемен к лучшему в наиболее проблемном мусульманском регионе – на Северном Кавказе. Среди мусульман, в особенности молодежи, продолжают распространяться радикальные настроения. Складывается впечатление, что Кремль воспринимает напряженность на Северном Кавказе, в том числе фактически идущую гражданскую войну в Дагестане и существование исламской оппозиции, как нечто само собой разумеющееся, привычное и не подрывающее его авторитет в глазах общества. На исходе 2013 г. эта нестабильность представляется более угрожающей, поскольку ее тлеющие искры могут обернуться яркой вспышкой терактов накануне и во время Олимпиады. В этом контексте октябрьский взрыв автобуса в Волгограде был воспринят в обществе и во властных структурах как своего рода «пристрелка», подготовка террористов к Сочи.

Ситуация в российском мусульманском сообществе не существует отдельно от положения на Ближнем Востоке, где события «арабской весны» далеки от завершения. Радикальный исламизм, несмотря на ряд поражений, сохраняет высокую энергетику, обладает достаточным политическим и военным потенциалом. В рядах сирийской оппозиции сражаются сотни, возможно, тысячи российских мусульман. Глава ФСБ Александр Бортников называл цифру в 200 боевиков². По другим данным, их число колеблется от 800 до 2 тыс. человек³. По словам верховного муфтия Сирии Ахмада Бадреддина Хассуна, всего из стран СНГ, включая Россию, на стороне сирийской оппозиции сражаются 3300 бойцов⁴. Многие из сражавшихся в Сирии возвращаются в Россию, где будут искать применение своей нерастраченной энергии, и не исключено, что они попытаются сделать это в канун и во время Олимпиады.

Уфимские тезисы Президента Путина

Угрозы Олимпиаде, рост напряженности в межэтнических отношениях, исламизация миграции, незатихающая «арабская весна» – все это, как представляется, послужило причинами для того, чтобы президент Владимир Путин 22 октября 2013 г. произнес речь об исламе и мусульманском сообществе России на встрече с главами ведущих духовных управлений мусульман в Уфе. Встреча была приурочена к 225-летию созданного в 1788 г. по указу императрицы Екатерины II Оренбургского магометанского собрания (с резиденцией в Уфе), которое стало первым государственным институтом по организации жизни мусульманского сообщества, а также контролю над ним. Еще в мае 2013 г. Владимир Путин заявил о необходимости придания этому юбилею государственного статуса, поскольку дело касается исламо-государственных отношений⁵. Это еще раз свидетельствует о желании власти сформулировать свой подход к исламу не только как к религии, но и как к «образу жизни», культуре и идеологии, определить его место в жизни государства.

Привычно констатировав в своем уфимском выступлении, что ислам «внес неоценимый вклад в духовное и культурное развитие нашего общества», Путин обозначил перед мусульманским сообществом ряд конкретных проблем. Среди них – «социализация ислама», которая рассматривается президентом как «развитие традиционного мусульманского образа жизни, мышления, взглядов в соответствии с современной социальной действительностью, в противовес идеологии радикалов...»⁶. Это определение, однако, требует детализации, которую, видимо, надлежит дать мусульманским духовным лицам. Вопрос в том, способны ли на это мусульманские священнослужители, которых, по справедливым словам Путина, разделяют «внутренние дискуссии и споры о верховенстве».

Столь же общо прозвучало обращение Путина к мусульманским лидерам внести вклад «в социальную адаптацию людей, которые приезжают в Россию жить и работать» и которые тоже являются мусульманами. Этот призыв свидетельствует о том, что в Кремле наконец заметили исламизацию миграции в Россию из Центральной Азии и пытаются воздействовать на мигрантов с помощью российского мусульманского сообщества. Но вопрос о том, как это сделать, также остается открытым.

Президентский «текст» был восторженно встречен лояльным власти мусульманским духовенством и близкими к нему ана-

литиками. Очень показателен материал, опубликованный на сайте «Ислам.ру» и названный «Речь Путина – новая веха в истории отношений РФ с исламом»⁷. В статье отмечается сделанная президентом «беспрецедентная ставка на просвещение и возрождение интеллектуализма в российском исламе», на необходимость создания национальной теологической школы ислама, а главное – на «социализацию исламского сообщества»⁸.

Власть сознает сложность происходящих в мусульманском сообществе процессов, опасается роста радикальных настроений среди мусульман. Можно сказать, что она «боится ислама», который все чаще становится протестной идеологией во всем мусульманском мире, в том числе в России. Ислам, где нет присущего христианству деления на сакральное и профанное, политизированный в годы своего возникновения в VII в., остается эффективной формой протesta, причем особенно в странах, где ограничены возможности светской оппозиции. Показательно, что, критикуя радикалов, Путин вместе с тем замечает: процесс политизации религии – это «далеко не всегда позитивный процесс». Тем самым Путин косвенно признал закономерный характер этого процесса, как и то, что политический ислам не обязательно негативен. Очевидно, что такой новый акцент появился под влиянием «арабской весны», в ходе которой ислам продемонстрировал свой высокий политический потенциал.

По выражению президента Дагестана Рамазана Абдулатипова, хотя религия конституционно отделена от государства, само государство не отделено от верующих⁹. Если согласиться с таким подходом, то становится совершенно очевидным, что ислам является «политическим фактором», а следовательно, через него могут быть выражены разные политические взгляды и он может быть использован для мобилизации на любые, в том числе оппозиционные (включая самые радикальные), действия. Прежде всего, это характерно для Северного Кавказа, однако ислам используется в качестве политического инструмента и на иных территориях проживания мусульман, в частности в южных регионах России, в Поволжье, на Урале, на севере страны. В 2013 г. рабочей группой близкого к Кремлю Института национальной стратегии подготовлен – в излишне алармистском, на наш взгляд, духе – доклад «Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье». В нем, в частности, говорится о распаде и «дестабилизации этнической периферии», о ваххабизме как об «интегрирующей антироссийской идеологии и практике» и т.д.¹⁰

Исламская традиция и исламизм

Проблема обособленности мусульманских регионов, прежде всего Северного Кавказа, его социокультурного дрейфа от «российского континента» упоминалась неоднократно, в том числе автором этих строк¹¹. Жители Кавказа, которым в массе чужды сепаратистские настроения, все больше надеются решить местные социальные, культурные, да и политические проблемы, исходя из нормативов местной традиции – правил адата, а в последние годы – и шариата, и выступают за легализацию исламского законодательства. Возврат к традиции, или архаизация, является реакцией на продолжающийся в регионе не один год системный кризис, следствием которого стали плохо действующее или вообще не действующее федеральное законодательство, крайне высокий уровень коррупции, произвол властей. К традиции апеллируют как лояльные власти представители духовенства, общественные деятели и политики, так и исламские оппозиционеры, именуемые исламистами, фундаменталистами, ваххабитами, в последние годы чаще всего – салафитами. (Я сознательно опускаю то обстоятельство, что на Северном Кавказе и вообще среди российских мусульман немало тех, кто в принципе выступает против гипертрофии исламской традиции, считая, что модернизация общества, избавление от пороков нынешней системы власти должны совершаться в рамках чисто светской модели. Однако сторонники такого подхода не столь настойчивы, как консерваторы; они скорее боязливы, ибо опасаются быть выставленными в качестве противников ислама, что может негативно сказаться на их общественном положении, да и вообще на их судьбе.)

Лояльность к власти характерна для носителей традиционного ислама, т.е. такого, который, в давние времена укоренившись на Северном Кавказе и в Поволжье, соединился с местными этно-культурными традициями, в том числе и языческого характера. Распространение «нового», нетрадиционного ислама стало следствием проникновения на бывшее советское пространство религиозных представлений с Ближнего Востока, из Афганистана, мусульманской Европы. «Новый» ислам попал на благодатную социальную и собственно религиозную почву. Традиционный ислам менее динамичен, консервативен, зациклен на поддержании этнических – кавказских, татаро-башкирских традиций. Наконец, он проигрывает своему сопернику на ниве богословия, что также было признано, хотя и косвенно, в президентском выступлении.

Традиционный ислам не в состоянии дать ответ на современные вызовы. В глазах молодого поколения он уступает в привлекательности и энергии исламу нетрадиционному.

Последователи обоих направлений в исламе конкурируют между собой. В то же время, несмотря на противостояние, у них имеются точки соприкосновения, и эта тенденция как раз и есть основа для того самого исламо-исламского диалога, который может способствовать улучшению религиозного климата в мусульманском сообществе и снизить в нем уровень напряженности. При всех различиях во взглядах между традиционалистами и их оппонентами оказывается, что главная цель и тех и других – тотальное соблюдение обществом исламских норм жизни, а следовательно, построение отвечающей этой задаче государственно-политической системы. Главное же различие сводится к тому, что оппозиционеры-салафиты полагают: полноценное соблюдение норм истинного ислама в России невозможно, а значит, надо отделяться и создавать свое государство (имарат); традиционалисты же уверены, что «жить по исламу» можно и в РФ, образовав в рамках Федерации «исламское пространство».

Российская власть упрощает ситуацию, делая главный акцент на ее политической составляющей. Москва борется против сепаратизма, однако при этом уходит от ответа на вопрос, каким образом в светском государстве можно жить по религиозным нормативам. В Кремле не хотят задумываться о проблеме «цивилизационного», несепаратистского движения Северного Кавказа от России, игнорируя то, что вектор российской (гражданской, социокультурной) идентичности не совпадает, а иногда и противостоит вектору религиозной идентичности. Заметим, что Путин в своем выступлении этот вопрос опустил.

Многие региональные политики, ученые, имамы и богословы все чаще пытаются отойти от дихотомии «традиционный – нетрадиционный» ислам, считая ее некорректной и даже опасной, раскалывающей общество. Однако на федеральном уровне такой подход к исламу по-прежнему преобладает, о чем свидетельствует уфимское выступление президента. Кремлю проще поделить ислам (впрочем, как и все остальное) на «свой» и «чужой». Думается, раньше или позже, скорее даже раньше, от дуалистичной трактовки ислама придется отказаться, заменив ее на нечто более усложненное. Очевидно, иная формулировка будет опираться на тезис о «единстве ислама в его многообразии». Здесь интересно другое: во-первых, какое направление в исламе будет преобладать

в российском мусульманстве, а во-вторых – с каким исламом предстоит иметь дело государству. Будет ли это так называемый «современный ислам», способный ответить на вызовы ХХI в.? И – разумеется – какие отношения у него будут складываться со светской властью?

Примечания

- ¹ Александр Корчницкий. Курбан-байрам: Москва перешла на осадное положение. Утро.ru, 15 октября 2013. – <http://www.utro.ru/articles/2013/10/15/1150233.shtml>
- ² Глава ФСБ: в Сирии около 200 российских боевиков воюют под флагом «Аль-Каиды». – <http://www.newsru.com/russia/06jun2013/200boevikov.html>
- ³ В Сирии на стороне оппозиции воюют более 2 тыс. российских граждан. Новостной калейдоскоп, jvatnews.ru/novosti/v-sirii-na-storone-oppozicii/
- ⁴ «Медина», ноябрь 2013. – № 11. – С. 12.
- ⁵ Замечу, что термин «исламо-государственные отношения» самому автору не представляется корректным. Однако он часто употребляется в публикациях и на различных конференциях представителями мусульманского духовенства, а также учеными – выходцами из мусульманской среды. Из этого можно сделать вывод, что отношения между государством и исламом в их представлении являются реалией, а следовательно, и объектом анализа и изучения.
- ⁶ Здесь и далее выступление В. Путина цитируется по стенограмме на сайте Президента России: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19474>
- ⁷ Юрий Михайлов. Речь Путина – новая веха в истории отношений РФ с исламом. – <http://www.islamnews.ru/news-l42456.html>
- ⁸ Там же.
- ⁹ Вениамин Попов. Ислам требует большего внимания. Независимая газета, 11 ноября 2013 г. – http://www.ng.ru/faith/2013-11-11/3_kartblansh.html
- ¹⁰ Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье. НГ-Политика. 4 июня 2013 г. – http://www.ng.ru/ng_politics/2013-06-04/9_map.html
- ¹¹ См.: Алексей Малашенко. Северный Кавказ: Зарубежный субъект Российской Федерации? Московский центр Карнеги. Ноябрь 2011. – <http://carnegie.ru/2011/11/18/северный-кавказ-зарубежный-субъект-российской-федерации/f13n>

«Московский центр Карнеги / Рабочие материалы. Ислам: Вид из Кремля», М., 2013 г., декабрь, с. 1–6.

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

3. Хабибуллина

кандидат исторических наук,
ИЭН им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН (г. Уфа)

КОРПУС МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Настоящая статья основана на материалах, полученных автором в период 2005–2011 гг. в рамках исследования исламского фактора развития поликонфессионального общества Южного Урала, проводимого в Республике Башкортостан (РБ) отделом религиоведения Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН. Эмпирический материал предоставил данные о том, какие социальные категории населения пополнили ряды современного мусульманского духовенства республики, позволил получить представление об уровне их подготовки, особенностях и условиях профессиональной деятельности, общественных взглядах и ценностях.

Мусульманское духовенство является самой активной частью мусульманского социума. Перед государством мусульманские лидеры представляют интересы как групп верующих, так и народов, традиционно считающихся мусульманскими. Они оказывают воздействие на социально-нравственные установки прихожан, влияют на понимание основных ценностей, транслируемых исламом, а также играют ключевую роль во взаимодействии мусульманского социума и с государством, и с другими конфессиями, в гармонизации сферы межэтнических отношений, предотвращении религиозной розни и распространении радикальных идеологий.

Социально-политические перемены последних двух десятилетий не могли не сказаться на положении и состоянии корпуса религиозных деятелей и росте социальной потребности в них. В настоящее время духовенство представляет собой социально-

профессиональную группу, обладающую интеллектуальными ресурсами и имеющую большой потенциал влияния на верующих и общественные процессы, от него во многом зависит развитие конфессии и положение ее последователей в государстве.

Выбор Башкортостана для проведения исследования неслучен – это один из крупных регионов функционирования ислама в России. Более 200 лет в Уфе находится Центральное духовное управление мусульман России, учрежденное в 1789 г. как Оренбургское магометанское духовное собрание. Согласно результатам переписи населения, этнические мусульмане составляют большинство населения республики. В основном это не мигранты, а коренные жители. Следует отметить, что мусульманская умма РБ полинетична, поскольку в республике проживают представители более 130 национальностей. Самыми многочисленными группами являются башкиры (1 221 302 человека от общего числа населения, или 29,7%) и татары (990 735 человек, или 24,1%) (I). По информации Совета по государственно-межконфессиональным отношениям при Президенте РБ, 67% верующих исповедуют ислам, 22% – православие, около 11% относится к другим конфессиям [1, с. 98].

Основными методами исследования стали методы полевой этнографии, опросы (анкетирования и интервьюирования) духовных служителей. Количество респондентов в совокупности составило около 500 человек из 17 городов и 47 районов республики. В основу выборки легли данные о численности мусульманских приходов в городских и сельских поселениях, находящихся под юрисдикцией духовных ведомств. Источниками данных послужили сведения Совета по государственно-межконфессиональным отношениям при Президенте РБ, Управления Министерства юстиции РФ по РБ, религиозных центров. В процентном соотношении количество опрошенных сельских и городских имамов составило 65,7 и 34,3% соответственно. По ведомственному принципу 51,6% имамов работали под юрисдикцией Духовного управления РБ (ДУМ РБ); 43,1% – Регионального духовного управления при Центральном духовном управлении мусульман России; 1,7% отнесли себя к двум духовным управлению; 3,6% – ни к одному.

Начиная с 90-х годов XX в. ислам заметно укрепляется среди тюркского населения РБ: возвращаются старые и возводятся новые мечети, функционируют медресе, увеличивается количество молодежи, обучающейся богословию; повседневный быт, праздники и обряды часто регулируются предписаниями ислама, верующие совершают хадж. Основными участвующими сторонами в

процессе возрождения ислама на общероссийском и региональном уровнях стали практикующие верующие и духовные служители.

Становление современного мусульманского духовенства было обусловлено переменами конца XX в. в сфере взаимоотношений государства и верующих, принятием Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» от 1 октября 1990 г., определившего новый правовой статус религиозных организаций и духовенства.

В РБ основными источниками его формирования стали:

1) специально обученные имамы, получившие среднее или высшее религиозное образование;

2) уважаемые люди сельской местности, избранные односельчанами в качестве руководителей общин, в основном бывшие председатели сельсоветов, колхозов, работники КПСС, директора школ, отставные офицеры советской армии;

3) самоучки, не имеющие религиозного образования и выполняющие функции мулл из-за отсутствия более подготовленных кадров;

4) мигранты из центральноазиатских республик [2, с. 274].

Духовенство республики, как и соседних регионов Урало-Поволжья, формировалось как социальная прослойка без особых мировоззренческих установок и поведенческих стереотипов. В основном этот процесс шел по пути превращения неофициальных и необразованных сельских мулл в официально зарегистрированное духовенство [3, с. 251–252].

Анализ кадрового состава имамов, по данным 1997 г., свидетельствует о том, что духовенство более чем наполовину состояло из лиц преклонного возраста, не имеющих специальности, самостоятельно обучавшихся канонам ислама, только 3% имамов имели высшее религиозное образование. Лишь пятая часть имамов была представлена лицами в возрасте 26–40 лет, обучавшимися в медресе и имевшими светское образование от среднего специального до высшего. Именно они, наиболее активные и перспективные духовные деятели, продолжили решение задачи восстановления ислама в республике [4, с. 299].

На формирование корпуса современного духовенства повлияло отсутствие перспектив для молодых выпускников мусульманских учебных заведений, качественной системы образования и, как следствие, стремление получить его за рубежом, миграционные процессы, особенности существования ислама в советских условиях. В 90-е годы молодежь с хорошим религиоз-

ным образованием часто покидала посты имамов ввиду отсутствия постоянного источника дохода. Обязанности священнослужителей нередко выполняли пенсионеры, безработные, преимущественно они занимались отправлением обрядов. По результатам анкетирования в 2005 г., предыдущим видом деятельности у 2,1% духовных лиц была руководящая работа; доля бывших партийных деятелей составила 13,8%; работников образования – 6,4; служащих – 12,8; рабочих – 27,1; сельских работников – 29,3; учащихся – 2,1; безработных – 1,1; нет данных о 5,9%¹.

В настоящее время служителями ислама в РБ являются лица, профессионально занятые в сфере отправления исламского культа, религиозного образования, управления мусульманскими религиозными организациями, имеющие квалификацию имама, состоящие в религиозных объединениях и обладающие признанием со стороны других священнослужителей и верующих. При этом в данную группу входятуважаемые жители сельских районов, не имеющие соответствующих квалификации и статуса, но выполняющие основные функции духовенства ввиду отсутствия более подготовленных кадров.

После многочисленных организационных перестроек российских муфтиятов, проведенных в конце XX в., институционализация мусульманской конфессии РБ в основном завершается к началу 2000-х годов. На 2012 г. мусульманские религиозные организации республики объединены тремя официально действующими духовными центрами, все они находятся в Уфе: Центральное духовное управление мусульман России (ЦДУМ); Региональное духовное управление мусульман РБ в составе ЦДУМ, Духовное управление мусульман РБ. Распределение приходов между ними следующее: 46% находится под юрисдикцией ЦДУМ, 54% – ДУМ РБ, имеется небольшое число автономных общин. Однако все чаще возникают группировки радикального и экстремистского толка, противостоящие традиционным исламским центрам.

В республике действуют 1068 мусульманских организаций, из которых 610 зарегистрированы, 458 – без регистрации. В 2011 г. функционировали 679 типовых мечетей и 217 приспособленных под мечети зданий. Приспособленные помещения представляют собой переданные органами государственной власти для нужд верующих здания бывших кинотеатров, клубов, магазинов, спортза-

¹ По данным полевых исследований автора (далее ПМА) 2005 г. Опрос мусульманского духовенства РБ. Размер выборки – 200 респондентов.

лов и т.д., а также пожертвованную недвижимость частных лиц. За 2010 г. в республике построены и введены в эксплуатацию 46 мечетей (II).

Условия профессиональной деятельности духовенства в плане обеспеченности культовыми зданиями приходов достаточно благоприятные. Без культового здания или в приспособленном помещении в 2005 г. работали 5,8% опрошенных имамов. Мечети построены на средства из различных источников: за счет добровольных пожертвований – 40,4%, за счет предприятия-спонсора – 17,9, общины – 15,7, местной администрации – 15, республиканских средств бюджета – 3,9, федеральных средств бюджета – 1,4%. Оценка духовенством численности прихожан такова: у 10,6% имамов численность общин – до 10 человек, у 40,4% – от 10 до 50, у 16% – от 50 до 100, у 17% – от 100 до 500, у 13,3% – свыше 500 человек; нет данных – 2,7%¹.

Городские мусульманские приходы по количеству верующих в несколько раз превосходят сельские, в то же время количество сельских приходов и мечетей больше, чем городских. По наблюдениям служителей культа, ежедневно посещают мечеть 45,2% верующих; по пятницам и религиозным праздникам – 51,6; нет данных – 3,2%. По оценке духовенства, приходы республики состоят примерно из одинакового числа мужчин и женщин, в одних преобладают мужчины, в других женщины. Средний возраст прихожан 15% имамов отметили как до 40 лет; 27,4% – до 50; 34,5% – до 60; 12,4% – свыше 60 лет; от 10,6% нет данных².

По состоянию на 1 января 2012 г. в РБ функционируют следующие мусульманские учебные заведения: от ЦДУМ – Исламский университет, медресе «Нур аль-Ислам»; от ДУМ РБ – медресе «Галия», медресе им. М. Султановой, «Нур аль-Иман». Они нацелены на подготовку религиозных деятелей, знающих много вековые традиции мусульман Урало-Поволжья, способных организовать работу на местах в рамках традиционного для башкир и татар ханафитского мазхаба. Проблема мусульманского образования и нехватки профессиональных кадров духовенства в настоящее время не решена, хотя потребность общества в них весьма высока. В современных условиях нужны духовные лица, обладающие интеллектуальным и культурным потенциалом и возможностью его реализации. Мусульманское духовенство РБ осознает необхо-

¹ ПМА 2005 г.

² Там же.

димость получения дополнительного образования: 45% отметили, что нуждаются в дополнительном религиозном образовании; в светском – 6,1; и в религиозном и светском – 21,7; не нуждаются в дополнительном образовании – 19,4; нет данных – 7,8%¹.

Среди особенностей современного периода развития мусульманских религиозных объединений РБ можно выделить следующие: наличие тенденции к реорганизации административной структуры в связи с потребностью духовенства в едином лидере и духовном управлении, рост численности мусульманских религиозных организаций и входящих в них служителей культа, незавершенные процессы формирования системы мусульманского образования.

Уставные и нормативные документы ЦДУМ и ДУМ РБ выделяют ряд категорий мусульманских священнослужителей, обладающих определенными правами и обязанностями. В порядке назначения имамов преобладает принцип утверждения муфтием избранных общиной имамов. Специальные требования, например наличие глубоких знаний в области ислама, предъявляются к имам-хатыбам (руководителям мечетей) и имам-мухтасибам (главам мусульманских общин районов). В своей работе священнослужители руководствуются нормами шариата, действующим законодательством РФ, уставами духовных управлений, местной религиозной организации, приказами муфтиев. Обязанности и права духовенства определяются в соответствии с положениями и должностными инструкциями (III–VI).

Демографические данные свидетельствуют о том, что большинство духовных деятелей родом из Башкирии, как правило, это выходцы из сельской местности, из семей колхозников и рабочих. Около 30% продолжают семейные традиции служения исламу. Причиной обращения к духовной деятельности для имамов стали религиозные традиции семьи или влияние практикующих мусульман в ближайшем окружении. Представители духовенства обычно состоят в браке, в среднем имеют троих детей. В национальном составе опрошенного духовенства преобладают татары. В то же время духовные управления РБ неmonoнациональны, около 30% духовных лиц, работающих в приходах под их юрисдикцией, имеют нетитульную национальность, в ЦДУМ в основном работают татары, а в ДУМ РБ – башкиры.

¹ ПМА 2005 г.

Средний возраст мусульманского духовенства – 52 года. Постепенно основной фигурой становятся служители культа от 40 до 60 лет, а 25% имамов в настоящее время имеют возраст до 40 лет. В наши дни наблюдается процесс роста числа молодежи в духовенстве за счет выпускников религиозных учебных заведений, назначаемых духовными управлениями на место стажировок-самоучек и инициативных молодых людей в приходах без юрисдикции. В связи с постепенным омоложением корпуса духовенства увеличивается количество лиц, совмещающих два рода деятельности – духовную и светскую. В целом богослужение со светской деятельностью совмещают около 30% имамов. Рабочие и сельские работники являются основными источниками духовенства, однако за последние годы наблюдается тенденция роста числа бывших руководителей и учащихся, появилась группа бывших военных и работников правоохранительных органов. Так, по результатам анкетирования в 2005 г., предыдущим видом деятельности у 2,1% духовных лиц была руководящая работа, доля партийных работников среди них составила 13,8%; работников образования – 6,4; служащих – 12,8; рабочих – 27,1; сельских работников – 29,3; учащихся – 2,1; безработных – 1,1; нет данных о 5,9%¹. В 2011 г. эти показатели распределились следующим образом: опыт работы на руководящей светской должности имеют 14,7% духовных лиц; из бывших партийных деятелей таковых 4,1%; работников образования – 6; рабочих – 23,3; сельских работников – 23,3; служащих – 13,8; военных – 1,7; учащихся – 6,4; безработных – 1,4; другой должности – 2,6; нет данных о 2,7%².

Образовательный уровень опрошенного духовенства в целом можно оценить как невысокий, что обусловлено объективной причиной – ликвидацией системы традиционного мусульманского образования в годы атеизма. Большинство имамов имеют лишь базовое знание арабского языка, свободное владение арабским языком отметили 4,8% респондентов в возрастной группе 36–45 лет с хорошим богословским образованием. В целом прослеживается устойчивая тенденция повышения образовательного уровня мусульманского духовенства республики, что в определенной мере является следствием государственной поддержки исламского

¹ ПМА 2005 г.

² По данным полевых исследований автора (далее ПМА) 2009–2011 гг. Опрос мусульманского духовенства РБ. Размер выборки – 300 респондентов.

образования в стране и реализации конкретных мер по усовершенствованию его системы со стороны религиозных учебных заведений.

Мусульманское духовенство оценивает свое материальное положение как среднее, жилищные условия – как удовлетворительные. Современные мусульманские общины не в состоянии содержать своих духовных наставников, об этом свидетельствует то, что многие молодые выпускники медресе не работают по специальности по экономическим причинам. Одной из оптимальных форм приобретения постоянного источника дохода для молодых имамов является дополнительная светская профессия. По результатам опроса в 2011 г., начальное светское образование имеют 1,7% духовных лиц, среднее – 35,7, среднее специальное – 30,4, незаконченное высшее – 4,3, высшее – 21,6, без ответа – 1,7%. Среднее и среднее специальное светское образование духовенством получено в основном по техническим специальностям, несколько человек окончили юридический, медицинский, педагогический, кулинарный, музыкальный техникумы и училища¹.

Своей основной задачей, помимо выполнения предписаний ислама, мусульманское духовенство считает просветительскую и благотворительную деятельность. В повседневной жизни прихожан участвует абсолютное большинство опрошенных имамов: оказывают помощь молодежи в получении светского и религиозного образования, в трудоустройстве, в различных вопросах – малоимущим семьям, сиротам; ведут активную борьбу с негативными социальными явлениями, участвуют в процессе преподавания и организации религиозного образования, в поиске средств на строительство необходимых общественных и культовых зданий и т.д.

Городское и сельское духовенство имеет разный статус и разное социальное положение. Сельские имамы в основном традиционно связаны с деревней и по своему социальному происхождению и имущественному положению практически не отличаются от основной массы жителей. Например, дорогостоящий обряд хаджа в основном совершают городские имамы. Городские мусульманские приходы по количеству верующих также в несколько раз превышают сельские – от численности прихода зависит экономическое благосостояние духовенства. Большинство сельского духовенства ведет религиозную деятельность в местах своего рождения. В его составе преобладают самостоятельно обучившиеся

¹ ПМА 2009–2011 гг.

канонам ислама духовные лица. В городе высок процент молодых имамов и духовных деятелей, имеющих религиозное образование от среднего до высшего. Следует отметить отсутствие на селе связи между уровнем религиозного образования и авторитетом духовного служителя среди верующих. К тому же сельский ислам демонстрирует иммунитет к радикальным идеологиям – большинство ячеек «Хизб ут-Тахрир» и ваххабитов раскрыты в городах республики.

Деятельность мусульманского духовенства на общественной и политической жизни отражается слабо. Большая часть имамов не выступает в СМИ, не пишет статей. Однако интерес духовенства к развитию политической ситуации в стране и мире высок: 42,8% имамов постоянно следят за ней; 20,8% – время от времени проявляют интерес. Наиболее активную общественную жизнь ведут представители высшего духовенства в силу своего положения и личной инициативы: появляются в СМИ, участвуют в научных конференциях, встречах с представителями органов государственной власти.

Вопросы прихода духовные служители стараются решать самостоятельно или через Духовное управление. Духовенство не сотрудничает с научной общественностью: несмотря на то что многие подчеркивают необходимость такого сотрудничества, они не знают, как осуществить его на практике.

Одним из ключевых событий новейшей истории ислама России, вызвавшим колоссальный резонанс в общественных и религиозных кругах, стал раскол мусульманской уммы на множество независимых муфтиев. Основная масса имамов Башкортостана оценивает раскол как явление, негативно сказывающееся на развитии российской уммы, и считает, что в перспективе следует ожидать создания единого духовного управления в стране. Часть сельских имамов либо не знает о факте раскола, либо не признает его.

Общественные взгляды мусульманского духовенства РБ, по результатам опросов и интервью, свидетельствуют о том, что среди религиозных деятелей в разной степени представлены традиционисты, модернисты, консерваторы. Имеет место так называемый *стариковский ислам*, который ограничивается выполнением необходимых при рождении, бракосочетании и похоронах ритуалов. Большинство имамов РБ занимают промежуточную позицию между консервативным традиционализмом и модернизмом, избегают крайностей. Идеологической составляющей данной группы является восприятие ислама в качестве рецессивного компо-

нента привычных этноконфессиональных традиций, которые не всегда совпадают с его классическими канонами. В последнее десятилетие стали появляться радикально настроенные имамы, способные объединить молодых верующих, но не имеющие авторитета у прихожан старшего и среднего возраста.

В связи с кардинальной сменой политического строя официальное мусульманское духовенство относится к власти лояльно. Имамы считают, что государство должно максимально поддерживать мусульманскую общину. Большая часть духовных деятелей республики отмечают, что на федеральном и республиканском уровнях Закон «О свободе совести и религиозных объединениях» соблюдается не полностью. Политику органов государственной власти РФ и РБ по отношению к мусульманам расценивают как терпимую, в то же время отвергают существование дискриминации ислама со стороны органов государственной власти на территории РФ и РБ.

Мусульманское духовенство демонстрирует высокий уровень толерантности к представителям других религий в сферах делового и личностного взаимодействия и готовность к сотрудничеству с ними. Судя по социальному самочувствию духовенства, вопросы статуса традиционных конфессий в республике в перспективе не должны обостриться. Имамы признают активизацию радикальных течений и готовы разъяснить населению, в чем состоит различие между учением ислама и его радикалистским толкованием. Рост экстремизма в России представители духовенства связывают с социальными проблемами (29,1%), с общей неспокойной обстановкой в мире (28,3%), с поисками врагов (25,1%), затруднились ответить (17,5%)¹. По данным опроса 2005 г., радикализацию религиозных взглядов молодежи наблюдали 18,8% имамов; 30,2% не сталкивались с этим; 30,7% считали, что под радикализацией неверно понимается стремление молодежи лучше познать основы ислама; 20,3% затруднились ответить². Таким образом, более 60% имамов не признавали радикализацию религиозных взглядов среди молодежи республики. В 2011 г. уже 35,2% имамов отметили рост радикализации религиозных взглядов молодежи, большинство из них – городское духовенство, 35,2% – по-прежнему не наблюдают, затруднились ответить – 29,6%³.

¹ ПМА 2005 г.

² ПМА 2009–2011 гг.

³ Там же.

Для современного мусульманского духовенства характерны высокие жизненные ценности, такие как стремление стать человеком высокой культуры, овладеть знаниями и спасти свою душу служением Богу, а также служение на благо людям.

Таким образом, корпус мусульманского духовенства в республике немногочислен, не имеет внутреннего единства. Общественно-политическим весом и влиянием обладают отдельные лидеры. Для повышения конкурентоспособности и признания элитарной роли духовенства имамам республики, выпускникам мусульманских учебных заведений необходимо постоянно повышать уровень религиозного и светского образования, находить точки соприкосновения между различными идеяными позициями. Учитывая отсутствие системы религиозного образования на протяжении многих лет, повышение образовательного ценза мусульманского духовенства займет длительное время, хотя по сравнению с концом ХХ в. наблюдается заметный прогресс в этом вопросе, очевидны положительные тенденции. В настоящее время более половины имамов в Башкирии имеют высшее и среднее богословское образование.

Источники

- I – Население Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.): Стат. сб. – Уфа, 2006. – 225 с.
- II – Информация Совета по государственно-межконфессиональным отношениям при Президенте РБ за 2010–2011 гг. // Текущий архив Совета по государственно-межконфессиональным отношениям при Президенте РБ.
- III – Устав Духовного управления мусульман Республики Башкортостан образца 1999 г. // Текущий архив ДУМ РБ (Текущий архив Духовного управления мусульман Республики Башкортостан).
- IV – Устав мечети «Ихлас» Духовного управления мусульман Башкортостана образца 1999 г. // Текущий архив ДУМ РБ.
- V – Устав мусульманской религиозной организации Духовное негос. образоват. учреждение сред. проф. образования «Исламский колледж им. М. Султановой Духовного управления мусульман Башкортостана» (нов. ред.), 2011 г. // Текущий архив ДУМ РБ.
- VI – Устав Центрального Духовного управления мусульман России образца 1999 г. // Текущий архив Центрального Духовного управления мусульман России.

Литература

1. Фаттахов А.М. Влияние государственно-конфессиональных отношений на формирование гражданского общества на примере Республики Башкортостан // Инновационные ресурсы мусульманского образования и культуры: Вторые Фахретдиновские чтения: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. – М.; Н. Новгород: ИД «Медина», 2011. – С. 98–101.
2. Хабибуллина З.Р. Мусульманское духовенство Башкортостана: Социально-профессиональный состав // Материалы Съезда молодых востоковедов России и СНГ. – М.: Пробел-2000, 2012. – С. 274–281.
3. Мухаметшин Р.М. Татары и ислам в XX в. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана. – Казань: Фэн, 2003. – 303 с.
4. Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа: Уфим. полиграфкомбинат, 1999. – 352 с.

*«Ученые записки Казанского университета:
Гуманитарные науки»,
Казань, 2013 г., т. 155, кн. 3, ч. 2, с. 162–170.*

А.Поломошнов, Э. Гурбанов, М. Яхъяев,

политологи

ИСЛАМ И ПОИСКИ НОВОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В результате российских реформ 1990–2000-х годов республики Северного Кавказа находятся в транзитивном, т.е. переходном состоянии, в котором старые советские социальные формы и институты социальной организации либо разрушены, либо качественно трансформированы, а новые либерально-рыночные либо еще не достигли оптимальной эффективности, либо еще не сформированы в соответствии с оптимальными западными образцами. В этом состоянии общества доминирующую роль играют социальные институты и организации транзитивного типа, в которых качественно новые социальные элементы проявляются часто в искашенном виде или в сочетании со старыми, неэффективными, традиционными элементами. Во взаимодействии с системным социальным кризисом и разрушением прежней советской формы объективной социокультурной самобытности транзитивное состояние северокавказских обществ порождает идеологический кризис их социокультурной идентичности, т.е. кризис национального самосознания. Каковы же основные его проявления?

Идеологический кризис социокультурной идентичности северокавказских обществ состоит в том, что на смену разрушенной советской форме национального самосознания пока не пришла новая эффективная форма национальной идеологии, в которой остро нуждается местное общество.

Транзитивная идентичность является временной, переходной формой, несовершенной компенсацией эффективной цельной идентичности. Ее основными проявлениями являются фрагментация идентичности (как на уровне национальной идеологии, так и на уровне личностного, индивидуального сознания); острые конкуренции альтернативных идеологий, в ходе которых нередко образуются и разрушаются, вследствие их нежизнеспособности, несогласимости и противоречивости, самые разные временные идеологические комбинации.

Рассмотрим вначале фрагментацию социокультурной идентичности. Для этого необходимо предварительно ввести ключевое методологическое понятие цельной идентичности. Цельная идентичность, по нашему мнению, предполагает, во-первых, полноту компонентов идентичности – гендерная и этническая демографическая, социально-экономическая, политico-правовая, духовная, культурно-историческая и geopolитическая; во-вторых, качественную социально-историческую и культурную однородность этих компонентов; в-третьих, стройную структурированность, т.е. эффективное взаимное опосредование этих компонентов. Фрагментированная идентичность характеризуется неполнотой набора ее компонентов, а также качественной социокультурной разнородностью компонентов, образующих в итоге не целостную систему, а неэффективное их сочетание.

Итак, рассмотрим идеологический кризис идентичности на Северном Кавказе, сложившийся в результате и процессе реформ 1990–2000-х годов. После крушения социалистической идеологии здесь не появилась новая эффективная национальная идеология, а возникла ситуация идеологического вакуума и аморфности, сложилась мультикультурная среда, начались процессы конкуренции альтернативных идеологических систем, претендующих на роль национальной идеологии. На уровне массового сознания мы видим в северокавказских обществах стихийную самоидентификацию (различающуюся у разных социальных групп). На уровне государственной или национальной идеологии, определяемой властями и затем официально внедряемой через институты идеологической обработки населения, мы видим колебания, неопределенность,

поиск эффективной идеологии и попытки использовать утилитарные, не очень эффективные временныe идеологии.

Фактически сегодня северокавказские общества в лице их интеллектуальной и политической элит находятся в поиске современного национального самосознания, которое позволило бы консолидировать местные общества и обеспечить их эффективную интеграцию в российскую цивилизацию в условиях модернизирующейся рыночной экономической и социально-политической системы.

Альтернативные версии национальной идеологии, сложившиеся сегодня на Северном Кавказе, можно разделить на три основные группы:

- 1) религиозные (исламские), которые выстраиваются в парадигме религиозной культуры;
- 2) этнический этатизм;
- 3) светские гуманистические версии.

Вначале рассмотрим религиозные исламские версии национальной социокультурной идентичности республик Северного Кавказа. Маргинальная в советское время исламская идеология в постсоветский период стала трансформироваться, приспосабливаясь к роли национальной идеологии в контексте реформ и строительства новых местных северокавказских государственных образований. Правда, ислам в качестве национальной идеологии в республиках Северного Кавказа еще не получил официального статуса, но его позиции постоянно усиливаются. Превращение ислама в государственную национальную идеологию в республиках Северного Кавказа существенно сдерживается расколом местного ислама на два основных направления: традиционистский ислам и фундаменталистский ислам (ваххабизм, салафизм).

Традиционный ислам оказался в условиях реформирования идеологией, наиболее адаптированной к местным условиям, что обеспечило его растущее влияние в широких слоях населения и поддержку со стороны правящих северокавказских элит. Традиционный ислам предлагает идеологическую программу, которая освещает фактически сложившиеся социально-экономические и политические системы в республиках Северного Кавказа. Прежде всего, для него характерен момент акцентуации этничности. «Нельзя отрицать тот очевидный факт, что ислам и национализм на Кавказе, как, впрочем, и во всем остальном мусульманском мире, взаимодополняют и подпитывают друг друга... Восприятие жизненных реалий через призму религиозных верований стало

частью миросозерцания многих кавказских народов, их культуры, истории, образа жизни. Зачастую весьма трудно провести четкую грань между религиозными и национальными сторонами их жизни» [1, с. 282]. Традиционный ислам на Северном Кавказе неразделимо сросся с местной этничностью. В результате ислам выступает именно как форма сохранения этничности, и в то же время сам ислам носит ярко выраженную этническую окраску.

В плане социальной ориентации традиционный ислам принимает сложившийся в республиках Северного Кавказа социально-экономический порядок и разделение собственности. В плане политической ориентации традиционный ислам поддерживает правящие элиты и сложившуюся политическую систему. В плане духовной ориентации традиционный ислам претендует на роль официальной государственной идеологии в республиках Северного Кавказа и доминирование в педагогической, образовательной и культурной системах этих обществ. Крайне важным конструктивным моментом традиционного ислама является его установка на социокультурную автономию и плюрализм местных культур под общим патронажем ислама, а также на мирное сосуществование различных этносов и в особенности религиозных конфессий и течений внутри самого традиционного ислама. Традиционный ислам выступает также за дружественные, мирные отношения между русским и местными народами. В geopolитическом плане традиционный ислам сохраняет ориентацию на интеграцию республик Северного Кавказа в российскую цивилизацию, но на условиях значительно более широкой, чем в советский период, социокультурной и политической автономии. Таким образом, в целом традиционный ислам выступает формой охранительной, стабилизирующей идеологии.

Институты традиционного ислама на Северном Кавказе поддерживают центральную власть России, стабилизируют внутреннюю политическую ситуацию в республиках. Однако традиционный ислам пока не завоевал идеологического господства на Северном Кавказе. Кроме того, традиционный ислам как претендент на национальную идеологию северокавказских обществ имеет и слабые места. Как это ни покажется парадоксальным, традиционный ислам, стремясь реализовать свои претензии на ведущую идеологию северокавказских обществ, обнаруживает не только стабилизирующий, но и дестабилизирующий потенциал.

Исследователи отмечают, что попытки традиционного ислама занять место господствующей государственной идеологии ве-

дут к неприемлемой «идеологизации» ислама и исламизации общества. «В последние десятилетия традиционный ислам в регионе в процессе противостояния и борьбы с радикальными проявлениями ислама (салафизмом, ваххабизмом) оказался сильно политизированным. Такая чрезмерная политизированность ислама уже привела в некоторых северокавказских республиках (Чечне, Ингушетии) к исламизации отдельных сфер общественной и личной жизни» [6, с. 152].

По мере усиления позиций традиционного ислама обнаруживается, что оно ведет не к снижению, а к усилению конфликтогенности и напряженности в северокавказских обществах. «При количественном росте числа мечетей, религиозных организаций, увеличении числа совершающих религиозные обряды, когда в обществе велась пропаганда религиозных ценностей, распространялись литература и знания, ислам все же не стал консолидирующим фактором для верующих, усилились разногласия как среди мусульманского духовенства, так и среди рядовых верующих. К расколу по национальному признаку в последнее время прибавился и раскол верующих на разные течения, приведший в ряде случаев к массовому противостоянию и кровопролитию.

Имели место противоречия между духовенством, исламскими политическими партиями и обществом в целом. Сложилась ситуация, когда общество и государство придерживались светского устройства, а духовенство и исламские партии выступали за создание в регионе исламской республики» [6, с. 155–156].

Самой серьезной идеологической альтернативой традиционному исламу на Северном Кавказе выступает исламский фундаментализм. На Северном Кавказе этот фундаментализм принял форму салафитского течения – ваххабизма. Первоначально принесенный в регион в 90-е годы XX в. религиозными арабскими миссионерами извне, ваххабизм на благоприятной почве социального кризиса и geopolитической нестабильности завоевал немалую популярность среди части местного населения. «Главными противниками традиционалистов в республиках Северного Кавказа выступили фундаменталисты (салафиты, ваххабиты), идеалом которых является возврат и к реалиям “золотого века” ислама.., шариатизация общественной жизни, и воссоздание теократического государственного образования в форме Халифата, так называемый “Имарат Кавказ”» [6, с. 156].

Принципиальное отличие салафизма от местного традиционного ислама состоит в отношении к местным этнокультурным

особенностям и вообще к этничности как особенности религиозного сознания. Если традиционный ислам характеризуется акцентуацией именно местных этнокультурных черт и их синкретизмом с исламской доктриной и обрядностью, то салафиты выступают за очищение истинного ислама от этих моментов, возвращение к первоначальному, чистому от этнокультурных спецификаций и наследий исламу, в котором приравниваются этничность и этнокультурные различия, а акцент делается на этническую нейтральность и универсальность, безнациональность ислама.

В плане социальной ориентации ваххабизм также в духе салафизма стремится опереться на эгалитаристские социальные идеалы раннего ислама, чем привлекает множество сторонников среди малоимущих слоев населения, в то время как традиционный ислам обычно защищает сложившуюся социальную поляризацию местного общества.

В политической ориентации ваххабизм характеризуется стремлением построить клерикальное государство, в котором именно политическая власть была бы объединена с религиозной властью в руках мусульманских авторитетов. В культурной сфере ваххабизм ориентирован на полное доминирование исламской религии и культуры и над светской культурой, и над местной этнической культурой во всех областях духовной жизни, и прежде всего в образовании, воспитании и искусстве. Ваххабизм крайне агрессивно настроен по отношению к иноверцам, к которым причисляют и русское население Северного Кавказа. Наконец, ваххабизм geopolitically ориентирован на создание объединенного исламского фундаменталистского клерикального государства на Северном Кавказе, полностью независимого от России и направленного в своей политике на исламские государства Ближнего и Среднего Востока, некоего «Кавказского Имамата».

Является ли идеология исламского фундаментализма удовлетворительной альтернативой традиционному исламу на Северном Кавказе? Очевидно, что нет, поскольку она не предлагает никаких удовлетворительных решений острых социально-экономических и политических проблем, а лишь усиливает напряженность и конфликтогенность в северокавказских обществах. Она также практически несовместима с фундаментальным для северокавказских обществ элементом этнического и культурного своеобразия, самобытности, который всегда будет самым серьезным препятствием для их исламской интеграции в единое социально-политическое образование. Нет необходимости говорить также об

экстремистской, деструктивной сущности методов и способов реализации фундаменталистских идеалов, предлагаемых ваххабитами и неприемлемых для северокавказского общества.

Итак, сплачивает ли ислам Северный Кавказ? Сегодня мы можем дать скорее отрицательный ответ. Он лишь формально объединяет Северный Кавказ, внешне обрамляет этнический плюрализм Северного Кавказа. Сегодня существует явное несоответствие между возрастающей ролью ислама на Северном Кавказе и его очень слабой интеграционной функцией в отношении северокавказского общества. «Роль ислама в общественно-политической жизни республик Северного Кавказа с каждым годом усиливается... Вместе с тем мы вынуждены констатировать, что ислам не стал консолидирующим фактором для северокавказцев, среди которых по-прежнему преобладающим является фактор этнической и общинной принадлежности» [4].

Теперь рассмотрим светские альтернативы исламу в качестве доминирующей национальной идеологии северокавказских обществ. В республиках Северного Кавказа местные политические элиты для укрепления сложившейся социальной системы и усиления своей автономии от российского центра сделали ставку на политизацию и идеологизацию этническости, этнокультурную и политическую самобытность. Эта идеологическая система получила название «этнический этатизм». На pragматические политические корни этнического этатизма указывает К.С. Гаджиев: «В основе устремлений к национальному самоопределению или национальной независимости во многом лежали мотивы власти и статуса, политики и идеологии. Зачастую идеи права наций на самоопределение использовались теми или иными политиками или представителями национальных движений для оправдания и отстаивания своекорыстных, партикулярных интересов» [1, с. 259].

Этнический этатизм характеризуется некоторой идеологической маскировкой утилитарных политических интересов местных властных элит идеями социокультурного возрождения и расцвета местной этнической самобытности. Этнический этатизм фактически оказался формой политизации и идеологизации этническости. Он в условиях полиэтничности многих республик Северного Кавказа привел не к их консолидации, а напротив, к проблематическому разделению и конфликтности на почве столкновения этничностей. Этнический этатизм проблематичен в биэтнических и тем более полиэтнических республиках. «Проект создания этнократического государства предусматривает, что несогласные группы

должны быть сделаны различимыми, а затем подвергнуться асимиляции или устраниению. Культурная идентичность, вымыщенная или реальная, становится из факта “принадлежности” к культурной общности сильным политическим аргументом, который обосновывает политику разных возможностей» [2].

Этнический этатизм оказался вариантом фрагментарной идентичности, обслуживающей интересы местных политических и экономических элит, эрзац-идеологией, в которой тенденциозно интерпретированная этничность неправомерно превращена в основу и компенсацию всех остальных элементов идентичности. В этническом этатизме идея этнической самобытности и независимости абсолютизируется до абсурда и выступает неудовлетворительной компенсацией практического отсутствия четко выраженных социальных, экономических, политических и духовных ориентаций. Он откровенно обслуживает интересы правящих кланов, охраняя сложившееся распределение власти и собственности, социальную дифференциацию общества, но в условиях кризиса он никого не удовлетворяет, и особенно нищий народ. Это временный и хрупкий компромисс, не несущий в себе конструктивного потенциала. Опираясь на исторический опыт, К.С. Гаджиев отмечает тупиковость этнического этатизма: «В современном мире национализм как государствообразующая сила, особенно в многонациональных странах, представляет собой тупиковый путь со множеством тяжелых последствий. В этой ситуации абсолютно безосновательно строить государство вокруг одной национальности, замкнуть государственность на моноэтнической основе» [1, с. 261]. Ввиду своей откровенно апологетической сущности по отношению к правящим элитам, этнический этатизм в принципе оказался неспособен завоевать ни массовое сознание народов Северного Кавказа, ни сознание его интеллигенции.

Неудовлетворенная исламскими альтернативами и этническим этатизмом, понимающая их ограниченность, часть интеллигенции республик Северного Кавказа пытается выработать некую эффективную гуманитарную национальную идеологию, способную обеспечить, во-первых, эффективную социокультурную идентификацию населения республик, во-вторых, эффективную социокультурную интеграцию местных этносов в рамках сложившихся государственных образований, а также интеграцию северокавказских обществ в российскую цивилизацию.

Современная социогуманистическая мысль еще далека от окончательного решения проблемы теоретической формулировки

современной эффективной системы цельной идентичности российского общества, однако ряд важных шагов в этом направлении уже сделан. Прежде всего здесь стоит отметить формирование концептуального подхода, разделяющего уровни и формы идентичности и намечающего идею выстраивания гармоничной, конструктивной, многоуровневой и разнокачественной идентичности как позитивного единства многообразия идентичностей, снимающего их конфликтность, но не уничтожающего их разнообразие, путем выстраивания эффективной их иерархии. Во-вторых, следует, по нашему мнению, согласиться с принципами, на основе которых должна быть выстроена эффективная цельная модель современной культурной идентичности народов и республик Северного Кавказа, сформулированная, в частности, А.Ю. Шадже: «Для укрепления российской национальной идентичности необходимо решение следующих задач. Во-первых, определение общих (объединяющих) для всего российского общества начал, которые были бы близки и принимались представителями всех российских этносов и конфессий... Во-вторых, поиск объединяющей основы (платформы) сосуществования и взаимодействия разных видов идентичностей, в частности этнокультурной, региональной, конфессиональной и российской национальной идентичностей» [7, с. 6–7].

Интегрирующим ядром цельной российской идентичности многие исследователи видят общероссийскую гражданскую политическую идентичность. «Представляется перспективным новый тип идентификационной модели, предлагаемый Астафьевой О.Н., – “Этническо-культурная идентичность”, где ядром стала бы гражданская, национальная идентичность, не отрицающая многообразия этнокультурных идентичностей и иных коллективных идентичностей» [7, с. 9]. В этом же направлении мыслит и А. Магомедов, предлагающий, в частности, идентификационную модель «мы – дагестанский народ». Суть ее состоит в предлагаемой автором тройственной идентификации: «Дагестанцы давным-давно восприняли идеологию идентификационной триады, в соответствии с которой ощущают себя одновременно и представителями определенного дагестанского этноса, и дагестанцами, и россиянами» [5, с. 88–89]. По мнению А. Магомедова, термин «дагестанский народ» характеризует надэтническую гражданско-политическую общность дагестанских этносов, интегрированную в Российское государство. В то же время он считает, что эта надэтническая идентичность не отрицает и не уничтожает этнической идентичности. «Коллективная, гражданская идентичность – это

более широкая и универсальная идентичность, не перекрывающаяся этнической. Наличие многосоставного дагестанского народа не угрожает, не перекрывает и не совпадает с этнической идентичностью, а также признает за гражданами свободу сохранять и поддерживать свое культурное наследие» [5, с. 92].

Идею многоуровневой идентичности по-своему прорабатывает Е.С. Куква: «Структура такой идентичности выражена несколькими уровнями: этническим, региональным, национальным, цивилизационным и др. Концепция отстаивает их возможность взаимно дополнять друг друга, сосуществовать, иметь в разной степени актуализированными те или иные уровни в зависимости от социального контекста. Благодаря своей открытости структура многоуровневой идентичности способна “дробиться” на подуровни, прирастать новыми уровнями, а также “открываться” для новых видов идентичности по горизонтали. При этом открытость действует по принципу полилога, выстраивая взаимодействия как внутри системы – между уровнями, так и с другими системами, внешними по отношению к изучаемой. Так, границы между уровнями то устанавливаются, то стираются» [3, с. 111].

По нашему мнению, концепт многоуровневой идентичности содержит в себе определенный конструктивный потенциал, но выход из идеологического кризиса идентичности современного российского общества, и в особенности республик Северного Кавказа, может быть основан на более адекватном концепте: цельной идентичности. Многоуровневая идентичность образует некий иерархический, временный и хрупкий компромисс имеющихся не вполне совместимых потенциально и актуально конфликтных форм идентичности. Мечтать о достижении их сколько-нибудь прочного и устойчивого единства было бы утопией.

Главным слабым местом немногочисленных предлагаемых версий интегративной, цельной, многоуровневой и многокомпонентной идентичности является, по-нашему мнению, слабая проработка или полное отсутствие ключевого элемента идентичности – социальной ориентации. В этом плане мы можем предложить формирование цельной идентичности на основе именно социальной ориентации, которая бы выражала такой социальный идеал, который мог обеспечить выражение интересов и консолидацию разных социальных и этнических групп, а также политических образований. Нам кажется, что этот социальный идеал должен в конструктивной форме выражать принципы социального равенства и социальной справедливости, на основе которых и возможна

самая эффективная этническая, социальная, политическая интеграция, которая и должна быть важнейшим результатом цельной идентичности. Ни одна из рассмотренных нами версий, претендующих на роль национальной идеологии, формирующей современную эффективную идентичность северокавказских обществ, как нам кажется, не является вполне удовлетворительной. Данная ситуация закономерна для транзитивного общества, находящегося в состоянии системного кризиса. Транзитивная идентичность в таком обществе является неизбежно противоречивой, плюрализированной, фрагментированной идентичностью.

Идеологический кризис в северокавказском обществе тесно связан с системным социальным кризисом. Массовая нищета и безработица, отчуждение власти от народа, дисгармония отношений российского центра и республик Северного Кавказа делают проблематичной идентификацию этих республик и на уровне национальной идеологии, и на уровне массового сознания, и на личностном уровне. Имеющиеся формы идентичности носят дискретный, фрагментированный характер. Это эрзац-идентичность. «Анализ идентификационных процессов, имеющих место на политическом Северном Кавказе, опирается на констатацию “предельной выраженности” этнического и конфессионального разнообразия у населения региона. Конфигурация групповой и индивидуальной идентичности, а равно и идентификационные процессы выглядят как множественные, многоуровневые, эклектичные, фрагментирующиеся на всех уровнях» [3, с. 110].

Внутреннюю консолидацию и интеграцию социальной системы и населения северокавказских обществ и их эффективную интеграцию в российскую цивилизацию эта форма стихийной идентификации и фрагментарной идентичности обеспечить не может. Общая ситуация напоминает некий тупик: системный социокультурный, социально-экономический, духовный, политico-правовой кризис северокавказских обществ определяет и порождает кризис идентичности этих обществ и их национальной идеологии и на макро-, и на микроуровне. С другой стороны, эффективная национальная идеология – предпосылка выхода из кризиса. Получается некий замкнутый круг, который можно разорвать, если местная духовная элита сформулирует эффективную национальную идеологию и на ее базе – программу вывода общества из кризиса. А пока идеологический плюрализм затрудняет национальную консолидацию и идентификацию.

Каковы же условия и предпосылки решения проблемы современной эффективной социокультурной идентичности Северного Кавказа?

Во-первых, необходимо понимание сущности и истоков современного кризиса идентичности и необходимости поиска новой идентичности. И такое понимание, безусловно, существует и у местной политической элиты, и у интеллигенции.

Во-вторых, следует четко прояснить требования или критерии к искомой эффективной форме национальной идеологии. Эффективная версия национальной идеологии должна учитывать состояние массового сознания, а также эффективно реализовывать национальные интересы и функции консолидации населения. Сегодня главное для России и Северного Кавказа как специфического культурного региона – найти такую форму культурной идентичности, которая обеспечила бы стабильность Северного Кавказа и органическую интеграцию его в российскую цивилизацию во всех планах: социально-экономическом, политическом, духовном. Причем при этой интеграции Северный Кавказ не должен утратить свою этнокультурную самобытность, но не должен и абсолютизировать ее до цивилизационного сепаратизма.

В-третьих, искомая национальная идеология должна быть цельной, в то время как имеющимся сегодня конкурирующим идеологическим системам присуща компенсационная и фрагментированная идентичность, при которой ее отдельные элементы разнокачественны и не согласованы друг с другом, либо один элемент неэффективно замещает функции другого.

В-четвертых, в поисках эффективной национальной идеологии следует определиться с самой процедурой. Какие действия и шаги должна предпринять элита местных обществ в решении этой задачи? Одним из важнейших действий здесь является, по нашему мнению, конструктивный разговор интеллигенции, власти и народа, направленный на поиск и установление социального и идеологического консенсуса на основе компромиссов и интеграции интересов всех социальных групп северокавказских обществ, а также северокавказских республик и российского центра.

Если говорить собственно о процессе выработки эффективной национальной идеологии, то, очевидно, он включает в себя следующие этапы: 1) теоретический анализ проблемы, который предполагает выработку альтернативных концепций и полемику между ними; 2) общественное обсуждение предложенных альтернативных концепций социокультурной идентичности Северного

Кавказа; 3) осуществление выбора определенной концепции; 4) внедрение принятой концепции в массовое сознание и пере-стройка политики местной власти в соответствии с этой концепцией. На каждом из этапов решения этих задач существует множество внутренних и внешних проблем, затруднений и противоречий. Это касается и самого содержания социокультурного самосознания Северного Кавказа, и технических процедур его теоретического исследования, и научной полемики, общественного обсуждения, принятия и внедрения в общественное сознание.

Литература

1. Гаджиев КС. Кавказский узел в геополитических приоритетах России. – М.: Логос, 2010.
2. Дегтярев А. Выбор из двух зол. URL: <http://evrazia.org/print.php?id=1348> (Дата обращения: 12.03.2011.)
3. Куква Е.С. Многоуровневая идентичность на Северном Кавказе: Попытка применения синергетической методологии // Северный Кавказ в фокусе российской идентичности / Под ред. А.Ю. Шадже. – М: Российское философское общество. – Майкоп, 2011.
4. Курайши Д.А. Исламский фактор в политических процессах республик Северного Кавказа / URL: polit.msu.ru/pub/asp_doc/Diss_sovet/Kurajshi_autoref.doc (Дата обращения: 8.05.2012.)
5. Магомедов А. Формирование национально-государственной идентичности дагестанцев-россиян в современных условиях // Двадцать лет реформ: Итоги и перспективы: сб. ст. / Под ред. М.К. Горшкова, А.Н.-З. Дибирова. – М. – Махачкала: Лотос, 2011.
6. Религиозно-политический экстремизм: Сущность, причины, формы проявления, пути преодоления / Под ред. М.Я. Яхъяева. – М.: Парнас, 2011.
7. Северный Кавказ в фокусе российской идентичности / Под ред. А.Ю. Шадже. – Майкоп, 2011.

«Исламоведение»,
Махачкала, 2013 г., № 4, с. 27–35.

А. Рашид,

журналист

**ЧТО И ПОЧЕМУ НАМ СЛЕДУЕТ ЗНАТЬ
О ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Морозной ночью 12 декабря 1991 г. я стоял на обледенелом асфальте аэропорта под Ашхабадом, столицей бывшей Туркменской Советской Социалистической Республики – в самом сердце

Центральной Азии, наблюдая, как здесь собирались пять бывших руководителей коммунистических партий, а в будущем президентов республик Туркменистан, Казахстан, Узбекистан, Киргизстан и Таджикистан. Почетный караул, военный оркестр, танцующие девушки с замерзшими цветами в руках выполняли сложные перестроения, дрожа от холода все то время, пока приземлялись самолеты высоких гостей, сходивших по трапам на летное поле в шубах и шапках.

Это был важный момент мировой истории. Четыре дня назад президент России Борис Ельцин и руководители Украины и Беларуси подписали договор о распуске Советского Союза. Пять центральноазиатских республик нежданно-негаданно стали независимыми, но при этом никто даже не подумал предварительно посоветоваться с их главами. Испытывая злость, досаду, страх, чувствуя себя брошенными «Россией-матушкой» и с ужасом думая о последствиях, они просидели всю ночь, обсуждая свое будущее.

Странно было видеть наследников великих завоевателей – Чингисхана, Тамерлана и Бабура – такими перепуганными. Они были привязаны к Москве тысячами нитей, от линий электропередач до автомобильных и железных дорог и телефонных сетей. Центральная Азия была превращена в обширную колонию, производящую сырье – хлопок, пшеницу, металлы, нефть и газ – для советской индустриальной машины в западной части России. Они смертельно боялись экономического и социального коллапса – ведь Ельцин попросту вышвырнул их из империи. В ту ночь заместитель министра иностранных дел Туркменистана сказал мне: «Мы не празднуем, мы оплакиваем нашу независимость».

На следующее утро пять лидеров заявили, что все они присоединяются к вновь образованному и мало к чему обязывающему союзу, названному Содружеством Независимых Государств (СНГ). Ввиду сомнений относительно жизнеспособности государств Центральной Азии немалое число из 51 млн человек, проживавших в регионе и принадлежавших примерно к 100 различным этническим группам, стали собираться в Россию. Еще никогда рождение новых государств не сопровождалось таким обилием сомнений, страхов и такой неуверенностью, ощущаемой самими освобождаемыми людьми.

Об этом важно помнить, глядя на Центральную Азию сегодня, 22 года спустя, и находясь в ожидании другого исторического события: вывода войск США и НАТО из Афганистана в 2014 г. Страны Центральной Азии выжили, несмотря на репрессии и от-

существие реформ во всех пяти государствах, гражданскую войну в Таджикистане и протесты, резню и экономический упадок в Киргизстане, Таджикистане и Узбекистане. Но относительно преуспели только энергопроизводящие государства – Казахстан и Туркменистан. Согласно *World Factbook* ЦРУ, ВВП на душу населения в Казахстане в настоящее время составляет 13 900 долл., а в Туркменистане – 8500 долл., и их совместная доля достигает 2/3 от суммарного ВВП стран Центральной Азии. В противоположность этому в Таджикистане и Киргизстане ВВП на душу населения составляет чуть более 2 тыс. долл.

После 11 сентября 2001 г. крупные державы – Россия, Китай и США – вновь стали проявлять интерес к этому региону по той простой причине, что он граничит с Афганистаном. И руководители стран Центральной Азии играют на противоречиях между великими державами, ведя хитроумную и беззастенчивую игру с целью извлечь максимальную выгоду в виде кредитов, инвестиций, оружия и платы за аренду военных баз на своей территории.

Как и в 1991 г., сейчас для Центральной Азии наступил переломный момент, и ее серьезно беспокоит, что же будет дальше. Одержат ли талибы вновь победу в Афганистане, после чего в страны Центральной Азии будет открыт путь исламистским группировкам, тесно связанным с «Аль-Каидой» и наращивающим свои силы на базах в Пакистане? Прокатятся ли по региону populistические революции, похожие на «арабскую весну»? В Киргизстане это случалось уже дважды – в марте 2005 г. и апреле 2010 г., и результатом стало свержение двух президентов.

Станут ли эти слабые государства, нуждающиеся в экономических ресурсах, заложниками Китая или России? Поможет ли им преодолеть нестабильность самый крупный региональный союз – направляемая Китаем Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), членами которой являются все эти страны, или же этот альянс по-прежнему будет уклоняться от серьезных реформ?

Китай и Центральная Азия

Ни одна из рассматриваемых здесь работ не дает исчерпывающих ответов на эти вопросы, однако наиболее полный анализ представлен в книге Александра Кули «Большие игры, местные правила: Новое противостояние великих держав в Центральной Азии». Все авторы едины в том, что в Центральной Азии наблюдается беспрецедентный рост влияния Китая. Марлен Ларюэль и

Себастьян Пейруз, ученые из Университета Джорджа Вашингтона (округ Колумбия), в работе «Китайский вопрос в Центральной Азии: Государственное устройство, социальные изменения и китайский фактор» показывают, что Китай уже является доминирующей экономической силой в регионе. Начиная с 1991 г. Китай решает жизненно важную стратегическую задачу – добиться, чтобы уйгуры (самая крупная в Китае мусульманская этническая группа), проживающие в западной провинции Синьцзян, даже не помышляли о своей независимости, а переселившиеся в Центральную Азию сотни тысяч уйголов не подстрекали их к этому. В 1950-е годы множество уйголов бежало от маоистского режима, и убежище они нашли в советской Центральной Азии, где к ним относятся довольно хорошо.

После 1991 г. Китай оказал огромное давление на три центральноазиатские страны, граничащие с провинцией Синьцзян, – Казахстан, Таджикистан и Киргизию, вынудив их жестко ограничить политическую деятельность проживающих там уйголов. Взамен Китай подсластил пилюлю, урегулировав пограничные споры, на протяжении десятилетий отравлявшие китайско-советские отношения в Центральной Азии. За десять лет была проведена демаркация границ между Китаем и государствами Центральной Азии, и проблема была решена, что позволило Китаю тотчас же начать стремительное экономическое проникновение в регион.

Тем не менее уйгурский национализм и идеология исламского радикализма в Синьцзяне продолжают укрепляться, в то время как Китай наводняет эту провинцию китайцами-хань и проводит жесткие репрессии против мусульман. Поскольку уйголов Центральной Азии заставили по большей части замолчать, некоторые из них, пройдя соответствующее обучение, воюют рука об руку с талибами в Пакистане и Афганистане. За последние десять лет Китай вложил в Центральную Азию значительные средства. Ларюэль и Пейруз пишут в связи с этим: «Менее чем за десять лет Китай сделался одним из трех крупнейших торговых партнеров каждого из государств Центральной Азии. Он контролирует четверть добываемой в Казахстане нефти, построил трубопровод, идущий от Каспийского моря в Синьцзян, стал для Туркменистана предпочтительным импортером его газа, установил квазиэкономический протекторат над Киргизстаном, который выживает в основном за счет реэкспорта китайских товаров, а Таджикистан играет для него роль “ворот” в Афганистан, к которым он имеет привилегированный доступ».

Мне кажется, что выводы этих двух авторов чрезвычайно важны в рамках любого серьезного обсуждения будущей геополитической роли Китая в Азии. Цифры внешнеторгового оборота этих стран указывают на заметный рост китайских инвестиций. Если в 2002 г. объем торговли Китая со странами Центральной Азии не превышал 1 млрд долл., то в 2006-м он достиг 10 млрд, а к 2010 г. составил уже 28 млрд долл. Для сравнения: объем торговли России со странами Центральной Азии в 2010 г. составил всего 15 млрд долл. Очевидно, что Китай ослабляет экономические узы, которые традиционно связывали Центральную Азию с Россией.

Кроме того, Пекин нарушил монополию России на вывоз казахстанской нефти и туркменского природного газа. Сейчас два проложенных Китаем трубопровода (один берет начало в Атырау, на казахстанском побережье Каспийского моря, другой – в Туркменистане) перекачивают, соответственно, нефть и газ через всю Центральную Азию в Синьцзян, где строятся новые трубопроводы, доставляющие углеводороды в промышленные районы Китая вплоть до побережья Тихого океана. Газовый трубопровод вскоре уже сможет поглощать дополнительные объемы газа, добываемого в Узбекистане, Казахстане и в перспективе – в Афганистане. Кули в одном из интервью упомянули «все более громкий всасывающий звук, доносящийся с Востока». Эти поставки энергоносителей из Центральной Азии обеспечивают Китаю высочайший уровень безопасности, поскольку снижают его зависимость от импорта энергоносителей, перевозимых морским путем, который США могут попытаться ограничить.

Несмотря на все это в Центральной Азии, как и повсюду в третьем мире, к Китаю относятся довольно враждебно, поскольку он жестоко эксплуатирует регион, мало что предлагая взамен. Так, китайские компании привозят своих рабочих и свое оборудование, не принимают на работу местных жителей и не обучают их нужным специальностям, отказываются закупать местные товары и продукты. Часто приходится слышать и конспирологические рассказы о том, что Китай скупает в Центральной Азии сельскохозяйственные земли или заселяет их миллионами своих крестьян. Народы Центральной Азии опасаются китайского влияния, даже когда их лидеры раскрывают свои объятия Китаю, который не задает вопросов об отсутствии демократии и соблюдения прав человека или о нежелании проводить экономические реформы (в этом плане Запад считается слишком навязчивым).

В недавнем докладе Международной кризисной группы «Центральноазиатская проблема Китая» читаем: «Китайская практика ведения бизнеса вызывает негативные чувства в регионе, где настороженность по отношению к Китаю... и так велика... Китай видит определенное родство между авторитарными режимами в Центральной Азии и у себя дома и, по крайней мере на публике, защищает их, используя одну и ту же риторику». В этом докладе говорится, что нынешняя торговая и инвестиционная практика Китая в Центральной Азии не может длиться вечно, если Китай не будет демонстрировать большую заботу об улучшении жизни местного населения. Однако Китай, кажется, теперь начинает воспроизводить ту же политику в Афганистане, с которым у него общая пятидесятимильная граница в Ваханском коридоре. В течение последнего десятилетия он отказывался предоставлять афганцам сколько-нибудь серьезную помощь, будь то в сфере обеспечения безопасности или развития инфраструктуры. За последние 12 лет он оказал Афганистану экономическую помощь всего на сумму 2 млрд долл. – меньше, чем предоставила гораздо менее богатая Индия в рамках многих гораздо более впечатляющих проектов.

Китай заключает с Афганистаном контракты на добычу полезных ископаемых по мере того, как они становятся доступными. Он вложил 3,5 млрд долл. в медные разработки Айнак неподалеку от Кабула и сделал предложения по нескольким нефтяным месторождениям на севере Афганистана. Нет сомнений в том, что открытие доступа на международные рынки минеральным богатствам Афганистана позволит отчаянно нуждающемуся в средствах Кабулу получать неплохие доходы и в долгосрочной перспективе поможет стабилизировать ситуацию в Афганистане, однако сначала нужно дождаться окончания войны, и только тогда можно будет начать разработку полезных ископаемых. Китай проявляет терпение и, видимо, готов ждать окончания гражданской войны, которая может продолжиться и после 2014 г. Но пока нет никаких гарантий того, что он начнет предоставлять афганцам работу, налаживать здесь профессиональное обучение и, так сказать, вкладывать средства в афганский народ и его экономическое будущее.

Пекин вовлек страны Центральной Азии в Шанхайскую организацию сотрудничества, которую и Китай, и эти страны считают наиболее адекватной многонациональной организацией. Созданная в 1996 г. как «Шанхайская пятерка», в настоящее время ШОС объединяет четыре государства Центральной Азии, Россию и Китай; Туркменистан придерживается нейтралитета и не входит в

ШОС, тогда как южные соседи, такие как Иран, Пакистан и Индия, напротив, стремятся стать ее полноправными членами. Многим западным аналитикам ШОС представляется организацией, существующей только «на бумаге», которая не в состоянии предпринять совместные военные действия против террористов или действительно объединить центральноазиатских лидеров, печально известных своим нежеланием сотрудничать друг с другом.

И все же своих главных целей Китай достиг. ШОС под его влиянием успешно «похоронила» уйгурскую проблему под лозунгом борьбы с тремя силами зла – «терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (в трактовке Китая этот лозунг больше применим к уйгурам, нежели к «Аль-Каиде»). Китай обладает огромным влиянием на режимы в Центральной Азии, которые предоставляют ему транспортные пути и торговый доступ в Россию, Турцию и на Кавказ.

Возьмет ли на себя Пекин в ближайшие годы ответственность за Центральную Азию и Афганистан, использует ли он свои дипломатические возможности для мирного урегулирования ситуации в регионе, поможет ли создать инфраструктуру и поддержит ли проведение экономических реформ в беднейших странах Центральной Азии, в которых он пользуется наибольшим влиянием? Или же Китай останется алчной страной, выкачивающей минеральные ресурсы, избегающей всякой политической ответственности в Центральной Азии и охотно предоставляющей другим разбираться с хаосом, царящим в Афганистане?

До сих пор китайцы отказывались принимать участие в миротворческих инициативах по Афганистану или в переговорах с талибами, а это именно то, чему они могли бы содействовать. Китай пользуется огромным влиянием в Пакистане, где находится руководство талибов. При этом он не позволил ШОС согласиться на участие в региональном урегулировании после 2014 г., когда американские войска покинут Афганистан. Только Китай имеет достаточную экономическую мощь и политический авторитет для установления мира в Афганистане, а также ресурсы, чтобы заполнить грядущий вакуум власти, но вопрос в том, захочет ли он взять на себя такую ответственность.

Россия и США в Центральной Азии

США проводили и проводят в Центральной Азии не менее близорукую политику, чем Китай. Александр Кули из Колумбий-

ского университета и Шарбану Таджбахш (иранка по происхождению) из Института политических исследований в Париже известны как ведущие специалисты по Центральной Азии. Они и на этот раз не разочаровали. Книга Кули представляет собой очень доходчивый и хорошо написанный обзор американской политики в Центральной Азии за последние десять лет. И он, и Таджбахш, которая пишет для Норвежского научно-исследовательского центра, едины в том, что у США отсутствует стратегический подход к Центральной Азии.

Вместо этого, начиная с 2001 г. три американские администрации, включая нынешнюю, уделяли первостепенное внимание вопросам военного сотрудничества с государствами Центральной Азии в целях содействия Соединенным Штатам и НАТО в решении их задач в Афганистане. А это автоматически приводит к тому, что центральноазиатские лидеры игнорируют и отклоняют требования США относительно политической либерализации, уважения прав человека и проведения экономических реформ. Центральная Азия является еще одним примером того, насколько милитаризированной стала после 2001 г. американская внешняя политика.

В своей книге «Большие игры, местные правила» Кули идет еще дальше, показывая, как Центральное командование США (CENTCOM) часто сводило на нет усилия Государственного департамента и других ведомств американского правительства тем, что продолжало передавать деньги и покровительствовать руководителям стран Центральной Азии и их вездесущим спецслужбам, хотя официальная линия США состояла в том, чтобы сократить такого рода помощь. Особенно зримо это проявилось в случае с президентом Узбекистана Исламом Каримовым, который приказал войскам открыть огонь по демонстрантам в Андижане в Ферганской долине в 2005 г., когда погибли не менее 800 человек. Командование CENTCOM продолжало финансировать узбекских военных, несмотря на то что отношения Государственного департамента США с Каримовым стали намного прохладнее. «Обязательства центральноазиатских правительств по защите политических прав и прав человека... порваны в клочья во имя борьбы с терроризмом», — пишет Кули.

Главная задача США и НАТО состояла в том, чтобы сохранить базы в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане, поэтому они мирились с коррупцией и даже способствовали ее широкому распространению среди правящих элит. Согласно Кули, после 2008 г.

потребовались существенные денежные выплаты, чтобы получить согласие элит Центральной Азии на создание Северной распределительной сети (СРС) – сети автомобильных и железных дорог, проходящей через сухопутные евразийские страны и обеспечивающей снабжение коалиции сил Запада в Афганистане. СРС явилась альтернативой пакистанскому маршруту. Кули пишет: «Такое впечатление, что необходимым условием поддержания операций США в Афганистане является толерантное отношение к коррупции и даже активное содействие ей, а также к злоупотреблению властью в Центральной Азии». Теперь, когда США должны начать вывод войск и техники из Афганистана, усиливается их зависимость от СРС, благодаря чему государства Центральной Азии, несомненно, извлекут большие дивиденды.

С 2011 г. США пытаются разработать для региона Центральной Азии более широкую концепцию, которую они называют «Стратегией Шёлкового пути». Эта стратегия предусматривает реализацию крупномасштабных инфраструктурных проектов, способных объединить регион. Среди этих проектов – долгожданный газопровод из Туркменистана в Пакистан через Южный Афганистан, национальная железнодорожная сеть в Афганистане, передача электроэнергии из Киргизстана в Афганистан и Пакистан. Однако приступить к осуществлению такой стратегии вряд ли удастся в ближайшее время. Ведь это зависит от заключения мира с талибами и от всеобъемлющего регионального урегулирования отношений со всеми прямыми соседями Афганистана – Китаем, Ираном, Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном, а также с крупными странами вокруг Афганистана – Индией, Россией и Саудовской Аравией. А все это выглядит маловероятным.

Россия проводит противоречивую политику в отношении Центральной Азии и Афганистана. Она помогла США создать военные базы в Центральной Азии, но затем пыталась давить на эти государства с целью расторгнуть соглашения о базах. Россия хочет, чтобы США ушли из Афганистана и твердо настаивает на том, чтобы силы НАТО не оставались здесь после 2014 г. Но в то же время она, выражая тревогу по поводу афганского наркотрафика и усиления влияния талибов, в мягкой форме просит США не уходить полностью из региона. Россия подвергает суровой критике государства Центральной Азии, в частности Узбекистан, за слишком тесное сближение с США, но в то же время поощряет поддержку ими сети СРС и других объектов, необходимых США. 20 лет назад в Центральной Азии не могли и подумать о посяга-

тельстве на интересы России, но сегодня страны Центральной Азии регулярно пренебрегают ее мнением и эксплуатируют ее, отдавая предпочтение США и Китаю.

Царство диктаторов

В большинстве государств Центральной Азии (исключение составляет сравнительно небольшой Киргизстан) сохраняются диктаторские режимы. За 20 лет своей независимости они, в отличие от некоторых других бывших советских республик, так и не приступили к политическим и экономическим реформам. Из-за распри и жесткой конкуренции между их лидерами межгосударственное сотрудничество практически находится на нулевой отметке, что породило крупномасштабные проблемы. Морозной декабряской ночью 1991 г. руководители этих стран договорились создать экономический союз, чтобы выжить, но ничего из этого так и не получилось. Сотрудничество отсутствует даже по таким исключительно важным вопросам, как распределение водных ресурсов, производство и распределение электроэнергии, борьба с наркотрафиком и террористической угрозой, исходящей из Афганистана.

В докладе «Центральная Азия и Афганистан» Шарбану Таджбахш показывает, что у каждого из государств Центральной Азии имеется свой, отличный от других, взгляд на будущее Афганистана. Однако ни одно из них не готово смягчить свои притязания на ресурсы во благо всего региона. Автор утверждает, что соперничество лидеров центральноазиатских государств подогревается обострившимся геополитическим соперничеством между Китаем, Россией и США, но это не совсем так. Внутрирегиональная политическая конкуренция на протяжении двух последних десятилетий нарастала по мере того, как каждый из здешних режимов становился все более и более коррумпированным, жадным до власти и узколобым, хороня всякую надежду на перемены. В докладе Международной кризисной группы говорится: «С каждым годом некоторые обширные области Центральной Азии выглядят все менее безопасными и стабильными. Коррупция здесь становится повальной, криминализация политического истеблишмента усугубляется, сфера социальных услуг резко сужается, а силы безопасности слабеют».

Теперь некоторые лидеры хотят, чтобы их на занимаемых ими постах сменили родственники.

В Узбекистане Ислам Каримов и в Казахстане Нурсултан Назарбаев находятся у власти по 23 года. Согласно данным право-защитных организаций, Каримов многие годы держит в тюрьме примерно 10 тыс. политзаключенных, хорошо известно о применении пыток, например людей сажают в воду, доводя ее постепенно до кипения. Первый президент Туркменистана Сапармурат Ниязов, скончавшийся в 2006 г., в последние годы своей жизни был одержим манией величия, а на его личных банковских счетах, по оценкам, хранилось 2 млрд долл., вырученных за продажу туркменского газа. По некоторым данным, правящая элита Таджикистана обязана своим пребыванием у власти среди прочего своему участию в наркотрафике из Афганистана.

Наиболее вероятный и опасный политический кризис может разразиться в результате внутренней борьбы за посты лидеров двух самых могущественных государств Центральной Азии – Узбекистана и Казахстана. Оба президента в возрасте – Каримову 75 лет, Назарбаеву 73 – и к тому же слабы здоровьем, и совершенно непонятно, кто придет им на смену. Как о возможной преемнице говорят о влиятельной, властолюбивой и в то же время гламурной дочери Каримова Гульнаре, которой 41 год, хотя многие влиятельные узбеки выступают против нее. В Узбекистане ширится недовольство из-за роста цен на продовольствие, безработицы, ухудшения ситуации в сфере образовательных и медицинских услуг и широко распространенной коррупции.

В Казахстане Динаре Назарбаевой-Кулибаевой, одной из трех дочерей президента, 45 лет. Она замужем за Тимуром Кулибаевым, бизнесменом-миллиардером, нынешним главой Kaz-Energy, который является фаворитом президента и может стать его преемником. Любая стычка между конкурирующими группировками за наследование власти может обернуться кровью, так как по одну сторону баррикад идет мобилизация органов государственной безопасности, а по другую – сил кланов.

В книге Филиппа Шишкина «Бесспокойная долина: Революция, убийства и интриги в сердце Центральной Азии» регион предстает во всей своей сложности и неоднородности, как переплетение страшного и причудливого, порочного и возвышенного. Он пишет, в первую очередь, об Узбекистане и Киргизстане, находящихся на разных концах политического спектра. Небольшой по центральноазиатским меркам Киргизстан с населением в 5,5 млн человек, обитающих в одной из самых высоких горных систем мира, не имеет иных средств к существованию, кроме отгонного

овцеводства и доходов от единственного золотого прииска. Эти люди упорно пытались построить демократическое государство и ради этого свергли двух своих президентов. Результатом стали, как и следовало ожидать, еще большие нищета и хаос.

Шишкин, американский журналист русского происхождения, описывает эти события в далеком уголке мира захватывающей дух поэтичной прозой. К сожалению, он не склонен углубляться в историю, а это очень важно для понимания данного региона, и мало внимания уделяет исламу, который, несмотря на 70 лет советского атеизма, играет ключевую роль для народов Центральной Азии. Вместо этого он упорно выискивает и рассказывает истории как о самых коррумпированных и влиятельных персонажах, так и о чистосердечных и достойных восхищения людях, населяющих эти горы. Особенно впечатляет глава, в которой описывается массовое убийство людей в узбекском городе Андижане в 2005 г. – автор был одним из немногих западных журналистов, находившихся в Узбекистане в то время, правда, ему не разрешили приехать в город, пока оттуда не были вывезены груды трупов.

Шарбану Таджбахш пишет, что в странах Центральной Азии «понимают, что ситуация в Афганистане остается очень нестабильной и что возможно возобновление конфликта, который для этого региона будет означать приток беженцев, появление полевых командиров и незаконный оборот наркотиков».

Число сторонников Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и Союза исламского джихада увеличилось, а их идеология за годы изгнания стала еще более радикальной. В 2000 г. ИДУ представляло серьезную угрозу для Киргизстана и Таджикистана. Впоследствии эти движения присоединились к «Аль-Каиде» и «Талибану», а их лидеры в настоящее время (после 12-летнего пребывания в племенных районах Пакистана) пытаются вернуться в Центральную Азию через Афганистан. Только в этом году спецназ США и НАТО провел на севере Афганистана 12 операций против ячеек ИДУ, причем четыре из них находились в провинции Кундуз, граничащей с Таджикистаном. По меньшей мере два руководителя ячеек были захвачены.

В настоящее время контингент ИДУ – это представители различных тюркских национальностей, начиная от туркменов и уйгуров и до этнических турок и даже турецких мигрантов, родившихся в Германии. ИДУ принимает в свои ряды и представителей нетюркских групп, таких как чеченцы, таджики, паки-

станцы и кашмиры. Более того, ИДУ имеет тесные связи с мощной пакистанской группировкой «Лашкар-э-Тайба».

Борьба государств Центральной Азии с экстремистскими группами была бы более успешной, если бы у них был общий подход к миротворческим усилиям в Афганистане, но его нет. Таджбахш пишет: «Отсутствие единого подхода к Афганистану отражает отсутствие внутрирегионального сотрудничества и совместной стратегии безопасности в рамках самого [региона]». У каждой из стран Центральной Азии своя стратегия.

По-видимому, этому региону предстоят бурные перемены, как из-за давления снизу, требующего реформ и демократизации, так и под влиянием политики, проводимой крупными региональными державами. США, может быть, не полностью, но все же покидают этот регион, а Россию ожидает глубокий экономический и политический кризис, который ее руководители не хотят признавать, поэтому позиции Китая в Центральной Азии и Афганистане еще больше укрепятся. Но что реально сможет сделать Китай при всей его мощи в этом регионе (и сможет ли вообще), пока остается тайной.

Сэр Хэлфорд Маккиндер, основоположник геополитики, еще в XIX в. считал Центральную Азию «регионом, вокруг которого вращается мировая политика», и «харт-лендом» («срединной землей»), поскольку, по его словам, «это наиболее мощная естественная крепость в мире». Он полагал, что тот, кто контролирует Центральную Азию, получает огромную власть. Однако до сих пор ни одна страна не контролирует этот регион, и после 2014 г. борьба за влияние на него будет вестись по разным направлениям. Но так или иначе, если США и другие западные державы будут по-прежнему его игнорировать и пренебрегать тем, что здесь происходит, они подвергнут себя серьезной опасности.

Литература

1. Marlène Laruelle, Sébastien Peyrouse. *The Chinese Question in Central Asia: Domestic Order, Social Change and the Chinese Factor*. Columbia Univ. Press, 2012. 271 p.
2. Alexander Cooky. *Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia*. Oxford Univ. Press, 2012. 252 p.
3. Central Asia and Afghanistan: Insulation on the Silk Road, Between Eurasia and the Heart of Asia / A Report by Shahrbanou Tadjbakhsh. Peace Research Institute Oslo: PRIO Paper, 2012, 62 p., available at www.prio.no

- Philip Shishkin. Restless Valley: Revolution, Murder and Intrigue in the Heart of Central Asia. Yale Univ. Press, 2013. 316 p.
- China's Central Asian Problem / A Report by the International Crisis Group // Asia Report. N 244. 2013. Febr. 27. 35 p., available at www.crisisgroup.org

«*Pro et Contra*»,
M., 2013 г., ноябрь–декабрь, с. 126–184.

А. Казанцев,

доктор политических наук,

директор Аналитического центра

Л. Гусев,

кандидат исторических наук

ПРОГНОЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

И АФГАНИСТАНЕ: ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ

ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В ИНТЕРЕСАХ

БЕЗОПАСНОСТИ РФ

Одну из важнейших угроз для безопасности России представляет глобальный терроризм. Данная статья посвящена прогнозу угрозы террористической деятельности против России со стороны организаций, базирующихся в Афганистане и Центральной Азии. Последнее направление традиционно является одним из основных (наряду с Северным Кавказом) азимутов развертывания активности «Аль-Каиды» и аффилированных с ней исламских экстремистских структур, направленных против интересов РФ. В этом плане сначала будет построен прогноз деятельности террористических организаций в странах Центральной Азии и их влияния на Россию, затем будут отдельно рассмотрены угрозы роста террористической активности в Афганистане и Центральной Азии и, наконец, будут сформулированы некоторые рекомендации по противодействию этой угрозе безопасности нашей страны.

Прогноз деятельности террористических организаций в странах Центральной Азии и их влияние на Россию

«Талибан» и «Аль-Каида» с территории Афганистана традиционно оказывают большую организационную и материальную

поддержку Исламскому движению Узбекистана (ИДУ), радикальной таджикской оппозиции и уйгурским сепаратистам (Медетбеков, <http://www.centrasia.ru/>). Пиком проявления угроз терроризма и экстремизма в Центральной Азии стали события, связанные с гражданской войной в Таджикистане в 1992–1997 гг. и вторжением на территорию Киргизии и Узбекистана в 1999–2000 гг. вооруженных формирований боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ) (там же). Очень большую активность среди представительств и фондов исламской направленности осуществляют такие организации, как «Мутакалим», «Ихсан-Хария», «Аль Вак Аль Ислами», «Всемирная ассамблея исламской молодежи», «Международный гуманитарный призыв», «Комитет мусульман Азии», «Союз исламского джихада». Активность в исламизации постсоветской Центральной Азии проявляют миссионеры из Саудовской Аравии, Пакистана, Ирана и Турции. Их поддержкой пользуются такие радикальные течения, как салафиты и «ваххабиты», «Акромия», «Нурджулар». Важным в этом плане также всегда выступал канал связи центральноазиатских экстремистов с северокавказской частью России (Дагестаном и Чечней) (Фонд региональной политики.., <http://polit.uz/>). Напомним в связи с этим, что Центральная Азия (особенно Казахстан) была местом ссылки ряда северокавказских народов в период сталинских репрессий. Можно прогнозировать рост деятельности перечисленных выше сил в связи с усилением исламистских настроений в арабо-мусульманском мире, в частности, проявившихся в период «арабской весны» 2011 г.

В период перед терактами в Нью-Йорке и Вашингтоне в афганских лагерях «Аль-Каиды» сформировался международный «террористический интернационал», куда входили в том числе узбекские (ИДУ), таджикские, чеченские, дагестанские, татарские и уйгурские экстремисты. Лагеря этих групп были разгромлены войсками США, их союзниками по НАТО и «Северным альянсом» (последнему традиционно поддержку оказывала в том числе и Россия) в период антитеррористической операции в Афганистане. Однако затем (частично из-за переключения внимания администрации Дж. Буша-младшего на Ирак) указанные группы переместили свою деятельность в провинцию Хайбер-Пахтунхва (бывшая Северо-Западная пограничная провинция, СЗПП) и в «зону племен» в Пакистане. Здесь они активно включились в гражданскую войну в самом Пакистане.

Благодаря тому что администрация Обамы с 2008 г. вновь перенесла внимание на Афганистан, давление международной антитеррористической коалиции на этих экстремистов усилилось. В последние годы силы исламских радикалов из Центральной Азии были разгромлены пакистанскими войсками и пуштунскими формированиями. В результате они вновь вернулись в Северный Афганистан. В настоящее время этот процесс происходит в контексте объявленной правительством США политики по выводу войск из Афганистана к 2014 г. Исламские экстремисты из Центральной Азии начали вновь укрепляться в Северном Афганистане в союзе с возвращающимися туда силами движения «Талибан». В результате вновь растет террористическая угроза центральноазиатским государствам и России. Среди экстремистов с постсоветского пространства теперь основную роль играют узбеки и таджики, с ними смыкаются уйгурские экстремисты. Боевиков из Северного Кавказа среди них теперь фактически нет, что и создает основное отличие по сравнению с периодом конца 1990-х годов¹.

Рассмотрим теперь потенциал роста террористико-экстремистской деятельности в отдельных странах Центральной Азии и соответствующий рост террористической угрозы для России. Правительство Таджикистана несколько лет заигрывало с исламистскими настроениями в стране. Однако в последние годы эта политика была изменена. В Таджикистане в конце 2010 – начале 2011 г. была проведена крупная операция по уничтожению боевиков в Раштской долине. Летом 2012 г. имели место интенсивные боестолкновения в Горном Бадахшане. Благодаря ликвидации ряда бандформирований и их лидеров несколько повысился уровень безопасности от террористических угроз в этой стране. Предпринимаемые официальным Душанбе меры по возвращению студентов из зарубежных теологических вузов, перерегистрация мечетей и запрет на их посещение лицами, не достигшими 18-летнего возраста, призваны оградить граждан страны от влияния радикальных исламистов (Горковенко, <http://www.cisnews.org/>). Тем не менее говорить о достижении силовыми органами Республики Таджикистан необходимого уровня безопасности еще рано, так как границы Таджикистана с Афганистаном все еще остаются недостаточно оснащенными, а государственные структуры в этой стране чрез-

¹ Мнение старшего научного сотрудника Института востоковедения РАН, эксперта по Пакистану Н.А. Замараевой.

вычайно слабы, что, в частности, проявляется в высоком уровне их вовлеченности в наркоторговлю («крышевание»). Из средств, полученных от торговли наркотиками, одновременно финансируется и деятельность исламских экстремистов.

Политика, проводимая властями Узбекистана по борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом, традиционно является чрезвычайно жесткой. Однако и узбекские экстремистские структуры (особенно ИДУ) – самые сильные и агрессивные в регионе. Следует отметить то, что глубинные причины роста экстремизма в этой стране кроются в политических, социально-экономических и межэтнических проблемах, особенно характерных в современных условиях для наиболее густонаселенных районов Ферганской долины. Ферганская и Карагинская долины являются также удобными районами для скрытой деятельности террористических формирований (там же).

В Казахстане в связи с рядом событий (взрывы в Актобе и Астане, вооруженные столкновения в г. Жанаозень) также активно обсуждается проблема роста потенциала террористической деятельности. В Казахстане, как и в Центральной Азии в целом, главными проводниками идей террора являются исламистские течения и организации. В последние два-три года их деятельность резко активизировалась. В связи с этим для минимизации их воздействия на сознание жителей республики руководство Казахстана предприняло ряд мер по усилению работы, направленной на повышение религиозного образования, а также духовного развития казахстанского общества. Для этого в республике было создано специализированное ведомство – Агентство по делам религий. В этих же целях осуществлен мониторинг более чем 10 тыс. интернет-порталов, в результате чего судом города Астаны вынесены решения о признании незаконной и о прекращении распространения на территории страны продукции 51 иностранного сайта за пропаганду экстремизма и терроризма. Предпринимаемые Казахстаном меры по борьбе с указанными негативными проявлениями, а также проводимая руководством страны политика толерантного отношения ко всем конфессиям и национальностям в целом способствуют сохранению в стране безопасности (там же).

Террористическая активность в Казахстане имеет серьезное международно-политическое измерение. Ряд экспертов, например руководитель киргизского аналитического центра «Prudent Solutions» Э. Усубалиев, отмечают, что создание террористических групп и распространение идеологии джихада в нефтеносных

районах Каспия и северо-запада Казахстана могут в будущем угрожать интересам КНР в регионе (Фонд региональной политики..., <http://polit.uz/>). Развитие джихадистского подполья в Казахстане может потенциально оказать влияние и на казахстанско-российские отношения, особенно учитывая связь террористов из Казахстана и джихадистов на Северном Кавказе (особенно в Дагестане) и вероятное использование территории Казахстана для дестабилизации Северного Кавказа России (там же).

Для южной части Киргизстана традиционной угрозой является перенос деятельности экстремистских групп из соседних Таджикистана и Узбекистана. Одной из причин этого является слабость правоохранительных структур этой страны. В основном речь идет о жизни узбекской диаспоры, сами киргизы вовлечены в эту деятельность сравнительно слабо в том числе из-за низкого уровня исламизации. Однако деятельность псевдопросветительских групп типа «Хизб ут-Тахрир» (формально не ставящих задачу вооруженной борьбы, но включенных в списки террористических организаций, одобренных специальными службами ключевых государств мира) широко охватывает и киргизов.

В последние годы появилась новая тенденция. Джихадистские группы Казахстана, вытесняемые из этой страны, также оказывают влияние на салафитские джамааты в Киргизии. В частности, появление в Киргизии группы «Джейш уль Махди» в 2009–2010 гг. и обострение в Казахстане ситуации в религиозной сфере примерно в этот же период можно рассматривать как звенья одной цепи (там же).

Лишь для Туркменистана угроза радикального исламистского экстремизма может рассматриваться как малозначимая из-за высокой степени контроля спецслужб над населением страны и традиционно низкого уровня мусульманской религиозности туркмен.

Таким образом, можно констатировать, что угроза со стороны исламистских террористических групп, базирующихся в странах Центральной Азии, довольно высока, и для противостояния ей необходимо объединить усилия России и ее партнеров по ОДКБ и ШОС. Усиление деятельности экстремистских и террористических организаций в Центральной Азии представляет собой серьезную угрозу для России. Центральная Азия и Афганистан могут превратиться уже в краткосрочной перспективе во второе направление «наступления» террористов на РФ после северокавказского. Под ударом террористов могут оказаться такие уязвимые в силу малой

плотности населения и важности трубопроводной инфраструктуры регионы, как Западная и Восточная Сибирь, Урал. Кроме того, в «группе риска» такие крупные городские агломерации, как «Большая Москва» и Санкт-Петербург. Этому способствуют такие тенденции, как бесконтрольные потоки мигрантов и рост наркоторговли по маршруту экспорта Центральная Азия–Россия–Европа. Наркоторговля традиционно используется центральноазиатскими террористами как канал финансирования, для чего они сливаются с организованными преступными группами. Слабый контроль над миграционными потоками способствует в том числе и тому, что экстремисты, вытесняемые с территории центральноазиатских государств, переселяются в Россию. Бесконтрольность миграционных потоков только усиливается по мере формирования единого экономического пространства России с Казахстаном и особенно в связи с подключением к этому пространству Киргизстана. Меры типа предлагаемых экзаменов по русскому языку вряд ли создадут преграду для трансграничных передвижений террористов.

Ряд экспертов также отмечает, что среди центральноазиатских мигрантов идет рост исламистских настроений. В частности, это происходит под влиянием тяжелых условий труда и его низкой оплаты, из-за преследований со стороны коррумпированных правоохранительных органов, давления ксенофобских настроений, а также как реакция на распространение бытовых пороков типа пьянства среди определенных групп населения России. Исламизм не обязательно приводит к экстремистско-террористической деятельности, однако среди таких людей вербовать членов экстремистских организаций намного легче. Многие из групп таджикских и узбекских рабочих организованы по принципу джамаатов, во главе с лидером, являющимся одновременно бригадиром, родовым старейшиной и религиозным авторитетом. Кроме того, на территорию России без регистрации (на краткие сроки) приезжают религиозные авторитеты из стран Центральной Азии для проведения разных ритуальных служб и проповедей. Оба канала могут легко послужить цели распространения экстремистских настроений.

Прогноз развития ситуации в Афганистане: Влияние на террористическую деятельность в Центральной Азии и России

23 июня 2011 г. президент США Барак Обама объявил о начале вывода войск США из страны уже начиная с августа 2011 г. Это решение было подкреплено такими частичными успехами, как убийство Усамы бен Ладена, Ильяса Кашмири и ряда других лидеров террористов, что позволило заявить о положительных результатах операции в Афганистане в целом.

Согласно американским планам, завершение пребывания войск США и НАТО в Афганистане в рамках миссии Международных сил содействия безопасности (МССБ, ISAF) в 2014 г. еще не означает завершения миссии международной коалиции и, соответственно, их военно-политического присутствия в стране. Выводя боевые подразделения из Афганистана, США будут стремиться сохранить свое военное присутствие в стране, оставив части не боевого, технического и иного обслуживания на базах, которым предполагается придать статус постоянных американских баз. Это подтвердили заявления Обамы после его переизбрания, согласно которым после 2014 г. в Афганистане останется небольшой американский контингент. Соответственно, сохранятся и базы его обслуживания в постсоветской Центральной Азии. Более того, выход Узбекистана из ОДКБ летом 2012 г., как полагают многие российские и центральноазиатские эксперты, создает возможность для развертывания на территории этой страны еще одной базы или транзитного центра дополнительно к Ульяновской транзитной базе в России и военной базе «Манас» в Киргизстане.

Тем не менее вывод войск США из Афганистана может привести к масштабной дестабилизации этой страны, наподобие тому, что имело место в 1990-е годы после прекращения советской помощи правительству Наджибуллы. В ставшем достоянием общественности в начале 2012 г. секретном докладе НАТО (написанном на основании информации, полученной в ходе допросов пленных талибов) отмечается, что очень высока вероятность того, что после вывода войск США страна будет вновь захвачена «Талибаном» при помощи Пакистана (Pakistan., <http://www.bbc.co.uk/>). В связи с тем что утечка этого доклада вызвала панику в антиталибских рядах, ряд официальных лиц поспешили дезавуировать его как нерепрезентативный. Однако ситуацию подогревают постоянные вол-

нения в Афганистане, вроде тех, что имели место в феврале 2012 г. в связи с сожжениями Корана американскими военнослужащими.

Процесс вывода войск уже сейчас приобретает достаточно хаотичный характер, а также получает тенденцию к самопроизвольному ускорению, что вызывает четкие ассоциации с ситуацией «выхода» американцев из Южного Вьетнама. Вывод войск происходит в условиях полной неопределенности с точки зрения его сроков, логистического обеспечения, позиции талибов и их союзников, перспектив мирного поиска урегулирования кризиса, позиций соседних стран, в первую очередь Пакистана. В январе 2012 г. президент Франции Н. Саркози заявил о том, что французские войска прекратят боевые операции и уйдут из Афганистана в 2013 г., т.е. на год раньше объявленного НАТО срока. 1 февраля 2012 г. министр обороны США Леон Панетта заявил, направляясь в Брюссель, что международный контингент уже к середине 2013 г. перейдет к формуле «обучение и советы», прекратив боевые операции [Блинов, 2012, с 12].

В плане прогнозируемых последствий вывода войск США и НАТО можно отметить следующее. Сегодня афганские силы безопасности насчитывают около 100 тыс. военнослужащих. Однако надежное «ядро» этих войск и их ключевой командный состав составляют силы старого «Северного альянса», т.е. таджики и узбеки. В то же время движение «Талибан» по преимуществу пуштунское. В связи с этим, по мере вывода войск США и НАТО из Афганистана, пуштунские территории юга и востока страны, скорее всего, немедленно полностью перейдут под контроль талибов. Уже в настоящее время контроль над этими территориями со стороны войск западной коалиции носит чаще всего чисто номинальный характер.

В результате может частично повториться ситуация, когда после победы движения «Талибан» на пуштунском Юге Афганистана, сложилось жесткое противостояние между таджикско-узбекским «Северным альянсом» и «Талибаном». Перспективы такой войны для противников «Талибана», даже с учетом массированной международной помощи, будут достаточно тяжелы. Исторически пуштуны в Афганистане всегда, побеждали непуштунов (здесь следует учесть и их количественное превосходство, и раздробленность их противников по племенному принципу, традиционно высокий боевой дух, активную помощь пакистанских пуштунов и исламских экстремистов по всему миру).

Убийство 20 сентября 2011 г. Бурхануддина Раббани, погибшего в результате взрыва устройства, спрятанного в тюрбане террориста-смертника, зафиксировало изменение стратегической обстановки. Не будучи военным лидером, Раббани всегда представлял собой одну из влиятельнейших фигур для афганских таджиков, он был президентом Афганистана с 1992 по 2001 г. В последнее время Раббани занимал пост председателя Высшего совета мира Афганистана и был фигуранткой, ответственной за мирный процесс.

Важной частью «стратегии по выходу» (exit strategy) американцев являются переговоры с «Талибаном», попытки «оторвать» «Талибан» от «Аль-Каиды», попытки подкупа части полевых командиров. Эти переговоры к настоящему времени не привели к устойчивым положительным результатам, и прогнозировать их успех сложно. В частности, командующий Международными силами содействия безопасности Джон Р. Аллен (John R. Allen) заявил, что гибель Раббани была еще одним свидетельством того, что, несмотря на все заявления представителей «Талибана» за пределами страны, талибы хотят не мира, а войны. Сходной точки зрения придерживаются и представители национальных меньшинств в Афганистане (таджиков, узбеков).

Известный российский афганист В.Г. Коргун полагает, что «нынешний расклад сил в Афганистане складывается явно не в пользу национального примирения и возвращения к миру. Север страны, представленный национальными меньшинствами (непуштунами), формально признавая необходимость достижения компромисса с талибами, уже сейчас негласно саботирует процесс продвижения к переговорам. Они правомерно опасаются прихода к власти талибов, которых может поддержать значительная часть пуштунского сообщества. В этом случае северяне не только будут отодвинуты на второй план в структурах государственной власти, но и могут потенциально стать жертвой дискриминационной политики талибской элиты»¹.

Степень реального контроля центрального афганского правительства Карзая над местными администрациями столь же мала, как и над общенациональными вооруженными силами. Зачастую этот контроль носит чисто номинальный характер. Кроме талибов,

¹ Выступление зав. сектором Афганистана Института востоковедения РАН В.Г. Коргуна на экспертном семинаре Российского совета по международным делам, январь 2012 г.

реальной властью выступают местные региональные лидеры и полевые командиры, особенно на севере. Многие «старые» полевые командиры, формально вошедшие в структуры кабульского правительства, также сохранили свои армии в виде частных компаний по обеспечению безопасности, политических партий или бизнес-структур, основанных на патронажно-клиентельных отношениях. Однако степень разногласий между северными лидерами в настоящее время достаточно велика, и вряд ли они в краткосрочной перспективе смогут создать для противостояния талибам структуру, подобную «Северному альянсу» в 1990-е годы. Кроме того, начиная с 2009 г. обозначилась тенденция к ухудшению ситуации в ранее относительно спокойных северных провинциях. Там появились крупные отряды «Талибана» и международных террористов, в том числе приходящих с территории постсоветской Центральной Азии. Это уже привело к переброске американских войск в приграничные с Таджикистаном провинции на севере для поддержки не справляющегося с ситуацией немецкого контингента.

Итак, анализ событий в Афганистане показывает, что очень велика вероятность возвращения талибов к власти после вывода американских войск. Также можно отметить высокую вероятность увеличения противостояния на севере Афганистана между талибскими и антиталибскими силами – с вероятностью выхода конфликта на постсоветскую Центральную Азию.

Прогноз внутриполитического развития центральноазиатских государств: Рост нетрадиционных вызовов безопасности

Рассмотрим теперь вопрос о различного рода внутриполитических вызовах безопасности центральноазиатских государств, которые могут привести к росту террористической активности. В опубликованном в январе 2011 г. докладе «Global risks», в подготовке которого участвовали 469 ведущих мировых экспертов, как весьма вероятный был охарактеризован сценарий «Зерна антиутопии» (World economic forum, <http://riskreport.weforum.org/>). Согласно этому сценарию, в «группе риска», под влиянием сочетания демографических и экономических проблем, оказываются страны типа центральноазиатских. В условиях глобального экономического спада возможно падение цен на промышленное сырье, в то время как цены на продовольствие под влиянием роста населения мира

будут расти. Ослабление экономического потенциала государств может усилить негативный эффект таких трансграничных проблем (связанных, прежде всего, с соседним Афганистаном), как рост религиозного фанатизма, криминальной и террористической деятельности. Особенно уязвимыми с точки зрения внешнеэкономической конъюнктуры являются экономики Киргизстана и Таджикистана – двух стран, в которых государственные структуры и так слабо контролируют ситуацию. Оба государства также тесно связаны с Россией активными миграционными потоками.

Муссирующийся в мировых СМИ вопрос о переносе «арабской весны» в Центральную Азию является, по мнению большинства российских экспертов, во многом надуманным. Тем не менее в связи с процессами в арабо-мусульманском мире следует ожидать новых угроз безопасности центральноазиатским государствам, особенно связанным с ростом экстремистско-террористической деятельности. В связи с новым ростом влияния исламистов в арабо-мусульманском мире после «арабской весны» 2011 г. в Центральной Азии и России можно спрогнозировать усиление соответствующей пропаганды, особенно по линии религиозного обучения и распространения религиозной литературы. Эта пропаганда может усилить борьбу радикальных исламистов против светских властей и традиционного (суфийского) ислама по всему миру. Данная тенденция к радикализации будет усиlena укреплением позиций движения «Талибан» в Афганистане в связи с четким стремлением США и Пакистана в той или иной форме «договориться» с афганскими исламистами. Новая волна радикализации ислама представляет особую угрозу для Узбекистана и Таджикистана, а также для отдельных регионов России (Северный Кавказ, Поволжье), Киргизстана (Юг), Казахстана (присырдарьинские районы на границе с Узбекистаном), Туркменистана (места проживания узбекского меньшинства, район Мары).

В плане анализа особенностей различных стран Центральной Азии Таджикистан и Киргизстан особенно уязвимы с точки зрения новых угроз безопасности, включая рост террористической активности. Руководство обоих государств постоянно балансирует на грани полной потери контроля над собственной территорией и превращения соответствующих стран в «несостоявшиеся государства» (*failed states*).

В Таджикистане это происходит из-за разрушительных последствий гражданской войны, постоянного межрегионального и межкланового конфликта, непосредственного соседства с Афга-

нистаном и высокой степени вовлеченности в его проблемы, затяжного противостояния с соседним Узбекистаном, высокой коррупции и фактического «слияния» государственных органов и наркомафии, роста исламистских настроений и «заигрывания» властей с ними, слабой ресурсной обеспеченности, продолжающейся демодернизации и деиндустриализации, демографического «взрыва», отъезда практически всех высококвалифицированных специалистов, высокой зависимости от миграционных ремиссий и внешней помощи.

В Киргизстане причинами являются паралич государственных структур в результате плохо продуманных псевдodemократических реформ и серии революций, противостояние элит севера и юга страны, межнациональные и межклановые противоречия на юге, слабая ресурсная обеспеченность, военно-политическое и экономическое давление соседнего Узбекистана, высокая экономическая зависимость от миграционных ремиссий, иностранной помощи, транзитной торговли афганскими наркотиками и контрабанды китайских товаров в Казахстан и далее в Россию. Важную угрозу для Киргизстана представляет сильное влияние наркомафии на политический процесс. В частности, как заявил в июле 2010 г. Генеральный секретарь ОДКБ Н.Н. Бордюжа, наркомафия была причастна к организации антиузбекских погромов на Юге Киргизстана. Он также отметил, что Юг Киргизстана превращается в один из основных маршрутов для переброски афганских наркотиков в сторону Казахстана, России и Европы (Бордюжа, <http://news.tj/ru/>). Последнее особенно актуально в связи с тем, что террористические структуры в Центральной Азии часто «переплетаются» со структурами организованной преступности.

Динамика событий как в Киргизстане, так и в Таджикистане тесно переплетена с внутрироссийскими проблемами из-за очень сильных и не поддающихся контролю со стороны официальных российских структур миграционных, наркотических и контрабандных потоков.. Поэтому процессы в этих странах небезразличны с точки зрения интересов безопасности России.

В Казахстане, Узбекистане и Туркменистане внутренний потенциал государств в краткосрочной перспективе не вызывает сомнений в возможности властей контролировать ситуацию даже в случае роста разного рода вызовов и угроз. Тем не менее в таких ключевых государствах региона, как Казахстан и Узбекистан, есть серьезный потенциал дестабилизации, связанный с возрастом их президентов. Смена власти может оказаться очень серьезным ис-

пытанием в условиях фактического отождествления государственной власти с личной властью «первого лица», отсутствия институционализированного механизма передачи власти и сложностей с «наследованием трона» внутри семьи (как это было в Азербайджане) в силу отсутствия соответствующих наследников мужского пола (дочь президента Узбекистана Гульнара Каримова рассматривается как один из возможных кандидатов в руководители страны, но в рамках консервативной политической культуры данного государства ее продвижение на этот пост маловероятно).

С точки зрения прогноза террористической активности особенно важна ситуация в Узбекистане как наиболее крупной по населению страны региона, где действуют наиболее мощные террористические организации постсоветской Центральной Азии (например, ИДУ). В Узбекистане потенциальный кризис передачи власти может наложиться на имеющиеся проблемы регионально-кланового противостояния, роста исламизма и экстремистско-террористической деятельности, бедности, перенаселенности, относительно слабой ресурсной обеспеченности.

Возможные меры России по стабилизации ситуации вокруг Афганистана после вывода войск НАТО

Усиление помощи центральноазиатским странам в контексте политики реинтеграции постсоветского пространства вокруг России. Вывод войск НАТО из Афганистана создаст в регионе Центральной Азии «вакуум силы». В связи с этим резко усилится роль России как гаранта обеспечения безопасности региона, в том числе от террористов. Это будет также способствовать решению ряда тесно связанных с геостратегией задач в экономической сфере, поставленных В.В. Путиным (Путин, <http://www.izvestia.ru/>; Евразийский экономический союз..., <http://www.izvestia.ru/>). В частности, по его инициативе 18 октября 2011 г. было подписано Соглашение о создании зоны свободной торговли в СНГ. Он также заявлял о необходимости ускорения «запуска» Евразийского экономического союза (уже к 2015 г.). Одновременно Таможенный союз и ЕЭП расширяются за счет Киргизстана и, возможно, Таджикистана, что приближает их состав к составу ОДКБ. Такое экономическое сотрудничество может укрепить экономический потенциал двух государств, усилить их возможности по противодействию экстремистско-террористической деятельности. В связи

с этим России (прежде всего, по линии ОДКБ) следует существенно увеличить затраты на поддержку модернизации вооруженных сил и силовых структур центральноазиатских государств. Приоритетом при этом должно быть укрепление военных инструментов ОДКБ. На данном направлении можно усилить уже имеющуюся помошь по линии продажи вооружений и подготовки кадров. Даные меры хорошо согласуются с политикой модернизации вооруженных сил, объявленной руководством России (в частности, планируется потратить 20 трлн руб. на перевооружение армии). В связи с этим стоит вспомнить, что в настоящее время военный бюджет всех стран ОДКБ пока еще примерно в 25–27 раз (в зависимости от методик подсчета) меньше совокупного военного бюджета стран НАТО. Даже составляющий львиную долю совокупного военного бюджета ОДКБ военный бюджет России приблизительно в 10 раз меньше военных бюджетов 27 государств ЕС, которые заботятся об обороне существенно меньше, чем США, рассчитывая на американский военный «зонтик». Модернизируя вооруженные силы в соответствии с мировыми образцами и защищая нашу территорию новым, более современным оружием, мы не должны забывать о значимости таких новых и нетрадиционных угроз безопасности, как международный терроризм, наркоторговля и неконтролируемая миграция. Для защиты от этих угроз необходимы сопоставимые с масштабами перевооружения армии затраты, и решение соответствующих вопросов невозможно без обеспечения устойчивого партнерства со странами Центральной Азии – членами ОДКБ.

Одновременно с экономической интеграцией России с государствами Центральной Азии следует усилить контроль над миграционными потоками с целью недопуска на территорию РФ террористов и исламских экстремистов. Соответственно, требуется принятие мер как на внутрироссийском уровне (по линии ФМС, полиции и ФСБ), так и на уровне отношений со странами Центральной Азии (по линии МИД и ОДКБ). Все это – непростые задачи, так как граждане государств, входящих в ЕЭП (Казахстан, Киргизстан), должны будут пользоваться теми же правами, что и россияне. В этом плане нужна разработка специальной программы по линии сотрудничества полицейских и специальных служб государств ЕЭП. Экономическая интеграция может также усилить трансграничный оборот наркотиков, на средства от которого финансируется террористическая деятельность. Следовательно, не-

обходимо усиление помощи центральноазиатским государствам и по этой линии.

Обеспечение «пояса безопасности» и решение других задач на границах Афганистана. Ни Россия, ни другие члены ОДКБ не готовы отправить свои контингенты для участия в операциях на территории Афганистана. Кроме того, любое предположение об участии России в афганской миссии с учетом непростой истории наших двухсторонних отношений вызовет в Афганистане негативную реакцию. Тем не менее после вывода международной коалиции возникнет много задач по поддержке афганского правительства, которые могут быть решены ОДКБ с территории Центральной Азии (расширение программ переучивания афганской полиции, ремонт и эксплуатация вертолетной и другой техники советского производства, сохранение «Северного транспортного маршрута» для поддержания и снабжения миссий ООН, «Красного Креста» и других международных организаций в Афганистане).

Укрепление границ государств – членов ОДКБ с Афганистаном. Вывод войск США и НАТО из Афганистана ставит проблему укрепления таджикско-афганской и узбекско-афганской границы и постоянного дежурства боеспособных элементов сил КСБР и КСОР ОДКБ к северу от афганской границы. В связи с этим также возникает задача поддержания высокой боеспособности российских баз, расположенных в Таджикистане и Киргизстане.

Совершенствование организационной структуры ОДКБ для противодействия угрозам, возникающим с территории Афганистана. Уже в настоящее время в ОДКБ существует целый ряд различных органов и структур, которые могут быть использованы для решения проблем роста террористической деятельности на периферии Афганистана. В рамках организации действует Рабочая группа по Афганистану при Совете министров иностранных дел (СМИД) ОДКБ. По этой линии ведется анализ ситуации, прорабатываются предложения по содействию постконфликтному восстановлению Афганистана, включая противодействие исходящим из этой страны наркотической и террористической угрозам. В ОДКБ создан Координационный совет руководителей компетентных органов государств-членов по противодействию незаконному обороту наркотиков, прежде всего, произведенных на основе афганских опиатов. Продолжается совместная работа, нацеленная на создание и укрепление антинаркотического и финансового «поясов безопасности» вокруг Афганистана, повышение эффективности механизмов по противодействию незаконному обороту наркотиков

в рамках операции «Канал». С целью укрепления уникальной роли ОДКБ в «разделении труда» между международными организациями безопасности целесообразно развивать открытый международный формат этой операции, как и некоторых других операций, в частности операции «Нелегал». В связи с этим антинаркотические, антитеррористические, пограничные учения и мероприятия ОДКБ можно оформить как подмандатные ООН «операции ОДКБ», что увеличит их международную легитимность и будет содействовать формированию положительного образа ОДКБ в мире. В настоящее время в связи с глобальным интересом к судьбе Афганистана после вывода войск США и НАТО существует высокая вероятность получения соответствующих резолюций ООН.

Превращение ОДКБ в «фокус» международных усилий для решения ряда проблем, связанных с Афганистаном. С этой целью может понадобиться формирование региональных коалиций ОДКБ с другими международными структурами, как постсоветскими (ШОС), так и евроатлантическими (ЕС и НАТО), для борьбы с террористической угрозой в Центральной Азии. В случае взаимодействия с евроатлантическими структурами сотрудничество необходимо строить по принципу так называемого «селективного партнерства», т.е. не поступаясь интересами России в других сферах, где с Западом есть разногласия. Целесообразно формирование коалиций не отдельных государств, а именно региональных организаций по принципу «сетевого взаимодействия» (т.е. преимущественно по линии отдельных программ), что может повысить гибкость реагирования на угрозы.

Ключевые программы ОДКБ, связанные с обеспечением безопасности вокруг Афганистана, целесообразно сделать полностью открытыми для международного участия в качестве не только наблюдателей, но и полноправных «членов» программы. Образцом здесь может служить программа НАТО «Партнерство ради мира», которая специально предназначена для вовлечения в процесс сотрудничества и усиления влияния НАТО на те страны, которые не являются и не могут стать членами блока. ОДКБ вполне может перенять данный опыт с целью усиления своей роли в мире. Однако целесообразно отделить мероприятия, направленные на обеспечение безопасности государств – членов ОДКБ на афганском направлении, от других сходных мероприятий на других направлениях, с тем чтобы международные участники данных мероприятий не имел доступа к важной с точки зрения обеспечения безопасности государств-членов (прежде всего, России) информации.

Такой подход вписывается в концепции «сетевой дипломатии» и «дипломатии гибких альянсов», зачастую используемые Россией для решения ключевых задач внешней политики (Кулик и др., 2011. С. 30). Следует также отметить, что сетевой подход доказал свою эффективность в условиях Центральной Азии и активно используется в работе ШОС (Akiner, <http://www.globalstrategyforum.org/>).

Укрепление сил ОДКБ и совершенствование правовой базы их применения. Основными силовыми инструментами, которые ОДКБ может непосредственно использовать на афганском направлении, являются Коллективные силы быстрого развертывания (КСБР) и Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР). Уже в настоящее время сценарии учений КСБР и КСОР строятся на отражении предположительных прорывов с юга отрядов талибов и поддерживаемых ими экстремистско-террористических групп. Обострение ситуации вокруг Афганистана после вывода войск НАТО может потребовать укрепления военных инструментов ОДКБ (количественное усиление, подкрепление дополнительной техникой, более частое проведение совместных маневров). Дополнительно к этому с целью развития «пояса безопасности» по границам стран ОДКБ с Афганистаном без вхождения на афганскую территорию может использоваться создаваемый миротворческий потенциал ОДКБ. Соглашение о миротворческой деятельности ОДКБ подписано 6 октября 2007 г. в Душанбе всеми государствами – членами Организации, ратифицировано шестью государствами ОДКБ (кроме Узбекистана) и вступило в силу 29 декабря 2008 г. А 10 декабря 2010 г. на сессии СКБ ОДКБ главами государств подписано Заявление государств – членов ОДКБ о Миротворческих силах ОДКБ. Общая численность Миротворческих сил составила более 3,5 тыс. человек. Использование миротворческого потенциала ОДКБ связано со стратегией совместного «кризисного реагирования», получившей развитие на декабрьском (2010) саммите ОДКБ и неформальном саммите в августе 2011 г.

Базовые документы по миротворчеству, в результате непростых трехлетних дебатов согласованные членами ОДКБ к 2007 г., предполагают только «классическое» миротворчество, когда имеется документированное согласие сторон на вмешательство третьих сил, соглашение о прекращении огня и когда миротворческие контингенты применяют силу исключительно для самообороны. Однако решение проблем, связанных с террористической деятельностью в Центральной Азии, может потребовать более

гибких методов реагирования, включающих в себя силовые элементы, временное нарушение принципов равноудаленности и нейтральности и т.д. Необходимы также меры по противодействию попыткам насильственной смены власти со стороны экстремистов. Все это может потребовать внесения соответствующих изменений в базовые документы.

Заключение

В настоящее время в Центральной Азии и Афганистане сложилась серьезная угроза роста экстремистско-террористической деятельности. Это связано с целым рядом факторов: вывод войск западной коалиции из Афганистана и возможное возвращение к власти «Талибана», общий рост экстремистских настроений в исламском мире после «арабской весны» 2011 г., экономические проблемы, связанные с глобальным экономическим кризисом. Активные потоки трудовых мигрантов и наркотиков из Центральной Азии, тесно связанные с деятельностью террористико-экстремистских структур, повышают террористическую угрозу для России, возникающую в результате всех этих процессов. Противодействие указанным тенденциям требует целого ряда мер по линии руководства РФ и ОДКБ, в том числе: усиления помощи центральноазиатским странам в контексте политики реинтеграции постсоветского пространства вокруг России; усиления контроля над миграционными процессами; обеспечения «пояса безопасности» и решения других задач на границах Афганистана; превращения ОДКБ в «фокус» международных усилий для решения ряда проблем, связанных с Афганистаном; укрепления сил ОДКБ и совершенствования правовой базы их применения.

Литература

1. Блинов А. Готовится отступление из Афганистана // Независимая газета. Дипкурьер. 2012. 6 февраля. № 2 (176). С. 12 (Blinov A. The retreat from Afghanistan is being prepared // Nezavisimaya gazeta. Dipkuryer. 2012. 6 February. N 2 (176). P. 12).
2. Бордюжа Н. «К событиям на юге Кыргызстана приложила руку наркомафия» // <http://news.tj/ru/news/k-sobytiyam-na-yuge-kyrgyzstana-prilozhila-ruk-narkomafiya-n-bordyuzha> (Bordyuzha N. Drug mafia has initiated the events in South Kyrgyzstan // <http://news.tj/ru/news/k-sobytiyam-na-yuge-kyrgyzstana-prilozhila-ruk-narkomafiya-n-bordyuzha>).

3. Горковенко С. Терроризм и религиозный экстремизм: страны Центральной Азии бьют тревогу // <http://www.cisnews.org/expert-opinion/2866-terrorizm-i-religioznyy-ekstremizm-strany-centralnoy-azii-byut-trevogu.html> (Gorkovenko S. Terrorism and religious extremism: Central Asian countries are worried // <http://www.cisnews.org/expert-opinion/2866-terrorizm-i-religioznyy-ekstremizm-strany-centralnoy-azii-byut-trevogu.html>).
4. Евразийский экономический союз могут создать к 2015 году // <http://www.izvestia.ru/news/504415> (Eurasian Economic Union can be created in 2015 // <http://www.izvestia.ru/news/504415>).
5. Кулик С.А., Никитин А.И., Никитина Ю.А., Юргенс И.Ю. ОДКБ: Ответственная безопасность. – М.: Инсor, 2011. – 68 с. (Kulik S.A., Nikitin A.I., Nikitina Yu.A., Yurgens I.Yu. CSTO: Responsible security. Moscow: INSOR, 2011, 68 p.).
6. Медетбеков А. Угрозы терроризма и религиозного экстремизма в ЦАР // <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1296021720> (Medetbekov A. The threat of terrorism and religious extremism in the Central Asian region // <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1296021720>).
7. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // <http://www.izvestia.ru/news/502761> (Putin V. New integration project for Eurasia – the future that is born today // <http://www.izvestia.ru/news/502761>).
8. Фонд региональной политики Polit.Uz // <http://polit.uz/archives/7745> (The foundation of regional policy studies Polit.Uz // <http://polit.uz/archives/7745>).
9. Akiner Shirin. The Shanghai Cooperation Organisation: A networking organization for a networking world. A report of global strategy forum // <http://www.global-strategyforum.org/upload/upload95.pdf>
10. Pakistan helping Afghan Taliban – Nato report // <http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-16821218>
11. World economic forum. Risk report // <http://riskreport.weforum.org/>

«Политэкс: Политическая экспертиза»,
СПб., 2013 г., т. 9, № 1, с. 161–176.

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

О. Чекризова,

аспирант (МГИМО(у) МИД России)

ИСЛАМСКИЙ РАДИКАЛИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ В ПАКИСТАНЕ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ РЕГИОН)

Северо-Западный регион Пакистана состоит из двух территиориально-административных единиц – провинции Хайбер-Пахтунхва (ХП, до 2010 г. – Северо-Западная пограничная провинция, СЗПП) и Территории племен федерального управления (ТПФУ). В последнюю входят семь административных образований – политических агентств (с юга на север): Южный Вазиристан, Северный Вазиристан, Куррам, Оракзай Хайбер, Моманд и Баджаур. В соответствии с положениями Конституции Исламской Республики Пакистан ТПФУ имеет специальный статус: федеральная власть (президент) обладает правами управления территорией, осуществляя его через губернатора провинции Хайбер-Пахтунхва. Во главе каждого из агентств стоит назначаемый непосредственно президентом глава, называемый с колониальных времен политическим агентом (отсюда и название)¹. Агенты обладают исключительными правами в пределах своих территорий, координируя свои действия с вождями и старейшинами племен. ТПФУ направляют представителей в федеральный парламент². В агентствах применяют особые уголовные законы, установленные еще в колониальное время, а с племен не взимаются налоги. На территорию «зоны племен» без указа президента не распространяется действие нормативных актов законодательной власти Пакистана. Свои внутренние дела жители «свободных племен» решают на основе обычного права и традиционного пуштунского кодекса чести – пуштунвали,

Хайбер-Пахтунхва является одной из четырех провинций в рамках пакистанской федерации с центром в Пешаваре и имеет законодательное собрание, аппарат провинциальной власти. Про-

винция охватывает «зону племен» с востока и помогает центру осуществлять власть над ТПФУ.

Основную часть населения всей северо-западной части Пакистана, особенно «зоны племен», составляют пуштунские племена. Более 60% населения провинции проживает за чертой бедности. Широко распространены торговля оружием, наркотиками и контрабанда товаров через границу с Афганистаном. Можно полагать, что различия административно-территориальных структур двух отмеченных выше субъектов пакистанской федерации затрудняют задачу властей по реагированию на действия экстремистов.

* * *

Начало XXI в. в Пакистане отмечено подъемом «подпольного» исламского радикализма. Первая его фаза пришла на 2001–2008 гг. и была ограничена главным образом узкой полосой вдоль границы Пакистана с Афганистаном. Там в горском пуштунском племенном сообществе появились последователи афганских талибов (на яз. пушту – ученики, ищащие подлинное знание), возникли первые ячейки движения «Талибан» Пакистана (ДТП, «Техрик-е тали-бан-е Пакистан»), а затем (поздним летом 2007 г.) и сама «zonтичная» (т.е. объединяющая под своей эгидой множество разных групп) боевая организация под этим названием. Экстремисты, действующие в ТПФУ, состоят из представителей различных племен, придерживающихся разных идеально-политических взглядов. Всех их, однако, объединяет неприятие присутствия иностранных сил в соседнем Афганистане. Они опираются во многом на «старые», созданные во время войны 1979–1989 гг. в Афганистане, джихадистские организации.

Приток афганских боевиков в Пакистан после падения режима талибов в Афганистане в конце 2001 г. способствовал укреплению местных племенных и религиозных боевых объединений. Некоторые пуштунские экстремисты вскоре еще более разочаровались в основных религиозно-политических партиях общепакистанского масштаба – «Джамаат-и ислами» (ДИ, «Исламское общество») и «Джамаат-и улема-и ислам» (ДУИ, «Сообщество исламских богословов»). Созданный под их эгидой выборный альянс «Муттахида маджлис-и амаль» (ММА, «Объединенный фронт действия») победил осенью 2002 г. на провинциальных выборах в СЗПП. Правительство MMA находилось у власти в провинции вплоть до 2008 г.

В феврале 2008 г. победу на выборах в С3ПП одержала светская умеренно националистическая пуштунская «Авами нэшнл парти» («Народная национальная партия», АНП). Сформированное ею новое провинциальное правительство заняло более жесткую позицию по отношению к исламским радикалам и террористам. Эти изменения во многом объясняют успех военных операций правительственные войск в округах тогдашней Северо-Западной пограничной провинции Свате и Бунере³.

У террористических организаций в ТПФУ можно выделить несколько общих черт. Большинство из них ориентируется на афганское движение «Талибан» (ДТ) и арабскую «Аль-Каиду». Штурм правительственными войсками захваченной исламистами Красной мечети в столице Пакистана, Исламабаде, в июле 2007 г. стал причиной новой волны экстремизма в регионе⁴. Мирные сделки пакистанских властей с боевиками в 2008 – начале 2009 г. также способствовали временному укреплению последних.

Популярность талибов среди населения может быть объяснена строгим следованием исламским законам нравственности и права, которое выгодно отличалось от коррумпированного поведения представителей пакистанских властей. Талибы были восприняты как сила, способная навести порядок, хотя далеко не всем импонировала их догматичность. На первых порах они смогли решить некоторые затянувшиеся споры между племенами и кланами племен, а также ограничить коррупционный произвол в аппаратах некоторых политических агентов.

Но постепенно народная поддержка режима талибов в пакистанской «зоне племен» уменьшилась – во многом в силу слишком жесткого, граничащего с жестокостью, преследования «неисламского» поведения. Наиболее важным обстоятельством послужило общее ухудшение ситуации в ТПФУ и сопредельных с ней округах ХП. С началом активных военных операций пакистанской армии против экстремистов (в мае 2009 г.) в регионе возникли проблемы с трудоустройством, были перерезаны традиционные маршруты торгового сообщения, часто бывавшие закрытыми даже в периоды относительного спокойствия из-за комендантского часа.

Снижению привлекательности экстремистских движений способствовало и то, что с начала своего прихода в «зону племен» они систематически подрывали основы клано-племенного строя, стремясь запугать племена и уничтожить слабые связи между центральным правительством и «независимыми племенами». Распространенным методом стала ликвидация племенных старейшин,

которые традиционно выступали в роли посредников между политическим агентом и местными жителями. В некоторых случаях командиры талибов пытались играть роль племенных лидеров, но в целом, несмотря на эти попытки, традиционные малики и ханы (вожди и старейшины) племен и родоплеменных кланов сохранили свою власть и влияние.

Жесткость действий экстремистов создала благоприятную почву для возраставшего сопротивления им. Усилилась роль племенных ополчений (лашкаров). Они действовали тем эффективнее, чем больше была поддержка их выступлений против талибов со стороны расквартированных в ТПФУ правительственные частей⁵. Вполне вероятно, что переговоры правительства непосредственно с боевиками, без посредничества вождей племен, лишь укрепляли влияние экстремистских группировок.

Расположенное на юге «зоны племен» агентство **Южный Вазиристан**, населенное преимущественно племенем махсуд (численность около 700 тыс. человек), играет немаловажную роль в развитии экстремизма в Пакистане. Население в большинстве своем состоит из суннитов. Крупнейшим по численности является племя махсуд. Многие руководители ДТП – выходцы из этого племени. Во время войны в Афганистане с участием советских войск в «зоне племен» при финансовой поддержке государств Персидского залива, особенно Саудовской Аравии, появилось значительное количество медресе. Большинство учебных заведений в агентстве контролирует ДУИ.

После 1989 г. в агентство вернулись участники боевых действий в Афганистане, принеся с собой джихадистскую идеологию. Чуть позднее часть из них отправилась для ведения джихада в индийский штат Джамму и Кашмир, а другая часть с 1994 г. присоединилась к появившимся тогда афганским талибам. Провозглашение последними в 1996 г. Исламского Эмирата Афганистан вызвало небывалый до того всплеск популярности радикализма в Южном Вазиристане. Некоторые ветераны антисоветского джихада поддерживали связи с афганскими талибами, но в целом до осени 2001 г. контакты местных жителей с талибским Афганистаном носили незначительный характер. Ситуация резко изменилась после вторжения США и их союзников в Афганистан и перемещения в агентство боевиков движения «Талибан» и «Аль-Каиды», где они создали базы и тренировочные лагеря. Местные молодые пуштуны, и ранее поддерживавшие связи с режимом афганских талибов, принялись формировать отряды боевиков. Примером мо-

жет служить первый командир наиболее крупного из них Нек Мухаммад, который воевал на стороне талибов в Афганистане. Уже в 2003 г. сформированные им боевые группировки, переходя горную границу, начали нападать на американские и натовские силы в Афганистане. Также он предоставлял убежище афганским талибам, арабским боевикам «Аль-Каиды» и членам Исламского движения Узбекистана (ИДУ)⁶. После гибели Н. Мухаммада в 2004 г. местных талибов возглавил Бейтулла Масуд. Уже в 2007 г. он объединил силы пакистанских талибов под своим началом, создав ДТП. Основными целями организации декларировались ведение скоординированного джихада в Афганистане против западных сил и борьба с «продажным» пакистанским правительством. Довольно быстро движение создало свою сеть на всей ТПФУ и части тогдашней СЗПП.

Основным полем административной деятельности ДТП оставалось агентство Южный Вазиристан. Там была создана особая система судов и сбора налогов. Кроме того, талибы способствовали насаждению антишиитской идеологии «Аль-Каиды» среди племен махсуд и вазир, которые ранее никогда не участвовали в сектантском противостоянии⁷. Важно отметить, что присутствие иностранных боевиков в «зоне племен» вызывало разногласия между различными группировками пакистанских талибов. Другим различием между ними служила степень остроты в их неприятении пакистанскими властями и предоставления убежища иностранцам, в первую очередь боевикам из ИДУ. В то же время полевой командир Мулла Назир действовал лишь против западной коалиции в Афганистане и еще в 2007 г. вытеснил узбеков с подконтрольной ему территории. Из-за массированных налетов американской беспилотной авиации в 2008–2009 гг. большинство боевиков, в том числе арабы и узбеки, переместились Северный Вазиристан.

Границающее с Южным Вазиристаном, а также с афганскими провинциями Хост и Пактика агентство Северный Вазиристан стало одним из основных оплотов радикализма на северо-западе Пакистана. Даже после того как официальный Исламабад в 2009 г. начал серьезную борьбу с экстремистами в других районах, он в значительной степени продолжал игнорировать данный район – не в последнюю очередь в силу негласных соглашений с поддерживающими правительство боевиками. Экстремисты в этом агентстве менее фрагментированы, чем их собратья на других территориях

«зоны племен», в основном благодаря минимальному уровню межплеменных разногласий. Крупнейшая группировка в Северном Вазиристане – «сеть Хаккани». Известный командир афганских моджахедов Джалауддин Хаккани, уроженец афганской провинции Хост из племени задран (джадран), поселился в Мирамшахе еще в середине 1970-х годов, где устроил лагерь для подготовки вылазок на территорию Афганистана. Фактическое руководство организацией на последнем этапе осуществляли его сыновья, прежде всего Сираджуддин. «Сеть Хаккани» действует против сил США и НАТО в Афганистане, главным образом в провинциях Пактия, Пактика и Хост (Лояя Пактия, т.е. Большая Пактия). По имеющимся сведениям, Сираджуддин (по матери он араб) стал лидером организации в 2001 г., через несколько месяцев после падения режима талибов в Кабуле⁸. Он пользуется большим авторитетом в Северном Вазиристане и неоднократно выступал посредником между враждующими группировками талибов. В отличие от талибов, которые в «свободное» от военных действий время занимаются сельским хозяйством или не работают вообще, значительная часть боевиков «сети Хаккани» в мирной жизни маскируется под учащихся медресе. Такая особенность обуславливает сильную радикальную составляющую в идеологической подготовке боевиков «сети Хаккани».

Можно считать, что в настоящее время «сеть Хаккани» действует автономно в составе ДТ. Она имеет отдельный командно-оперативный аппарат, но верховное руководство интегрировано в организацию Муллы Омара (Дж. Хаккани входит в состав высшего совета афганских талибов, а С. Хаккани возглавляет их отряды в Лояя Пактии)⁹. Следует заметить, что позиции хакканистов и талибов совпадают не по всем пунктам. В частности, Дж. Хаккани выступал против чрезмерно жестких мер, введенных талибами, а именно: запрета музыки, принуждения мужчин к ношению длинной бороды и запрета женщинам получать образование¹⁰. Примечательно также и то, что «сеть Хаккани» предпочитает избегать каких-либо ссылок на свою организацию и в издаваемых ею документах выступает под названием «Исламский Эмирят Афганистан» (как в свое время именовалось государство талибов). В частности, С. Хаккани заявлял, что «такой организации, как «сеть Хаккани», нет. Мы действуем от имени Муллы Мухаммада Омара и Исламского Эмирата Афганистан»¹¹.

На протяжении долгого времени организация Хаккани сотрудничала с арабскими экстремистами. Известно, что большая

часть финансирования группировки Хаккани приходит из региона Персидского залива. Кроме того, движение поддерживает связи с «Аль-Каидой» и узбекским «Союзом исламского джихада». Однако идеологическая связь «сети Хаккани» с «Аль-Каидой» представляется в значительной степени размытой. Хакканисты идеологически стоят ближе к пуштунско-националистической риторике ДТ, нежели установкам «Аль-Каиды» на разжигание мирового джихада. Существенно также и то, что «сеть Хаккани», в отличие от пакистанских талибов и «Аль-Каиды», не выступает против пакистанских властей. Так, в июне 2006 г. Дж. Хаккани заявил, что борьба с Пакистаном не является приоритетом для его организации, более того, ни он, ни его соратники не поддерживают тех, кто ведет войну против Пакистана. Еще яснее высказался С. Хаккани, заявив: «Неправильно считать, что “Аль-Каида” и движение “Талибан” преследуют одни цели. “Аль-Каида” стремится распространить свое влияние по всему миру. Это не входит в наши планы. Цель талибов – освобождение Афганистана от присутствия иностранных войск»¹².

Помимо «сети Хаккани» в агентстве действуют, по данным на 2010 г., отряды Хафиз Гуль Бахадура. Он не обладает столь внушительным «послужным списком», как клан Хаккани, но пользуется мощной поддержкой племен, проживающих в горных районах между Мирамшахом и афганской границей. Группировка Х.Г. Бахадура поддерживает конструктивные отношения со многими экстремистами в Северном Вазиристане и за его пределами, избегая конфронтации с пакистанскими властями. Как и хакканисты, Х.Г. Бахадур сосредотачивает свое внимание на борьбе с западным присутствием в Афганистане.

Агентство **Куррам**, жители которого придерживаются как суннитского, так и шиитского направления ислама, давно превратилось в арену суннито-шиитских столкновений, которые происходят с периодичностью в 5–10 лет¹³. Межсектантское противостояние в Курраме осложнилось вовлеченностю Пакистана в афганский джихад. В 1980-х годах там были развернуты лагеря афганских беженцев-суннитов, которые в многочисленных конфликтах принимали сторону куррамских суннитов. Шииты же неохотно предоставляли убежище афганским моджахедам и были весьма обеспокоены поддержкой, которую оказывала пакистанская Объединенная военная разведка (ОВР) отрядам моджахедов, прежде всего из «Хезб-и ислами» («Исламской партии») Гулбеддина Хекматяра. В агентстве действовали две местные боевые

организации шиитов, ориентированные исключительно на защиту интересов своей общины. Расположенная в административном центре г. Парачинар «Куррам хезболла» («Партия ислама Куррама») идеологически близка к Ирану, куда и направляет собранные пожертвования (хамас). Более мощная «Махди милишия» («Ополчение Махди») близка к иракским шиитским организациям.

Сунниты Куррама формально не имеют своих боевых организаций, но в племенах действуют лашкары. При возникновении необходимости борьбы с шиитами они получают значительную поддержку от вазиристанских отрядов ДТП и базирующихся в более северном агентстве Хайбер боевых суннитских организаций. Помимо противостояния между представителями разных ветвей ислама, нестабильность ситуации в Курраме усиливает присутствие талибов, которые начали проникать в агентство с 2006 г. Местные шииты, в основном принадлежащие к племени тури, недовольны использованием их земель талибами и опасаются, что их присутствие может привлечь нежелательное для них внимание пакистанской армии к Курраму¹⁴.

Можно выделить три различные, но часто взаимодополняющие друг друга оси противоборства в агентстве **Оракзай**: межсектанская рознь между шиитским меньшинством (10% населения) и суннитским большинством; вражда между различными религиозно-националистическими группировками; борьба между местными экстремистами и «пришлыми» талибами. Суннито-шиитское противостояние в наибольшей степени влияет на развитие ситуации в Оракзаяе. Главным предметом разногласий стал вопрос о контроле над мечетью Мир Анвар Шах в г. Капая¹⁵. Эта мечеть, построенная более 300 лет назад, посвящена святому, почитаемому шиитами. В 1936 г. британские колониальные власти передали ее суннитам. Позднее, в конце 1980-х годов, шиитам позволили совершать службы в мечети и проводить работы по поддержанию комплекса. Маятник качнулся в обратную сторону в конце XX в. В 1999 г. талибы, объединившись с местными радикалами в попытках вытеснить шиитов, отстранили последних от контроля над мечетью. В последовавших затем беспорядках участвовали активисты местной суннитской группировки Аслама Фаруки, поддерживающей радикальную экстремистскую организацию «Сипах-и сахаба Пакистан», и иностранные боевики. С 1999 по 2009 г. в агентстве и граничащем с ним округе Хангу провинции Хайбер-Пахтунхва было зафиксировано более 22 тыс. человек, ставших жертвами столкновений на религиозной почве¹⁶.

Религиозный конфликт в Оракзаяе также имеет социально-экономический аспект: шииты в агентстве богаче, обладают большими; наделами земли и в целом более образованны, нежели сунниты. С 2004 г. в агентстве находили убежище талибы из Южного Вазиристана, которые использовали его в качестве плацдарма для подготовки нападений на пакистанские армейские и полувоенные формирования (пограничные части, укомплектованные в основном местными жителями) безопасности и трансграничных вылазок в Афганистан. В декабре 2008 г. отряды талибов под командованием Хакимуллы Масуда, действуя по своей обычной схеме, провозгласили верховенство норм шариата в районах Верхнего и Нижнего Оракзая. «Талибизация» агентства сыграла ключевую роль в разжигании там религиозного противостояния.

Агентство **Хайбер**, где проживают представители четырех пуштунских племен (африди, шинвари, муллагори и шимани)¹⁷, стало убежищем для исламских радикалов; на его территории действуют различные экстремистские организации, в частности «Лашкар-и ислами» («Исламская армия»), «Ансар уль-ислам» («Сподвижники ислама») и ТТП. Помимо этого, здесь зачастую вспыхивают столкновения на религиозной почве. Усугубляет ситуацию вмешательство наркомафии. Острые проблемы в Хайбере начались в 2003 г., когда в долине Тире была создана организация под названием «Амр бил маруф ва нахи анил мункар» («Призыв к добродетели и отрицание порока») под руководством Хаджи Намдара¹⁸. На волнах его радиостанции транслировались проповеди ярого противника шиизма муфтия Мунира Шакира (этот приверженец деобандской школы в суннизме ранее был выслан из Курдистана за разжигание религиозной розни). Именно М. Шакир стоял у истоков возникновения террористической группировки «Лашкар-и ислам».

В Хайбере имел сильные позиции и сторонник другой основной суннитской школы – барелви – афганец Пир Раҳман, который поселился в главном городе агентства Баре еще в 1977 г. Пира Раҳмана признают своим духовным лидером в Афганистане и Пакистане, а главное – его поддерживает племя африди. Соперничество между двумя религиозными деятелями, пришедшими в Хайбер извне, стало причиной ожесточенных столкновений, начавшихся в ноябре 2005 г. В феврале следующего года под нажимом совета старейшин племени африди, обеспокоенных угрозой вмешательства пакистанской армии для прекращения беспорядков, оба духовных лидера оставили Хайбер. Однако с уходом М. Ша-

кира и П. Рахмана конфликт не был исчерпан, поскольку продолжали действовать созданные при их участии экстремистские группировки.

Особенно активной была вышеупомянутая «Лашкар-и ислаими», во главе которой после отъезда М. Шакира встал Мангал Багх. Его идеологическая программа была основана на лозунгах борьбы с криминалитетом и наркомафией и неспособности государственных органов противостоять им. Он также выступил против власти племенных вождей, поддерживающих центральное правительство. После того как Багх создал некое идеологическое пространство вокруг себя как лидера исламистов, он открыто бросил вызов пакистанскому государству, угрожая развернуть масштабную вооруженную борьбу.

В агентстве Хайбер пытались закрепиться и внешние силы. Речь идет прежде всего о пакистанских талибах. Однако эти попытки не имели успеха. Тем не менее и в 2010 г. в агентстве действовали небольшие талибские отряды, подчинявшиеся командованию в соседнем Оракзая¹⁹. Талибы пытались перекрыть транспортные маршруты НАТО, идущие через Хайбер. Известно, что вплоть до 2010 г. пакистанский маршрут доставки грузов для группировки США и НАТО в Афганистане был основным (до 80%) и значительная их часть шла через Хайберский перевал²⁰. Пакистанские силы безопасности приложили много усилий, чтобы держать открытыми маршруты снабжения. И впоследствии агентство еще неоднократно становилось целью террористических атак: продолжая оказывать сопротивление пакистанской армии, талибы из Вазиристана не прекращали борьбу с местными боевыми группировками.

Расположенное к северу от Хайбера агентство Моманд (его населяют в основном племена моманд) считается более интегрированным в пакистанское общество, чем другие районы ТПФУ. Дело в том, что начиная с 1970-х годов, значительная часть жителей отправлялась на заработки в страны Персидского залива и по возвращении вкладывала деньги в экономику края. Как и другие районы «зоны племен», Моманд в 1980-х годах испытал влияние афганской войны, когда приток беженцев осложнил экономическое положение. Но в отличие от других единиц ТПФУ тут практически не было тренировочных лагерей моджахедов. Военные формирования в этом районе активизировались в 2004 г., после появления талибов в Южном и Северном Вазиристане. Идеология талибов проникла в Моманд не с юга, а с севера – из области Ма-

лаканд Северо-Западной пограничной провинции, главным образом из округа Сват, где исламистские группировки заявили о себе еще в начале 1990-х годов. Основной из них была организация «Техрик-и нифаз-и шариат-и Мухаммади» («Движение за установление шариата», ДУШ)²¹. Масштабное проникновение талибов в Моманд произошло в 2006 г.²²

На ситуацию в агентстве повлиял и уже упоминавшийся штурм исламабадской Красной мечети летом 2007 г. Чтобы выразить солидарность с исламистами в Исламабаде, около 200 боевиков захватили несколько мечетей недалеко от административного центра агентства. Местный лидер исламистов Омар Халид объявил о присоединении к ДТП. Но момандские отряды талибов продолжали действовать независимо от основного движения в Южном Вазиристане. Деятельность талибов побудила кланы многочисленного племени моманд оказать им сопротивление. В отдельных районах начали действовать лашкары. Считается, что борьба племенных ополчений была более эффективной, чем операции пакистанской армии²³.

Момандские исламисты политически связаны с обеими основными религиозными парламентскими партиями Пакистана – ДУИ и ДИ. Созданный ими избирательный блок исламистов на выборах 2002 г. выиграл все места в пакистанском парламенте от Моманда. Впоследствии избранные от агентства члены парламента подвергались критике за коррупцию и терпимость к боевикам и террористам. Росту влияния местных боевиков могла способствовать деятельность пакистанской военной разведки, рассчитывавшей нейтрализовать влияние политических оппонентов исламистов, а именно упоминавшейся выше партии ННП. Хотя попытки армии сохранить у власти исламистов не увенчались успехом, нет больших сомнений в том, что она и ОВР способствовали укреплению низовых исламистских групп. После победы ННП в агентстве на парламентских выборах 2008 г. многие ее видные члены и руководители неоднократно подвергались нападениям со стороны талибов²⁴.

Наименьшее по территории и самое северное агентство Баджаур является воротами в долину Сват, благодаря чему приобрело важное стратегическое значение²⁵. До 2001 г. здесь не было отмечено наличия террористических групп. События осени того года стали поворотными. Среди боевиков ныне заметны талибы (ДТП) и сторонники ДУШ. Несколько известно, публично признавая верховенство афганского движения «Талибан» и лично Муллы Омара,

на деле баджаурские талибы не координируют свои террористические вылазки в Афганистане с Муллой Омаром и его окружением. Они самостоятельно выбирают мишени для терактов. Отдельную боевую группу возглавляет М. Факир, заявивший о своей поддержке «Аль-Каиды»²⁶. Под его командованием в агентстве действуют не только афганцы, но и другие боевики-иностранные. Среди джихадистских групп, также действующих в Баджауре, следует назвать и «Джайш-и ислями» («Исламскую армию») во главе с Кари Али Рахманом. По некоторым данным, в основном панджабская «Харкат-уль джихад-уль ислями» («Движение за исламский джихад») ведет подрывную деятельность в Баджауре. Ее подозревают в организации многих громких терактов с использованиемсмертников, включая повлекшее сотни жертв покушение 18 октября 2007 г. в Карачи на бывшего премьер-министра Пакистана Б. Бхутто и теракт в сентябре 2008 г. в отеле «Марриотт» в Исламабаде²⁷. Кроме пакистанских боевиков, в агентстве присутствуют и иностранные экстремисты. «Исламское движение Узбекистана» и отколовшийся от ИДУ «Союз исламского джихада» имеют некоторую поддержку в Баджауре и афганской провинции Кунар²⁸.

* * *

Подводя итоги, стоит отметить, что усиление радикальных тенденций в значительной мере было вызвано участием Пакистана в так называемой «глобальной войне с терроризмом». Эти действия, а особенно участившиеся в конце 2000-х годов скоординированные с пакистанским руководством атаки беспилотников США на районы ТПФУ, встретили понятное отторжение среди пакистанцев. Тяжелыми последствиями антитеррористической войны стали многочисленные жертвы среди мирного населения, военнослужащих и полицейских. Помимо того, сотни тысяч жителей «зоны племен» и прилегающих к ней районов были вынуждены на время проведения антитеррористических кампаний покидать свои дома и становиться «внутренними беженцами».

Тем не менее нужно признать, что под давлением жестких мер террористическая активность исламистских боевых групп в последние годы уменьшилась. Уже в середине 2011 г. обозначилась тенденция к общему снижению ее уровня при незначительном сокращении наносимого ущерба: за 2011 г. общее количество террористических атак, в результате которых погиб 2391 человек, снизилось на 7% (в 2010 г. – 2913 человек).

Эти успехи нужно рассматривать на фоне перегруппировки сил в стане исламского радикализма, действующего легально. Возник новый альянс исламистских организаций «Дифа-и Пакистан» («Защита Пакистана»), где одно из ведущих мест наряду с лидерами таких партий, как ДУИ и ДИ, занял Хафиз Саид – лидер наиболее радикальной по идеологии исламистской организации «Джамаат-уд-дава» («Общество призыва»). Эта организация является «фасадной» для активно действовавшей в 2000-х годах на индийском направлении боевой, группировки «Лашкар-и тоиба» («Армия чистых»), организатора одного из громких терактов последних лет – нападения группы диверсантов в ноябре 2008 г. на крупнейший индийский город Мумбай (Бомбей). Перегруппировка сил среди легальных исламистов, попытка «легализовать» крайних представителей исламистского движения свидетельствуют об учете ими новой реальности.

Следует заметить, что если в 2008–2010 гг. фактор исламского экстремизма и терроризма имел исключительно большое значение для ситуации на северо-западе Пакистана, да и для всего соседнего с ним региона, то в дальнейшем, как представляется, его значение несколько снизилось. На первый план выдвинулись новые, легальные, движения исламистов. На фоне протестных акций конца 2012 – начала 2013 г. выступлением в поддержку реформирования политической системы ИРП заявил о себе еще один новый политический игрок – партия «Пакистан авами техрик» («Народное движение Пакистана») во главе с Тахир-уль Кадри, представляющим школу барелви. До настоящего момента данная партия находилась на периферии пакистанской политической жизни, а ее лидер на протяжении последних шести лет вообще проживал в Канаде. Такая программа роднит «Пакистан авами техрик» с еще одной, уже светской партией «новой волны» – «Пакистан техрик-и инсаф» («Пакистанское движение за справедливость») Имран Хана. Тем не менее вопрос о том, насколько долговременна эта тенденция, остается открытым и исключительно важным в преддверии парламентских выборов в Пакистане и предполагаемого вывода основной части боевых соединений США и НАТО из Афганистана к концу 2014 г.

Примечания

¹ Название этих административных единиц, равно как и административное деление, было создано британскими колониальными властями, сформировавшими их в северо-западных районах Британской Индии, населенных племе-

- нами пуштунов и белуджей. Число и административные границы агентств неоднократно менялись. В настоящее время в Территорию племен федерального управления Пакистана входят семь агентств: Хайбер (образовано в 1878 г.); Куррам (1892); Северный Вазиристан (1895–1896); Южный Вазиристан (1895–1896); Моманд (1951); Оракзай (1973); Баджаур (1973) – общей площадью 27,2 тыс. км². Кроме того, два агентства существуют на территории провинции Белуджистан (область Сиби) – Дераабугти и Кохлу. В состав ТПФУ также входят шесть пограничных районов, которые граничат с одноименными административными единицами Хайбер-Пахтунхва: Банну, Дераисма-илхан, Кохат, Лаккимарват, Пешавар и Танк.
- ² В августе 2009 г. президент А.А. Зардари внес соответствующие законодательные инициативы, которые позволили бы партиям нерелигиозного толка в полной мере участвовать в выборах, а также изменения в систему управления ТПФУ.
- ³ Подробнее см.: Белокреницкий В.Я. Война в горах. Талибы и пакистано-афганское приграничье. – Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 7. – С. 24–28.
- ⁴ См.: Замараева Н.А. Усиление исламского экстремизма в Пакистане в 2008–2010 гг. – Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. – М., 2012. – С. 190–191.
- ⁵ Suba Chandran D. Khyber Agency: Indigenous Taliban, illegal radio stations and ineffective administration. Institute of Peace and Conflict Studies, New Delhi, India, June 16, 2006. – <http://ipcs.org>
- ⁶ Yusufzai R. Profile: Nek Mohammed. BBC, June 18, 2004. – http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/3819871.stm
- ⁷ Mahsud M.K. Militancy and Conflict in South Waziristan. The Battle for Pakistan. New America Foundation. – <http://counterterrorism.newamerica.net>
- ⁸ Sirajuddin Haqqani Interview with AfPax Insider April 7, 2009. – http://www.afpax.com/index.php/post/7478alibans_Siraj_Haqqani_Shrgs_Off_5
- ⁹ Anand Gopal, Mansur Khan Mahsud, Brian Fishman. Militancy and Conflict in North Waziristan. Battle for Pakistan. New America Foundation. – <http://counterterrorism.newamerica.net>
- ¹⁰ US National Security Archive. – <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB295/doc05.pdf>
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Ismail Khan. Forces, Militants Heading for Truce. – Dawn, June 23, 2006: <http://www.dawn.com/2006/06/23/top2.htm>; Anand Gopal, Mansur Khan Mahsud, Brian Fishman. Militancy and Conflict in North Waziristan. Battle for Pakistan. New America Foundation. – <http://counterterrorism.newamerica.net>
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ Mahsud M.K. Militancy and Conflict in Kurram. The Battle for Pakistan. New America Foundation. – <http://counterterrorism.newamerica.net>
- ¹⁵ Zahab M.A. Sectarianism in Pakistan's Kurram Tribal Agency. Jamestown Foundation, March 19, 2009: <http://www.jamestown.org>
- ¹⁶ Multi Cluster Rapid Assessment-District Kohat. – World Health! Organization report, December 5, 2009: <http://www.whopak.org/idps/documents/assess-ments/Assessment%20Report%20of%20District%2Qjkohat.pdf>

- ¹⁷ Rashid Naeem. Historical and Administrative Profile of the Khyber Agency. – AIHOICES, March 10, 2008: <http://www.allvoices.com/user/blog/1752>
- ¹⁸ Caroline Wadhams and Colin Cookman. Faces of Pakistan's Militant! Commanders. Center for American Progress, July 22, 2009. – <http://www.americanprogress.org/issues/2009/07/talibanleaders.html#12>
- ¹⁹ Raheel Khan. Militancy and Conflict in Khyber. The Battle for Pakistan. New America Foundation. – <http://counterterrorism.newamerica.net>
- ²⁰ Salman Masood. Bridge Attack Halts NATO Supplies to Afghanistan, – The New York Times, February 3, 2009.
- ²¹ «Техрик-и нифаз-и шариат-и Мухаммади» («Движение за введение шариата», ДУШ) создано в мае 1989 г. мaulаной Суфи Мухаммадом. Основная цель – введение шариата в области Малаканд, который должен строго регламентировать все сферы общественной жизни. Движение быстро обретало популярность, уже через год после создания его численность достигла 30–40 тыс. человек, среди них – участники антисоветского моджахедского движения в Афганистане. В ноябре 2001 г. С. Мухаммад объявил о поддержке режима талибов и, собрав около 6–10 тыс. добровольцев, отправился в Афганистан для борьбы с силами международной коалиции. Последовавшее в апреле 2002 г. тюремное заключение лидера движения стало причиной размытия влияния ДУШ. Вместе с тем в 2004–2007 гг. в округе Сват под руководством зятя С. Мухаммада мaulаны Фазлуллы сформировалась новая фракция движения, которая с декабря 2007 г. присоединилась к ДТП, сохранив при этом значительную самостоятельность. Мирное соглашение с ДУШ в 2008 г., предусматривавшее введение норм шариата в Свате, стало первым пробным шагом по достижению консенсуса с экстремистами. Соглашение было перечеркнуто начавшимся в мае 2009 г. генеральным наступлением на силы боевиков как в ТПФУ, так и в округах тогдашней Северо-Западной пограничной провинции, прежде всего в Свате.
- ²² Militant Groups Warn Pro-Gov't Tribal Elders. – Dawn, June 14, 2007.
- ²³ Fauzee Khan Muhammad. «Mohmand Lashkar Kills 23 Taliban Militants». – Dawn, July 14, 2009.
- ²⁴ Peshawar: The New Militant Frontline. – Associated Press, Dec. 14, 2009.
- ²⁵ Rahmanullah, Militancy and Conflict in Bajaur. The Battle for Pakistan: New America Foundation. – <http://counterterrorism.newamerica.net>
- ²⁶ Claudio Franco. Part III of a Special NEFA Report: Militant Groups Active in the Bajaur Region. August 2009. – <http://www.nefafoundation.org>
- ²⁷ Amir Mir. HUJI chief still at large. – The News, September 23, 2008: http://www.thenews.com.pk/top_story_detail.asp?Id:=17449
- ²⁸ Foreign militants target of Bajaur operation: Hoti. – Daily Times, August 15, 2008: http://www.dailytimes.com.pk/default.asp?page=2008\08\15\story_5-8-2008_pg7_34

«Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке», М., 2014 г., с. 224–236.

Б. Долгов,
кандидат исторических наук (ИВ РАН)
АЛЖИР

Масштабные выступления протеста под лозунгами демократизации и повышения уровня жизни, начавшиеся в конце 2010–2011 гг., затронули целый ряд государств арабского мира. Ветер «арабской весны» достиг Алжира. Так, в 2010–2011 гг. Главным управлением национальной безопасности Алжира было зарегистрировано более 1 тыс. «уличных манифестаций протеста, многие из которых принимали форму столкновений с силами правопорядка»¹. Однако в отличие от Туниса и Египта протестные выступления здесь не переросли в требования свержения существующего режима и не принесли с собой радикальных политических изменений. В этой связи уместно отметить, что Алжир в своей новейшей истории уже переживал собственную «алжирскую весну». Возможно, что этот опыт, как позитивный, так и негативный, стал своеобразной «прививкой» для алжирского общества и не дал распространиться здесь «революционной бацилле», поразившей многие другие арабские страны.

«Алжирская весна 1980–1990-х годов». В конце 80-х годов XX в. алжирское руководство после начала «перестройки» в СССР и распада «социалистического лагеря» отказалось от политики социалистической ориентации и приступило к широкой демократизации социально-политической и экономической жизни страны. Период конца 80-х – начала 90-х годов в Алжире характеризовался таким уровнем политической свободы, который не имел аналогов в арабском мире. Правительство распустило чрезвычайные суды государственной безопасности, ранее разбиравшие дела политического характера, и отменило систему так называемых «синих карточек»², заполнявшихся гражданами, баллотировавшимися на выборные должности, т.е. анкет, которые затем визировались службой безопасности. В 1989 г. была принята новая Конституция и законодательные акты, в соответствии с которыми был создан двухпалатный парламент, вводились многопартийная система и альтернативные выборы на всех уровнях, сформировалась свободная пресса. В апреле 1990 г. был принят новый закон о СМИ, в результате чего к концу 1991 г. в Алжире появилось 169 новых газет

¹ <http://www.liberte-algerie.com> [17.12.2011.]

² Charef A. Algerie. Le grand derapage. – P., 1994. – P. 15.

и журналов¹. Алжирские журналисты, объединенные с 1967 г. в подконтрольное властям Национальное издательское и рекламное агентство (ANEП), создали свою независимую организацию «Движение алжирских журналистов» (MJA). Наряду с этим, в соответствии с новым законом, те журналисты, которые хотели создать свое собственное издание, имели право в течение трех лет получать довольно значительное пособие. Таким образом, в Алжире сформировалась достаточно свободная демократическая пресса. Были созданы одни из наиболее популярных в настоящее время независимых газет «Аль-Ватан» (Родина), «Le soir d'Algérie» (Алжирский вечер), «Аль-Хабар» (Новости).

Леводемократическая, берберская и исламистская оппозиции, находившиеся ранее на полуглавальном положении, получили право участвовать в общественно-политической жизни и иметь доступ к национальным СМИ. Пребывавшие в эмиграции оппозиционные лидеры, в том числе бывший президент Ахмед Бен Белла, смогли возвратиться в Алжир и продолжить политическую деятельность. Тем не менее наряду с поистине грандиозными демократическими преобразованиями социально-экономическая ситуация в Алжире в этот период ухудшалась. Продолжался рост цен, в том числе на продукты и предметы первой необходимости, прогрессировали инфляция и девальвация алжирского динара. Одними из самых острых проблем оставались жилищный кризис и безработица, которая в 1989 г. охватила более 20% трудоспособного населения (среди молодежи до 25 лет этот процент был еще выше). Жизненный уровень значительной части населения снижался, что провоцировало усиление социальной напряженности в обществе. В то же время в условиях нарастания системного кризиса, идеологического вакуума, обусловленного отказом от социалистической ориентации, и на волне демократизации в алжирском обществе возникло и получило широкое распространение массовое исламистское движение. По своему размаху и влиянию в тот период оно также не имело аналогов в арабском мире. Наиболее структурированной и организованной силой исламистов стал «Исламский фронт спасения» (ИФС), возглавляемый видными исламистскими деятелями Аббаси Мадани и Али Бенхаджем. ИФС в начале 1990-х годов насчитывал в своих рядах до 3 млн членов,

¹ Долгов Б.В. Исламистский вызов и алжирское общество. – М., 2004. – С. 33.

как официально вступивших в него, так и активистов-сторонников (население Алжира в 1990 г. составляло 22 млн человек).

Автору этих строк, работавшему в тот период в Алжире, приходилось наблюдать выступления Али Бенхаджа (род. в 1957 г.), достаточно харизматического исламистского лидера и умелого оратора, на многотысячных митингах, собиравших до 20 тыс. человек. На муниципальных и парламентских выборах в 1990–1991 гг. за кандидатов от ИФС проголосовало почти 50% избирателей¹. Успеху исламистов на выборах способствовало также то, что тогдашний президент Алжира Шадли Бенджедид (которого здесь называли «алжирским Горбачёвым») склонялся к некоему альянсу с исламистами. Пытаясь противопоставить исламистов военным, он старался таким образом ослабить традиционное доминирование армии в политике и экономике страны. Причем часть руководства армии не поддерживала проводимые Шадли Бенджедидом реформы. В то же время легитимный приход к власти исламистов, который был вполне возможен после их успеха в первом туре парламентских выборов, мог вызвать катастрофические последствия, в том числе гражданскую войну и распад страны. В этих условиях в январе 1992 г. после ухода президента в отставку (по ультимативному требованию армейского командования) военные пошли на силовое прерывание второго тура парламентских выборов и создание Высшего государственного совета (ВГС) как верховного органа власти. ИФС, радикальная часть которого начала совершать террористические акты, по решению суда был распущен, а его руководство и активисты арестованы и интернированы.

Вмешательство армии предотвратило легитимный приход к власти исламистов и провозглашение Алжира «исламской республикой». Это, в свою очередь, привело к радикализации исламистского движения, экстремистские силы которого развязали многолетнее вооруженное противостояние с властями, продолжавшееся в своей активной форме с 1992 по 1999 г. Оно стоило алжирскому народу 200 тыс. жизней, около 2 млн человек стали внутренними беженцами, еще 2 млн стали косвенными и прямыми пострадавшими. Материальные потери страны исчислялись миллиардами долларов. Это противостояние поставило страну на грань граж-

¹ Willis M. The Islamist Challenge in Algeria. A Political History. –N.Y., 1997. – P. 394.

данской войны и превратило Алжир в один из очагов радикального исламизма, борьба с которым продолжается до сих пор.

Социально-экономическая ситуация. Руководство Алжира во главе с президентом Абд аль-Азизом Бутефликой (род. в 1936 г.), избранным в 1999 г. и дважды переизбранным на президентский пост в 2004 и в 2009 гг., сумело, с одной стороны, в основном подавить радикальный исламизм и, с другой стороны, инициировать процесс восстановления гражданского согласия. Был принят закон об амнистии исламистам, добровольно прекратившим вооруженную борьбу. В 2005 г. была одобрена на общегосударственном референдуме «Хартия за мир и национальное примирение», имевшая целью дать возможность вернуться к мирной жизни тем, кто был вовлечен в экстремистские группировки. Дальнейшая политика алжирского руководства, направленная на закрепление демократических преобразований, вывела Алжир из относительной международной изоляции, в которой он находился в период правления возглавлявшегося военными ВГС.

В настоящее время Алжир восстановил свою роль субъекта мировой политики. Он является непостоянным членом СБ ООН и ассоциированным членом Европейского союза (ЕС). Алжир занимает лидирующие экономические и военно-политические позиции в Магрибе и является здесь региональным центром силы. Алжир – активный член Африканского союза (АС) и соучредитель созданной во многом благодаря его инициативе в начале 2000-х годов межафриканской организации «Новое партнерство для развития Африки» (NEPAD). Алжир также является одной из ведущих стран арабского мира и одним из наиболее влиятельных членов Лиги арабских государств (ЛАГ) и Организации Исламская конференция (ОИК). В 2012 г. Алжир должен войти в «зону свободного обмена» с ЕС. Однако отношения Алжира с ЕС и особенно с Францией несколько ухудшились после начала «арабской весны», к которой Алжир отнесся достаточно настороженно, а также осудил военную акцию НАТО в Ливии.

Алжир (наряду с Ливией), в отличие от других стран, затронутых «арабской весной», самодостаточная страна и настоящая кладовая природных ресурсов. Кроме значительных запасов нефти (1,45 млрд т) и природного газа (4,58 трлн км³) здесь находится 90% общих запасов железной руды стран Африки, 12% мировых запасов ртути и ряд других полезных ископаемых. Алжир является крупнейшим экспортёром углеводородного сырья на мировые рынки. Согласно Конституции Алжира все недра страны принад-

лежат алжирскому народу. В практическом плане правительство распоряжается ими посредством государственной компании «Сонатрак», имеющей монопольное право на разведку, добычу, транспортировку, переработку и экспорт нефти, газа и продуктов их переработки. Сонатрак инвестирует дальнейшую разработку и эксплуатацию действующих месторождений. В перспективе Алжир намерен увеличить добычу углеводородных энергоносителей на 50%. В этой связи руководство страны инвестировало в соответствующие проекты за период с 2007 по 2009 г. примерно 100 млрд долл. Наиболее грандиозным из них является прокладка транссахарского газопровода протяженностью около 4300 км, который соединит крупные газовые месторождения в дельте р. Нигер, пройдет через территорию Нигерии и Алжира и далее двумя ветками через Тунис на Мальту в Италию и Швейцарию и параллельно через Марокко в Испанию, Францию и Германию. Завершение проекта планируется в 2015 г. К этому же сроку должна быть закончена прокладка автомагистрали Лагос–Алжир и проложена оптико-волоконная телефонная связь между Алжиром и Европой. Стоимость данного проекта оценивается примерно в \$10 млрд. По завершении этих планов, как заявил министр энергетики Шакиб Халиль, Алжир намеревается к 2015 г. покрывать до 40% потребностей в природном газе стран ЕС. Наряду с нефтегазовой отраслью в Алжире достаточно успешно развиваются другие секторы экономики, как, например, информационная технология и ядерная энергетика. В Алжире ведутся исследовательские работы на ядерном реакторе мощностью 15 МВт, построенном в 1993 г. Планируется строительство первой атомной электростанции, которая должна быть запущена в 2020 г.

Что касается отношений Алжира с Россией, то они традиционно, со времен СССР, носили дружественный и партнерский характер. В рамках подписанной в 2001 г. между Алжиром и РФ Декларации о стратегическом партнерстве, кроме экономического и политического сотрудничества, осуществляется работа совместной алжирско-российской группы по борьбе с терроризмом и по вопросам безопасности. Наряду с совместными проектами в нефтегазовой сфере продолжается сотрудничество в космической области, металлургии, электроэнергетике, информационных технологиях и военно-технической сфере.

Алжирская экономика показывала в 2000-е годы достаточно стабильный рост ВВП в пределах 4–6% в год¹, хотя эти темпы несколько замедлились в 2008–2010 гг., в том числе в связи с мировым финансово-экономическим кризисом. В то же время по поводу влияния кризиса на алжирскую экономику министр финансов заявил, что кризис «напрямую не затронул Алжир. Влияние кризиса сказывается только в снижении экономической активности в мире, депрессии спроса и снижении цен на сырую нефть, что влечет за собой снижение поступлений в госбюджет. Тем не менее благодаря созданным стабилизационным механизмам (в частности специальному Фонду регулирования доходов, где аккумулированы доходы от экспорта нефти и газа в размере около 48 млрд евро на конец 2010 г., и Резервному валютному фонду, имеющему 121 млрд евро) Алжир не будет испытывать каких-либо трудностей при финансировании «Плана социально-экономического развития на 2009–2014 гг.»². Данный план предусматривает, в частности, создание более 400 тыс. новых рабочих мест.

В то же время в Алжире существуют социально-экономические проблемы, аналогичные тем, которые стали одной из причин «арабской весны» в Тунисе и в Египте. А именно: высокий процент безработных, особенно среди молодежи и, как следствие, невозможность для значительной ее части занять достойное место в обществе и создать семью; жилищный кризис; коррупция властей. Наряду с продолжающимся расслоением общества они стали причинами демонстраций с требованиями улучшения условий жизни, в которых в основном участвовала молодежь, в наибольшей степени страдающая от кризисных явлений. Манифестации имели место в 2008–2010 гг. в таких крупных городах, как Алжир, Оран, Беджая. Нерешенность социально-экономических вопросов остается наиболее острой проблемой для Алжира. Безработица, несмотря на ее существенное снижение по сравнению с 1999 г. (тогда она составляла около 29%), тем не менее достигала 12,8% в 2008 г. (эта цифра в среднем по Алжиру, есть регионы, где она выше, как и среди молодых людей до 25 лет, где она достигает 50%). Проблема безработицы определяется руководством Алжира как «одно из наиболее тяжелых последствий социально-экономического кризиса и структурной перестройки, через которые прошел Алжир за последнее десятилетие, и борьба с ней является стратег-

¹ <http://www.algerianembassy.ru> [19.03.2008.]

² <http://www.liberte-algerie.com> [29.01.2009.]

гической задачей правительства». Во многих городах жилищно-коммунальное хозяйство находится в кризисном состоянии. По ВВП на душу населения Алжир занимает 126-е место в мире. Ниже уровня бедности (доход менее двух долл. в день), по официальным данным, живет 15% населения страны (по другим данным, это число составляет 23%). Продолжается рост цен (инфляция составляет 3,5%), за которыми явно не успевает повышение зарплаты, гарантированный минимум которой в 2007 г. был равен примерно 120 евро в месяц. За последние годы наблюдается определенный рост преступности, в том числе среди малолетних. Причем в некоторых районах Алжира криминальные банды смыкаются с радикальными исламистскими группировками.

Тем не менее, несмотря на наличие сложных проблем, внутренняя ситуация в Алжире значительно стабилизировалась по сравнению с периодом начала 2000-х годов. Тогда страна только начинала выходить из системного кризиса «черного десятилетия», и часть областей была все еще охвачена исламистским террором. В настоящее время с достаточной долей уверенности можно констатировать, что власти контролируют ситуацию в стране и проводят курс на укрепление национальной консолидации, которая была в известной мере подорвана в период силового прерывания парламентских выборов армией и последовавшего за этим вооруженного противостояния радикальных исламистов с властями. В то же время проводятся меры, направленные на улучшение социально-экономической ситуации и дальнейшее развитие демократических процессов. Наряду с этим планируется существенным образом повысить роль местных органов власти и совершенствовать процесс демократизации общественно-политической жизни. Так, например, в целях развития местного самоуправления на основании финансового бюджета на 2008 г. и разработанных Министерством внутренних дел поправок к статусу балядий и вилай (районных и областных органов власти) их бюджет увеличивается почти в 10 раз¹.

С целью дальнейшего развития системы мусульманского образования и повышения роли мечетей в достижении гражданского согласия проводятся реформирование и усовершенствование подготовки имамов, с тем чтобы не допустить превращения мечетей в

¹ Аль-барнамадж ат-такмилий ли-д-даам ан-нумув. Фатрат 2005–2009 (Дополнительная программа по поддержке развития. Период 2005–2009). – Алжир, 2005. – С. 10.

инструмент пропаганды радикального фундаментализма (как это произошло в конце 80-х годов) и продолжить интеграцию исламистского движения в действующую политическую систему. В ходе реализации Программы социально-экономического развития Алжира (2004–2009), на которую было выделено примерно 55 млрд долл.¹, к 2008 г. было построено около 500 тыс. единиц жилья (из запланированных 1 млн 100 тыс.), улучшено снабжение населения природным газом, электроэнергией, питьевой водой, повышенено качество здравоохранения, всех уровней образования, профессиональной подготовки и обустройства территорий городов и деревень. В рамках дальнейшего решения жилищной проблемы в районе г. Митиджа (40 км к западу от столицы) в 2003 г. началось строительство нового города Сиди Абдалла, рассчитанного на 200 тыс. жителей, строительство которого должно быть завершено к 2020 г. В этом же районе будут построены еще три новых города, проекты которых находятся в стадии разработки.

Основные политические силы. В Алжире, несмотря на трудности и противоречия социально-политического развития, продолжается закрепление демократических преобразований, начало которым положило принятие в конце 80-х годов новой Конституции и закона, провозглашавшего многопартийность. Одним из подтверждений этого является тот факт, что в Национальной народной ассамблее (ННА), нижней палате алжирского парламента, на протяжении ряда созывов были представлены различные направления алжирского политического спектра, от левосоциалистического троцкистского до умеренного исламизма. Такого идеологического многоцветия политической палитры, пожалуй, не знает ни один парламент арабского мира. В настоящее время наиболее влиятельными парламентскими фракциями, составляющими основу президентской коалиции, являются, во-первых, представители существующей еще со времен национально-освободительной войны (1954–1962) партии «Фронт национального освобождения» (ФНО), возглавляемой Абд Аль-Азизом Белькадемом, занимавшим до июня 2008 г. пост главы алжирского правительства. Во-вторых, это партия «Национально-демократическое объединение» (НДО), во главе которой стоит нынешний премьер-министр Ахмед Уяхья.

В парламенте представлены три партии, исповедующие умеренный исламизм. Две из них – «Движение общества за мир»

¹ <http://www.legislativ52007dz/fr>

(ДОМ), руководимая Бугеррой Солтани¹, и «Нахда», во главе которой стоит Ляхбиб Адами², критикуют правительство и тем не менее поддерживают президентский курс. Третья партия, «Движение за национальную реформу» (ДНР), выступала против правительской программы широкомасштабной приватизации и работала за «исламскую социальную справедливость». ДНР, ранее являвшаяся наиболее многочисленной и влиятельной умеренной исламистской партией, в последнее время утрачивает доверие у избирателей. Тем не менее Джихид Юней, генеральный секретарь ДНР, участвовал в президентских выборах 2009 г., набрав 1,37% голосов и заняв четвертое место. В настоящее время наибольшим влиянием и политическим весом обладает партия ДОМ³. В преддверии парламентских выборов, состоявшихся 10 мая 2012 г., эти три партии сформировали единый блок «Альянс Зеленый Алжир» (АЗА) и выработали общую предвыборную программу. Лидеры нового умеренного исламистского блока позиционируют себя как системную оппозицию и в то же время поддерживают программу социально-экономических и политических реформ, выдвинутую президентом Бутефликой в апреле 2011 г. В то же время Бугерра Солтани, руководитель ДОМ, заявлял о необходимости сокращения президентских полномочий и превращения Алжира в парламентскую республику.

¹ Бугерра Солтани заменил на посту руководителя «Движения общества за мир» (ДОМ) скончавшегося 19 июня 2003 г. шейха Махфузу Нахнаха, основателя партии ДОМ и видного исламистского деятеля Алжира.

² Ляхбиб Адами стал руководителем партии «Нахда» после раскола в ее рядах, произошедшего в 1998 г. На съезде партии Ляхбиб Адами и поддержавшие его члены парламентской фракции «Нахды» выступили против тогдашнего лидера «Нахды» Абдаллы Джабаллы (некоторые обозреватели сочли, что действия Ляхбиба Адами, брата министра юстиции, были инспирированы властями с целью отстранения от руководства «Нахды» Абдаллы Джабаллы, известного и влиятельного исламистского деятеля, который выставлял свою кандидатуру на президентских выборах 1999 г.). В результате разногласий в руководстве «Нахды» Абдалла Джабалла вынужден был уйти с поста председателя «Нахды». Ляхбиб Адами остался руководителем парламентской фракции и в то же время стал главой партии «Нахда», которая в настоящее время является малочисленной и не играет заметной роли в политической жизни Алжира.

³ 2009 г. партия ДОМ переживала внутренний кризис. В результате часть влиятельных членов ДОМ, включая 10 депутатов парламента во главе с Абд аль Маджидом Менаасра, одним из членов руководства ДОМ, вышли из ее состава. Они создали свою собственную партию – «Движение за проповедь и изменение».

Достаточно крупной и набирающей в последнее время популярность партией, представленной в парламенте, является «Алжирский национальный фронт» (АНФ), которую возглавляет Муса Туати¹. АНФ стоит на националистических позициях и выступает за расширение прерогатив, в т.ч. финансовых, выборных местных органов власти, усиление борьбы с коррупцией, более справедливое перераспределение национальных доходов, прежде всего от экспорта энергоресурсов, гармоничное развитие регионов. В то же время в основных вопросах АНФ поддерживает правительственный курс.

Системная парламентская оппозиция. Оппозицию правительльному курсу в парламенте возглавляет давний и традиционный лидер ее леводемократического крыла Партия трудящихся (ПТ). Ее генеральным секретарем является Луиза Ханун² – видный политический деятель, выступающий с левосоциалистических (троцкистских) позиций. Луиза Ханун участвовала в президентских выборах 2004 и 2009 гг. Причем если в президентской кампании 2004 г. она заняла лишь пятое место, то в 2009 г. – второе после Бутефлики, получив 4,22% голосов избирателей. Выдвижение Луизы Ханун кандидатом в президенты является, пожалуй, единственным примером в регионе и достаточно редким прецедентом во всем мусульманском мире. Сам факт, что ей удалось пройти сложные формальности, чтобы иметь право баллотироваться в президенты, подтверждает укрепление демократических

¹ Муса Туати участвовал в президентских выборах 2009 г. и занял третье место, получив 2,31% голосов избирателей.

² Луиза Ханун родилась в 1954 г. в г. Шефка в Кабилии. В конце 70-х годах она становится активисткой движения за предоставление равноправия алжирским женщинам. В 1981 г. Луиза Ханун вступила в нелегальную «Социалистическую организацию трудящихся», проповедовавшую социализм троцкистского направления. За нелегальную политическую деятельность Луиза Ханун была арестована и с 1983 по 1984 г. отбывала тюремное заключение. После освобождения она вновь включилась в политическую борьбу. Благодаря своим организаторским способностям и ораторскому таланту Луиза Ханун вскоре стала лидером «Социалистической организации трудящихся», которая в 1990 г. трансформировалась в политическую партию – «Партию трудящихся». Луиза Ханун выступила против силового прерывания парламентских выборов военными в 1992 г. и ратовала за диалог со всеми политическими силами, включая «Исламский фронт спасения». В 1995 г. она была одним из участников подписания «Римской платформы», предполагавшей политическое решение алжирского кризиса. В 1997 г. Луиза Ханун была избрана депутатом алжирского парламента и выступала с критикой правящего режима с социалистических позиций.

тенденций в алжирском обществе. Луиза Ханун критикует правительственный курс, призывая поставить заслон приватизации и не допустить распродажу государственных предприятий. Необходимо признать, что ПТ на протяжении ряда лет увеличивала свое представительство в алжирском парламенте. Если в 1997 г., когда Луиза Ханун была избрана депутатом парламента, ПТ имела всего четыре депутатских места, то в 2002 г. она завоевала 22 и в 2007 г. – 26 мест¹.

Второй в рядах парламентской оппозиции по политическому весу является партия «Объединение за культуру и демократию» (ОКД). Ее возглавляет Сайд Саади², известный политический деятель, выступающий за демократическое и светское развитие Алжира и соблюдение прав берберского населения. В то же время ОКД бойкотировало президентские выборы 2009 г. Необходимо отметить, что ОКД, так же как «Фронт социалистических сил» (ФСС)³, старейшая алжирская социал-демократическая партия, отражающая также интересы берберов, ранее бойкотировала парламентские выборы в 2002 г. в знак протеста против репрессивных мер властей в отношении выступлений берберского населения Кабилии в 2001 г. Соответственно, ОКД и ФСС не были представлены в алжирском парламенте созыва 2002 г. Однако в парламентских выборах 2007 г. ОКД, в отличие от ФСС, приняла участие и завоевала 19 депутатских мест.

¹ <http://www.legislativ52007dz/fr>

² Сайд Саади родился в 1947 г. в г. Агрибс в Кабилии (на востоке Алжира) в бедной крестьянской семье. Получил медицинское образование (психиатр). С 70-х годов активно участвовал в антиправительственном берберском движении, был членом запрещенной властями партии «Фронт социалистических сил». В 1989 г. Сайд Саади стал инициатором создания политической партии «Объединение за культуру и демократию» (ОКД), руководителем которой он является до настоящего времени. Сайд Саади участвовал в президентских выборах 2004 г. и занял четвертое место. ОКД выступает за светские демократические преобразования и предоставление больших прав берберам.

³ Фронт социалистических сил (ФСС) – одна из старейших политических партий Алжира, создана в 1963 г. в Кабилии, на территории компактного проживания кабилов, наиболее многочисленной народности алжирских берберов. ФСС выступала за соблюдение национальных прав и самоидентификацию берберов в рамках алжирского государства. ФСС исповедует социал-демократические принципы, признан во многих странах Европы, является членом международного Социалистического интернационала. ФСС выступает за отделение религии от государства, создание светского гражданского общества и своей конечной целью провозглашает построение «демократического социализма» в Алжире.

После избрания Бутефлики президентом Алжира в 1999 г. ОКД и ФСС вошли в президентскую коалицию и поддерживали правительственный курс. Тем не менее после жесткого подавления властями вышеупомянутых протестных выступлений в Кабилии ОКД и ФСС встали в ряды оппозиции правящему режиму. В то же время необходимо подчеркнуть, что руководство Бутефлики выполнило большую часть требований берберской оппозиции и приняло ряд мер по признанию на законодательном уровне берберской самоидентификации, в том числе признания берберского языка амазиг вторым государственным после арабского. Наряду с этим была выработана специальная программа по улучшению социально-экономической обстановки в Кабилии, что во многом способствовало смягчению ситуации. Однако ОКД и ФСС продолжают критиковать правительственный курс, требуя, в частности, большей демократизации общественно-политической жизни. Так, в сентябре 2007 г. руководитель ФСС, известнейший и старейший общественный и политический деятель Алжира, ветеран национально-освободительной войны 1954–1962 гг. Хосин Айт Ахмед, наряду с двумя другими видными политическими деятелями оппозиции – Абд Аль-Хамидом Мехри, бывшим генеральным секретарем ФНО и Мулудом Хамрушем, бывшим премьер-министром (1989–1990), опубликовали совместную декларацию с требованием «подлинной демократизации власти в Алжире». Тем не менее этот политический демарш «старой гвардии» оппозиции не вызвал значительного отклика ни в политических кругах, ни во властной эlite.

Внесистемная оппозиция. Что касается внепарламентской оппозиции, то она представляет собой достаточно многоплановый спектр от диссидентов левых и либерально-демократических взглядов (проживающих как в Алжире, так и за рубежом) до исламистов, как умеренных, так и в прошлом радикальных, отказавшихся от вооруженных методов борьбы. Один из достаточно известных алжирских диссидентов Саад Джаббар (юрист по образованию), критикующий алжирский правящий режим за «отсутствие подлинной демократии», в настоящее время проживает в Катаре. Он является одним из личных адвокатов эмира Катара шейха Хамада Бен Халифа ат-Тани и регулярно выступает на канале «Аль-Джазира», комментируя события в арабском мире, в том числе в Алжире.

В Катаре также проживают в данный момент Аббаси Мадани, бывший председатель Исламского фронта спасения (ИФС), и

ряд бывших членов его руководства. Они достаточно часто приглашаются на аудиенции к эмиру, а также имеют контакты с членами ливийского Национального переходного совета (НПС), регулярно посещающими Катар. Часть бывших членов руководства ИФС, в том числе Али Бенхадж, бывший заместитель председателя ИФС, добиваются отмены судебного решения о роспуске ИФС, принятого в 1992 г., чтобы таким образом возродить его и войти в политическую жизнь. Бывшие лидеры радикальных исламистских группировок, получившие право на амнистию, такие как Мадани Мезраг, экс-эмир «Исламской армии спасения» (ИАС), военного крыла ИФС, основатель «Салафитской группы проповеди и борьбы» (СГПБ) Хасан Хаттаб, известные деятели ИФС Абу Омар Абд аль-Баер, Абу Закариа, Мусаб Абу Дауд, а также Абд аль-Хакк Лайяда, возглавлявший «Вооруженные исламские группы» (ВИГ) в 1992–1993 гг., заявляли о своей лояльности властям, уважении демократических норм и также пытались создать свою политическую партию. Однако алжирский парламент в 2011 г. принял закон о запрете создавать партии и ассоциации лицам, причастным к террористической деятельности, нанесшей урон государству. Таким образом, исламистские лидеры «черного десятилетия» лишились возможности выйти на алжирскую политическую сцену. В отношении будущего политического ислама, различные течения которого все еще пользуются определенной поддержкой среди части алжирцев, известный алжирский общественно-политический деятель Мохаммед Шафик Месбах заявляет, что «оно сократится до минимума, как только в стране будет наложено эффективное управление и будут решаться социально-экономические проблемы»¹.

Радикальный исламизм. Вооруженные исламистские группировки продолжают действовать в Алжире, хотя и в гораздо меньшей степени, чем это было в 1992–2001 гг., когда они терроризировали целые области. Тем не менее радикальные исламисты совершают террористические акции, которые официальные алжирские власти называют «остаточным терроризмом». Они представлены несколькими вооруженными группировками, насчитывающими в своих рядах, по разным данным, от 1 до 3 тыс. боевиков. Наиболее известная из них Салафитская группа проповеди и борьбы (СГПБ), созданная в 1998 г. Хасаном Хаттабом и переименованная в Организацию «Аль-Каида исламского государства

¹ Mesbah Mohammed Chafik. Problematique Algerie. – Alger, 2009. – P. 285.

Магриб» (АКИМ) после того, как ее нынешний «национальный эмир» Абд аль-Ваххаб Друкдель в 2006 г. объявил о присоединении СГПБ к «Аль-Каиде». Вторая группировка – Вооруженные исламские группы (ВИГ), созданная в начале 1990-х годов и осуществлявшая в тот период сотрудничество с марокканской и ливийской вооруженными исламскими группами. Однако в 2000-х годов ВИГ распалась на несколько, зачастую, враждовавших между собой группировок, и ее активность заметно снизилась. Тем не менее АКИМ после интервенции США в Ираке в 2003 г. и особенно в 2007–2009 гг. активизировала свою деятельность и осуществила ряд террористических актов, в том числе в столице, г. Алжире. Причем там было совершено три подрыва, начиненных взрывчаткой автомашин, одна из которых взорвалась перед резиденцией премьер-министра. В результате погибли десятки алжирцев, как военнослужащих, так и мирных граждан, а также иностранцев, среди которых 11 сотрудников миссии ООН. Еще одним громким террористическим актом, повлекшим за собой многочисленные жертвы, стал взрыв вблизи одного из военных училищ весной 2011 г. АКИМ пытается также «экспортировать» джихад за пределы Алжира в государства Сахеля и Западной Африки. Так, недавно вышедшая из структуры АКИМ группировка «Объединенная группа джихада в Западной Африке» провозгласила своей целью «не ограничивать джихад Магрибом и Сахелем и распространять его в Западную Африку»¹. Данная группировка взяла на себя ответственность за захват в октябре 2011 г. в г. Тиндуф (на западе Алжира) в заложники нескольких европейцев.

Некоторая активизация радикальных исламистских группировок в этом регионе связана в определенной степени с «арабскими революциями», особенно в Ливии, что повлекло за собой бесконтрольное распространение оружия среди населения и ослабление борьбы с терроризмом. Видный отечественный востоковед В.В. Наумкин в этой связи справедливо отмечает, что «бурные события “арабской весны” 2011 г. на севере африканского континента осложнили задачи борьбы с терроризмом, все теснее срачивающимся здесь с организованной преступностью»².

¹ <http://www.jeuneafrique.com> [10.12.2011.]

² Наумкин В.В. «Алжирский транзит» в зоне Магриба-Сахеля // Партнерство цивилизаций – нет разумной инициативы. Сборник статей. – М., 2011. – С. 33.

«Алжирская весна» 2011 г. Нерешенность социально-экономических проблем наряду с начавшейся «арабской весной», прежде всего свержением режима Бен Али в соседнем Тунисе, стала катализатором протестных выступлений в январе 2011 г. Манифестации начались в квартале Баб аль-Уэд алжирской столицы, населенном в основном представителями неимущих слоев, и были направлены против прогрессирующей дорогоизны жизни, безработицы, нехватки жилья. Вскоре они приобрели массовый характер и распространялись на другие регионы страны. В результате волнениями, сопровождавшимися актами вандализма и столкновениями с полицией, были охвачены 20 из 48 вилай (привинций) Алжира. Часть оппозиции, прежде всего партия Объединение за культуру и демократию (ОКД), руководимая Саидом Саади, и некоторые профсоюзные и студенческие организации пытались возглавить протесты и придать им политический характер, выдвигая лозунги демократизации и смены правящего режима. Однако эти требования не получили массовой поддержки, и накал протестных выступлений стал ослабевать.

По поводу попыток реализации «арабской весны» известный алжирский журналист Мохаммед Бу Хамиди заявил, что «радикальные изменения в Алжире запограммированы в умах некоторых политиков, журналистов и университетских профессоров, но никак не в умонастроениях алжирского народа». Таких «политиков» он называет «алжирскими Абдельджалилями (по имени председателя ливийского Переходного национального совета), которых убеждают из-за рубежа «не упустить “весну” и приступить к действиям», за что они будут вознаграждены «приобщением к капиталистической глобализации»¹. Парламентские оппозиционные партии леводемократической направленности, так же как и умеренные исламисты, не поддержали лозунгов ОКД. Отражением настроения значительной части общества прозвучало также заявление Милуда Брахими, бывшего председателя Алжирской лиги в защиту прав человека, о том, что «если изменения в Алжире назрели, то они должны проходить в рамках закона и без применения насилия»².

Алжирские власти достаточно оперативно отреагировали на «обеспокоенность общества и желание реформ», как описывала произошедшие события алжирская официальная пресса. С 1 янва-

¹ <http://www.jeuneafrique.com> [8.11.2011.]

² <http://www.elmoudjahid-dz.com> [15.11.2011.]

ря 2012 г. минимальная гарантированная заработная плата увеличивается до 18 тыс. алжирских динаров в месяц (примерно до 175 евро). За период с 2008 по 2012 г. зарплата госслужащих также была увеличена в два раза. В свою очередь президент Бутефлика в апреле 2011 г. отменил режим чрезвычайного положения, действовавший в Алжире почти 20 лет с момента начала вооруженного противостояния радикальных исламистов с властями, и провозгласил план реализации «глубоких политических реформ, имеющих целью ускорить движение по демократическому пути»¹. Правительству поручалось выработать новые редакции законов о выборах, о статусе политических партий, о месте женщины в выборных органах власти, которые затем передаются на рассмотрение парламента. Наряду с этим подготовлены законы об ассоциациях с целью расширить представительную демократию, о статусе вилайи для расширения прав органов местного самоуправления и о СМИ.

В частности, он отменяет некоторые статьи Уголовного кодекса, предполагавшие уголовное преследование СМИ, а также открывает аудиовизуальное пространство для частного сектора. В дальнейшем предполагается также изменение Конституции Алжира. В то же время предложенные проекты законодательных актов имеют некоторые достаточно важные ограничения. А именно, они не должны изменять республиканский характер государства, триаду, составляющую национальную идентификацию: принадлежность к исламской религии, арабской умме и уважение амазигской (берберской) культуры; многопартийность, права человека; территориальная целостность Алжира. Что касается поднимавшегося некоторыми светскими партиями вопроса о светскости государства, то он был снят с повестки дня подтверждением ст. 2 действующей Конституции, провозглашающей «ислам государственной религией». По самым важным аспектам намеченных реформ, а именно законов относительно изменения действующей Конституции, основных составляющих гражданского общества, местных органов власти, развития представительной демократии, во всех регионах Алжира были организованы обсуждения и консультации, проводившиеся Национальным советом по экономическому и социальному развитию. Причем наиболее известные деятели оппозиции, как, например, Мокран Айт Ларби, бывший член Сената (верхней палаты парламента), требовали, чтобы власть не

¹ <http://www.jeuneafrique.com> [15.11.2011.]

организовывала дебаты по реформам, а лишь разрешала их, так как сейчас существует недоверие к власти и любая ее инициатива воспринимается негативно. Тем не менее обсуждения проекта реформ, которые транслировались по национальному телевидению, сыграли свою позитивную роль, подробно ознакомив алжирское общество с их концепциями. После консультаций с представителями парламентских фракций Абд аль-Кадер Бен Салах, президент Сената, передал отчет, включивший в себя все предложения по изменению Конституции, президенту Бутефлике, который, в свою очередь, направил его комиссии юристов, обязанных дать по нему свои рекомендации.

Парламентские выборы 2012 г. Важным этапом в социально-политическом развитии Алжира стали состоявшиеся 10 мая 2012 г. парламентские выборы, проходившие в соответствии с новым законом о выборах, предполагающим контроль за голосованием местными органами власти и представителями политических партий, а также наличие прозрачных урн и присутствие иностранных наблюдателей. В выборах приняли участие 44 политические партии. Из них 17 новых, созданных на основе новых законов и проголосованной президентом Абд Аль-Азизом Бутефликой в апреле 2011 г. программы дальнейшей демократизации общественно-политической жизни. За ходом выборов наблюдали около 500 иностранных наблюдателей от ООН, ЕС и ДАГ. Итогом выборов стал явный успех светской правительственної коалиции и, соответственно, политического курса президента Бутефлики. Две партии этой коалиции – «Фронт национального освобождения» (ФНО) во главе с Абд Аль-Азизом Бель-кадемом, старейшим сподвижником Бутефлики, и «Национально-демократическое объединение» (НДО), возглавляемое премьер-министром Ахмедом Уяхьей, – завоевали соответственно 220 и 68 депутатских мест (из общего числа 462), что превышает число мест, полученных ими на прошлых выборах в 2007 г. Исламистский «Альянс Зеленый Алжир», объединявший три партии умеренных исламистов – «Движение общества за мир» (ДОМ), «Возрождение» и «Движение за национальную реформу» (ДНР), – получил 48 мандатов. Партии парламентской оппозиции, такие как провозглашающая лево-социалистическую идею «Партия трудящихся», возглавляемая Луизой Ханун, и социал-демократический «Фронт социалистических сил» во главе с Хосином Аитом Ахмедом, имеют 20 и 21 место. Стоящий на националистических позициях «Алжирский национальный фронт» (АНФ) обладает девятью местами. Все эти пар-

тии, включая исламистов, получили меньшее число мандатов по сравнению с выборами 2007 г. Явка избирателей составила 42,90%¹, что также выше, чем показатель выборов 2007 г., когда она составила 35%. Наиболее радикальная оппозиционная партия «Объединение за культуру и демократию» (ОКД), возглавляемая Саидом Саади, бойкотировала выборы. Парламентские выборы в Алжире показали, что значительная часть алжирского общества поддерживает правительственный курс на дальнейшую поэтапную демократизацию и в то же время недопущения радикальных проявлений «арабской весны». Об этом свидетельствует также ослабление влияния в парламенте исламистских партий, произошедшее вопреки ожиданиям их лидеров, которые для восстановления своих позиций намереваются, как заявил руководитель ДОМ Бугера Солтани, вступить в возможную коалицию с демократической оппозицией.

* * *

Выводы. «Арабская весна» несомненно оказала значительное влияние на общественно-политическую ситуацию в Алжире. В то же время внутреннее социально-политическое положение Алжира существенным образом отличается от такового во многих других странах, куда ворвались «весенние ветры».

Во-первых, Алжир пережил уже в недавнем прошлом «алжирскую весну», негативным результатом которой стало многолетнее противостояние с радикальными исламистскими группировками, которые продолжают свою террористическую деятельность до сих пор. Поэтому алжирское общество в своем большинстве настороженно относится к «революционным» политическим изменениям, могущим привести к повторению «черного десятилетия» исламистского террора 1990-х годов.

Во-вторых, если в Тунисе и Египте значительная часть общества поддерживала начавшуюся «твиттерную» революцию диссидентски настроенной и, по большей части, безработной молодежи, к которой затем присоединились как леводемократические, так и умеренно исламистские политические силы, то в Алжире этого не происходит. Как по вышеназванной причине опасений повторения исламистского террора, так и по причине

¹ <http://www/elmoudjahid.com> [12.05.2012.]

слабости и разобщенности оппозиции. Провозглашающие светские лозунги и требующие демократизации и смены правящего режима, партия Объединение за культуру и демократию (ОКД) и ее сторонники не пользуются широкой поддержкой населения. Наряду с этим они не идут на союз с партиями умеренных исламистов, что происходит в Тунисе и Египте. В Алжире большая часть умеренных исламистов представлена в парламенте и поддерживает президентский курс.

В-третьих, если в Тунисе, Египте, а также в Йемене и ряде других стран «революционные силы» выступали против коррупции правящей верхушки, непотизма, произвола властей и отсутствия реальных демократических свобод, то в Алжире эти проблемы хотя и существуют, но в меньшей степени. По инициативе президента Бутефлики проводились кампании по борьбе с коррупцией, имевшие определенные результаты и давшие положительный резонанс в обществе. В Алжире с конца 1980-х годов существует система многопартийности, альтернативных выборов на всех уровнях, достаточно свободных по сравнению с другими арабскими странами, СМИ. Необходимо отметить также, что личность действующего президента Абдельазиза Бутефлики пользуется определенной популярностью и ассоциируется многими алжирцами, особенно старшего и среднего поколения, с подавлением в основном радикального исламизма и завершением «черного десятилетия», а также с реализованными демократическими преобразованиями.

Тем не менее нельзя отрицать наличия социальной напряженности в алжирском обществе и существования диссидентски настроенной его части, особенно среди молодежи, которая составляет половину населения Алжира и в большей степени страдает от нерешенности социально-экономических проблем. В то же время задача решения или хотя бы снижения остроты этих проблем, при наличии вышеназванных природных богатств и накопленных на их основе финансовых ресурсов, не представляется абсолютно невыполнимой. Избежать негативных проявлений «арабской весны» в Алжире, особенно ее «ливийского сценария», напротив, представляется возможным. Многое зависит от политической воли и социально-экономического курса, избранного алжирским политическим истеблишментом, важным событием для которого станут президентские выборы 2014 г.

*Ближний Восток, Арабское пробуждение
и Россия: Что дальше? М., 2012 г., с. 189–203.*

Э. Касаев,
специалист по инвестициям в энергетику
стран Ближнего Востока и Северной Африки
УСПЕХИ И АМБИЦИИ «МОЩНОГО КАРЛИКА»

В последнее время эмират Катар становится частым ньюсмейкером благодаря своим солидным финансовым ресурсам, вложенным в различные крупные инвестиционные проекты, и масштабным политическим амбициям достижения лидерства на Ближнем и Среднем Востоке. Мне довелось длительное время прожить в Дохе, столице Катара, где в составе экономической группы Посольства России я курировал вопросы двустороннего сотрудничества в газовой сфере. За время дипломатической работы смог воочию оценить реальные возможности и потенциал эмирата, влияние инновационной экономики этой арабской монархии на жизнь местного сообщества и внешнеполитические действия властей.

«Островок стабильности»

Наличие развитой инфраструктуры мощностей по сжижению природного газа и переработке нефти, крупных промышленных предприятий, высотных офисных зданий, в которых работают специалисты со всего земного шара, многочисленных гладких, широкополосных дорог и автомобильных развязок – все это и многое другое сразу бросается в глаза приезжему. Благодаря щедрым финансовым вливаниям в национальную экономику Катару удалось создать «островок стабильности» и процветания среди песков пустыни. Речь идет не только о промышленных и строительных достижениях этой арабской страны, но и о социальных условиях жизни ее населения. Образование и здравоохранение в эмиратах местным жителям оплачиваются за счет государства, которое, помимо этого, поощряет обучение коренных катарцев в лучших иностранных университетах, обеспечивая студентам высокие стипендии.

Катар представляет собой динамично развивающееся государство. Сегодня эмират привлекает внимание высокими темпами инноваций в различных сферах. Несколько лет подряд он показывает стремительный рост валового внутреннего продукта (ВВП), является одним из мировых лидеров по среднему объему ВВП на душу населения.

В Катаре активно развиваются нефтегазовый сектор, транспорт, связь, metallurgия, капитальное строительство, банковское дело. Государство стремится занять ведущие места в экономике, образовании, а также в решении социальных проблем не только в регионе, но и по некоторым аспектам в мире. В условиях наличия огромных ресурсов дешевой рабочей силы в лице трудовых мигрантов Катар в ближайшее время может стать региональной базой производства товаров широкой номенклатуры. Единственным препятствием на этом пути пока является дефицит квалифицированных специалистов. Помогают в решении кадровой проблемы зарубежные страны, которые в последнее время стали активно укреплять отношения с Катаром по многим направлениям.

Лицом на Запад

С 2011 г. в Катаре действует стратегия национального экономического развития, рассчитанная на пять лет. Она – часть долгосрочной государственной программы «Национальное видение-2030», которая направлена на модернизацию социально-экономической жизни эмирата. Пятилетний план опирается на «трех китов»: усиление производства, привлечение иностранных инвестиций, ускоренное развитие частного бизнеса. Основные цели – постепенная диверсификация и обеспечение рационального использования финансовых ресурсов, а также расширение производственного цикла и улучшение инфраструктуры во всех промышленных секторах.

По своей сути названная стратегия является подобием советских пятилеток. Однако, в отличие от времен СССР, за развитие этих государственных планов в эмирете отвечают не местные специалисты, а зарубежные. Граждане США, Великобритании, Франции, Австралии и других стран ведут государственное планирование, получая огромную зарплату и социальные льготы от катарцев.

Помимо «мозговой» и административной помощи, иностранные предоставляют Катару уникальные технологии, которые помогают катарскому хозяйству прогрессировать, особенно в углеводородной сфере. Например, оставом местного хозяйства являются постоянно растущие доходы от экспорта сжиженного природного газа (СПГ). При этом внушительный флот танкеров-газовозов, которые помогают Катару доставлять топливо в любую точку планеты, создается при непосредственном участии крупных английских концернов с их передовыми ноу-хау. В беседах с

сотрудниками госкомпании Qatar Petroleum мне удалось выяснить, что Доха получает лишь часть прибыли от сбыта «голубого топлива» на внешних рынках. Оставшиеся газовые доллары оседают в карманах западных концернов, которые являются основателями катарской нефтегазовой промышленности. Именно иностранцы впервые обнаружили залежи углеводородов на территории эмирата и начали разработку нефте- и газоносных участков.

Сегодня международные компании, работающие в Катаре, также финансируют ряд проектов в области альтернативной энергетики, ороснения морской воды и охраны окружающей среды. Спонсорами различных выставок, музыкальных фестивалей и спортивных соревнований, проходящих в Катаре, часто выступают такие западные гиганты, как ExxonMobil, Royal Dutch Shell, Rolex. Участие этих концернов в социальной жизни эмирата заметно повышает их авторитет в глазах местного общества, при этом укрепляя иностранные позиции на рынке государства.

Примечательно, что зарубежные специалисты, работающие в катарских структурах, получают дивиденды не только внутри этой страны, но и за ее пределами. Например, в последние годы Катар стал одним из крупнейших инвесторов в европейскую и американскую экономики. Он скупает за бесценок внушительные доли зарубежных концернов, попавших в сложную финансовую ситуацию после глобального экономического кризиса. Британская недвижимость, немецкий автопром, испанский футбол, американские аэрофлот и газовая инфраструктура... Вот далеко не полный список областей приоритетного капиталовложения катарских шейхов.

Ислам и толерантность

Катар производит неоднозначное впечатление. С одной стороны, это исламское государство. С другой – вполне светская страна, лояльная к представителям многих немусульманских государств, которые постоянно здесь проживают. Например, гуляя по улице, не встретишь пьяных или агрессивно настроенных людей. Алкоголь вообще продается лишь в одном магазине Дохи, и то – по высокой цене и при наличии специальной карточки, которую могут иметь далеко не все. Также спиртное можно купить в барах пятизвездочных отелей, обслуживание в которых, кстати, является одним из самых лучших в мире.

На улицах Дохи можно встретить людей, одетых и в национальные арабские одежды, и в европейские костюмы. В крайних случаях к чересчур броско или вызывающе одетой женщине может подойти полицейский и вежливо попросить ее «прикрыться». Закон запрещает парам публично выражать любовные чувства. К тому же, если с мужчиной идет арабская женщина, полицейский может подойти к ним и попросить предъявить документы, дабы удостовериться, что они родственники. В противном случае их ждут арест и разбирательство.

Исламский дух проявляется и в катарской внутренней и внешней политике. В частности, основным источником местного законодательства является шариат. В эмиратах оказывается активная господдержка банковским и иным структурам, осуществляющим исламское финансирование. Количество исламских банков в стране постоянно увеличивается.

Двойные стандарты

Стабильная ситуация в экономике позволяет государству осуществлять активную внешнюю политику, главным ориентиром которой является обеспечение региональной безопасности. На международном треке по большинству проблем современности Катар, как правило, выстраивает свою линию в координации с партнерами по Совету сотрудничества арабских государств Персидского залива и Лиге арабских государств, часто руководствуясь принципом арабо-исламской солидарности. С одной стороны, политическая линия Дохи включает в себя стремление решать все вопросы мирным путем. С другой – Катар вполне допускает применение вооруженной силы против граждан арабского государства. Речь идет о Ливии, в воздушном пространстве которой катарские военные самолеты вели обстрел сил Муаммара Каддафи, а также о Сирии, куда эмирят настойчиво призывает ввести войска.

Катар умело проводит политику «двойных стандартов», в ряде ситуаций руководствуясь собственной выгодой, а не заботой о других суверенных народах, которым якобы необходима вездесущая дохийская «рука помощи». Часто участие эмирата в миротворческих кампаниях обусловлено стремлением заработать очки и обеспечить политическое лидерство на Ближнем и Среднем Востоке, ослабив региональных соседей. Накануне «арабской весны» Катар финансировал программы по обучению и подготовке интерактивных лидеров и интернет-блогеров. Их учили технике

организации митингов и демонстраций, созданию стихийных протестных движений, механизму вывода толп людей, придерживающихся различных политических взглядов, на улицы городов посредством социальных сетей, умению передавать информацию в условиях, когда могут быть заблокированы мобильная связь и доступ к сети Интернет,

Власти эмирата оказывали материальную, технологическую и стратегическую поддержку восставшим в Египте. Ливии и Сирии, а также осуществляли соответствующую идеологическую помощь посредством ангажированного освещения внешнеполитических событий в этих странах по местному телеканалу «Аль-Джазира», а также в других СМИ.

Доха оказывала серьезное лоббирование интересов повстанцев на площадках региональных и международных организаций, пытаясь «продавить» принятие того или иного документа, поддерживающего военные действия по смене режима в трех арабских странах. В некоторых вопросах Катар выступал в «связке» с соседними странами – Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ), которые также причастны к процессу и результатам «арабской весны».

В чем же причина подобной внешней политики эмирата?

Прежде всего, это крайне высокие амбиции небольшой по плошали (чуть более 11,5 тыс. км²) и населению (около 2,1 млн человек) арабской страны, лидеры которой охотно играют роль миротворцев в различных региональных конфликтах. Катар спонсировал и посредничал в процессе ларфурского урегулирования, в решении межиemenских разногласий между правительством Али Абдаллы Салеха и хоусистскими повстанцами, в разрешении ливанской проблемы после убийства Рафика Харири. в устраниении остроты вокруг иранской ядерной проблемы (совместно с Бразилией, Сирией и Турцией). Справедливости ради отмечу, что Дохе так и не удалось решить ни одну из названных проблем, хотя финансовых средств для этого было выделено много.

Как известно, аппетит приходит во время еды. Поэтому неизменно растущее желание Катара обрести не только локальный, но и мировой вес отчасти объясняет его активное участие в разжигании арабских восстаний 2011 г. Доху миновала волна смены режимов, и, как представляется, такого рода сценарий в ближайшее

время там вряд ли возможен, поскольку никаких антиправительственных выступлений в Катаре не наблюдается. Кроме того, отсутствует проблема шиитского меньшинства, которая остро стоит в соседних государствах – Саудовской Аравии и Бахрейне.

Однако в долгосрочной перспективе нельзя отрицать возможность смены руководства (как это уже имело место в 1995 г., когда прежний эмир Хамал Аль Тани в результате «бескровного» переворота сверг своего отца и пришел к власти), поскольку статус «правящей семьи» хотели бы иметь многие влиятельные катарские кланы, имеющие достаточно финансовых средств для начала подобного мятежа.

Коррупция? Вы о чём?

Несмотря на то что в Катаре весьма высокий уровень жизни, социальная дифференциация отчетливо видна. Коренные катарцы (около 250–300 тыс. человек) живут на широкую ногу, не жалея денег на отдых и развлечения, в том числе за границей (преимущественно в США и странах Западной Европы). Трудовые мигранты из Индии, Пакистана, Шри-Ланки и других стран, составляющие большую часть населения эмирата, получают весьма скромную заработную плату, и им не по карману катарский образ жизни.

В то же время инвестиционный климат страны недостаточно прозрачен, а существующие институциональные механизмы более благоприятствуют катарским, нежели иностранным предпринимателям. Однако это объясняется не высоким уровнем коррупции, а целенаправленной политикой властей по поддержке и стимулированию национального бизнеса.

Что касается коррупции, то катарцы незнакомы с этим понятием. Ярким примером служит тот факт, что по итогам 2013 г. в рейтинге стран по индексу восприятия коррупции (ежегодно рассчитывается международной неправительственной организацией Transparency International) Катар занял 28-ю позицию (чем выше коррупция, тем ниже место в рейтинге), что подтверждает весьма низкий уровень коррупции в государственном секторе, поскольку исследование охватило 177 стран.

Катарский деловой менталитет не ставит во главу угла быстрое получение денег в обход действующего законодательства, а наоборот, приветствует серьезное намерение партнера поучаствовать в длительном развитии той или иной совместной сделки.

Примечательно, что государство активно реализует программу «катаризации», в соответствии с которой во все государственные учреждения, а также крупные компании набирают преимущественно коренных катарцев и только потом – представителей других национальностей. В СМИ превозносятся любые достижения страны, подчеркивается «исключительность» катарского народа, что, без сомнения, находит понимание местных кланов. Имидж Катара как «мощного карлика» еще более упрочился после получения эмиратом права на проведение чемпионата мира по футболу 2022 г. В рамках подготовки к этому мероприятию, которое впервые пройдет в Ближневосточном регионе, Катар намерен построить девять новых стадионов.

Для того чтобы инфраструктура не стала «кормушкой» и источником для откатов, указом эмира был создан специальный орган, ответственный за подготовку к первенству. В состав вошли авторитетные катарцы, личное состояние которых позволяет оставаться чистыми на руку. Ведь потерять доверие главы государства означает навсегда забыть не только о карьере, но в некоторых случаях и о свободе. Например, в 2011 г. катарский эмир отправил под домашний арест около 30 высокопоставленных офицеров, подозреваемых в организации военного переворота с целью захвата власти.

Инвестиционная привлекательность

С учетом сказанного особое значение приобретают вопросы иностранного инвестирования в ведущие отрасли катарской экономики. Стоит ли иностранным компаниям вкладывать капитал в развитие катарской экономики? Каковы гарантии и возможные риски? Привлекательна ли обстановка в наиболее значимых областях, непосредственно влияющих на состояние инвестиционного климата государства? Политика стимулирования прямых иностранных инвестиций вывела Катар в список региональных лидеров по объему заключенных инвестиционных сделок. За последние десять лет в эмирата инициировано более 200 инвестиционных проектов, а накопленная сумма иностранных капиталовложений превысила 135 млрд долл.

Весьма заметен в эмирата рост промышленного производства. Еще несколько десятилетий назад население этой страны, как правило, занималось добычей жемчуга и рыболовством. Однако уже в начале 2000-х годов был отмечен 10%-ный рост промыш-

ленного производства, в последующие годы он оставался на стабильном уровне 8–13%, а по итогам 2010 г. сильно ускорился, достигнув отметки в 27,1%. Этому способствовала политика властей эмирата, обозначивших развитие промышленного сектора экономики в качестве перспективной цели Катара. В стране были созданы привлекательные условия для иностранных инвесторов, особенно в законодательной сфере.

Иностранные вложения направлены в сферу деловых услуг, торговлю, строительство, добывающую промышленность Катара. Зарубежных инвесторов привлекают низкие цены на энергоносители, развитая современная инфраструктура, твердая национальная валюта (катарский риал), высокий уровень жизни, отсутствие ограничений на переводы капиталов и прибылей, а также отсутствие таможенных пошлин на ввоз оборудования и сырья (равно как и вывоз продукции), необходимых для реализации проектов, осуществляемых с участием иностранного капитала (на остальные товары ввозная пошлина составляет 5%).

К этому можно добавить освобождение граждан и иностранцев от уплаты большинства налогов. В стране существует возможность получения инвесторами налоговых льгот. Географическое положение удобно для экспорта в соседние регионы, здесь наложены устойчивые экономические связи с другими странами Персидского залива, открывающие доступ на региональный рынок, имеющий высокую покупательную способность. Существует упрощенная процедура получения земельных участков, оборудованных необходимыми коммуникациями. В достатке трудовые ресурсы. Как представляется, инвестиционная привлекательность эмирата в будущем будет расти. Соответствующим гарантам этого процесса служит количество начатых и планируемых инфраструктурных проектов, которые должны быть реализованы в рамках долгосрочной экономической стратегии «Национальное видение-2030». Причем акцент не будет сделан исключительно на развитии нефтегазового комплекса. Напротив, государство все-результат нацелено на модернизацию несырьевых отраслей. Следует ожидать еще большего роста строительного и банковского секторов, а также расширения информационно-коммуникационной и транспортной сфер. Работа на этом направлении идет весьма активно, в том числе с привлечением иностранных партнеров.

Первая пятилетняя стратегия экономического развития страны, рассчитанная на 2011–2016 гг., заложит основу для дальнейшего роста государственной экономики, что, безусловно, послу-

жит лакмусовой бумажкой при определении ее перспектив. Пока же, основываясь на реальных фактах и показателях, можно убедиться в огромном качественном скачке, который совершил небольшой эмирят Персидского залива на пути к созданию устойчивого и эффективного хозяйства. Экономический взлет, продемонстрированный государством в начале XXI в., отражает серьезное намерение страны не только добиться статуса регионального финансового центра, но и дальше занимать лидирующие позиции на Ближнем Востоке. Особая экономическая и geopolитическая значимость Катара как государства, находящегося на пересечении путей в Европу, Азию и Африку, а также солидные запасы углеводородов позволяют ему рассчитывать на продолжение тесного партнерства со странами, которые делают на это взаимодействие большие ставки.

Где Россия, где футбол...

При кажущейся на первый взгляд абсолютной непохожести Катара и России можно отчетливо разглядеть элементы сходства между ними. Так, несмотря на планы диверсификации, экономики обоих государств носят ярко выраженный сырьевой характер, ведь доходы от нефтегазового экспорта обеспечивают большую часть их бюджетов. Однако благодаря доходам от сырья катарцам удалось за небольшой промежуток времени поставить местное хозяйство на инновационные рельсы, создав факторы, способные обеспечить эмиряту гарантированное будущее. Тем не менее эффективное торгово-инвестиционное сотрудничество нашей страны с Катаром осложнено острыми политическими разногласиями, прежде всего по сирийскому вопросу.

Говоря о финансировании терроризма и проживании в эмирят чеченских боевиков, стоит заметить, что эти факты во многом обусловлены корыстными geopolитическими интересами Катара, которые заключаются в том, чтобы поддерживать экстремизм за рубежом и не допускать его на собственной территории. Повышенное внимание уделяется поддержанию необходимого баланса интересов в обществе, а также профилактике террористической и экстремистской деятельности. Пожалуй, единственный теракт в Дохе был совершен российскими спецслужбами в 2004 г. при ликвидации бывшего и. о. президента Ичкерии Зелимхана Яндарбиева. Примечательно, что после «дела Яндарбиева» катарцы перестали финансировать экстремистов на Северном Кавказе, дабы

избавиться в глазах общественности от позорного имиджа спонсора международного терроризма.

В Катаре мало знают о России – как на государственном уровне, так и в гражданском обществе. В учебных заведениях эмирата не преподается русский язык, катарские госслужащие МИДа им не владеют. Все, что печатается о России в местной прессе, в основном связано с негативными событиями: убийствами, терактами, скандалами. О достижениях российских культуры, искусства и науки – ни слова. Российских граждан в эмирете проживает мало, около 2 тыс., большинство работает по частным контрактам в различных областях. Более подробно о нашей стране катарцы узнали, когда Россия получила право на проведение чемпионата мира по футболу 2018 г., а Катар – 2022 г. К сожалению, нынешний политический диалог Москвы и Дохи на различных международных площадках далек от правил fair play, принятых на футбольных полях.

«Стратегия России»,
М., 2014 г., № 1, январь, с. 73–79.

В. Кириченко,

младший научный сотрудник ИВ РАН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ЙЕМЕНЕ:

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ,
РЕЛИГИОЗНЫЙ И ПЛЕМЕННОЙ ФАКТОРЫ**

Исторические особенности становления современного йеменского государства, сложная структура его общества, в котором все еще сохраняется влияние племенных структур, а также религиозная неоднородность населения – все это накладывает отпечаток на политическую ситуацию в стране. Йеменская Республика населена многочисленными племенами, отличающимися своими религиозными взглядами, местами первоначальной локализации, что определило их традиционные способы хозяйствования и экономический потенциал, а также несовпадение исторического контекста, в котором происходило развитие разных частей этой страны.

Некоторое время Северный и Южный Йемен развивались независимо друг от друга. На территории Северного Йемена республика была провозглашена осенью 1962 г., но затем началась гражданская война, длившаяся восемь лет. Южный Йемен, быв-

ший британским протекторатом с 1839 г., получил независимость в 1967 г. Оба государства долго воевали между собой, пока 22 мая 1990 г. не было достигнуто соглашение об объединении. Однако в 1994 г. вновь вспыхнула гражданская война. А в июне 2004 г. на северо-западе Йемена, в провинции Саада, восстали южанские шииты (зейдиты). Участники мятежа, возглавляемого имамом Бадруддином аль-Хуси, требовали от президента Йемена Али Абдаллы Салеха¹ предоставления им возможности участвовать в работе органов местного самоуправления, выделения средств на экономическое развитие провинции Саада, материальной компенсации ущерба, понесенного местными жителями в ходе боевых действий².

В начале 2010 г. правительству удалось добиться перемирия с шиитскими повстанцами. Однако на волне «арабской весны» оно продлилось недолго, и уже в 2011 г. противостояние между шиитами и правительственные войсками возобновилось. Характерно, что в ряде мест (например, в районе г. Даммадж) в конфликт вступили и неправительственные суннитские формирования, сотрудничавшие с боевиками «Аль-Каиды»³. Что касается шиитов, то есть основания полагать, что они получали помощь от Ирана.

У зейдитов также крайне непростые отношения с салафитами⁴, которые укрепили свои позиции в Йемене. В сентябре 2012 г. в результате столкновений салафитов и зейдитов в Йемене было убито 12 человек⁵. Причиной противостояния стало то, что зейдиты были недовольны назначением на административные должности в северных провинциях Йемена сторонников партии «Ислах», поддерживаемой салафитами.

Социально-политическая ситуация в Йемене также осложнена сохраняющимся влиянием племенных структур. Принадлежность к тому или иному племени является имманентной частью самоидентификации любого юеменца. Поэтому интересы племени рассматриваются как важный фактор политической жизни.

Всего в Йемене насчитывается несколько десятков племен и племенных конфедераций. На севере доминируют племенные конфедерации хашид и бакиль, племена бени матар, бени харис и др., на юге – субайхи, хаушаби, амири, яфаи, фадли, аулаки и др. Зачастую отношения между ними являются причиной междоусобиц, переходящих в серьезный конфликт.

В годы правления президента Али Абдаллы Салеха (1978–2012) значительными привилегиями пользовались представители конфедерации племен хашид. Особенно это касалось семьи лидера

этого племенного сообщества шейха Абдаллы аль-Ахмара (ум. 2007). Так, Хамид, один из сыновей аль-Ахмара, стал предпринимателем и имел преимущества перед другими бизнесменами за счет покровительства отца. Еще трое сыновей шейха, Хусейн, Химайар и Хашим, оказались на высоких постах в сфере безопасности и политики. В частности, Химайар аль-Ахмар стал спикером йеменского парламента⁶. Следует отметить, что члены другой йеменской конфедерации племен – бакиль – находились при А.А. Салехе в менее привилегированном положении. Как пишет американский исследователь Эйприл Лонгли Элли, представители бакиль хотя и пользовались определенным влиянием, но были лишены реальной власти, которая находилась в руках членов конфедерации хашид⁷.

Однако влияние племенных традиций на жизнь населения Йемена постепенно снижается. Как отмечает американский социолог Роберт Митчелл, шейхи нередко ставят личные интересы выше интересов племени, что вызывает закономерный протест рядовых членов племени. На уменьшение влияния племенных традиций повлияла и урбанизация. Связь с племенем для перебравшихся в города ослабевает, и племя уже не является основной и единственной социально-политической единицей, принадлежность к которой маркирует идентичность йеменца. Призыв в армию также способствует ослаблению (хотя и в меньшей степени) племенной идентификации и постепенному формированию национального самосознания⁸.

С конфессиональной точки зрения население Йемена довольно разнообразно⁹. В стране проживают последователи различных течений ислама. Большинство населения юга Йемена – сунниты-шафииты¹⁰, в северных частях страны, помимо шафиитов, проживают шииты-зейдиты¹¹. Там же, на севере, сосредоточены поселения шиитов-имамитов¹². Кроме того, существует небольшая община шиитов-исмаилитов (75 тыс.)¹³.

Сунниты, последователи шафиитского мазхаба, составляют около 70% населения Йемена. Поселения шафиитов находятся в Тихаме, Асире, южных районах Джебеля и Хадрамаута. Зейдизм – это умеренный вариант шиизма. В отличие от шиитов-имамитов (основного течения шиизма) зейдиты не признают учения о «скрытом имаме»¹⁴, кроме того, у них отсутствует институт временного брака, что сближает суннизм и зейдизм. Зейдиты не практикуют масха – обтирание влажными руками обуви, которая покрывает ногу до лодыжки, как замену омовения¹⁵. Также зейди-

ты не принимают учения о «благоразумном скрывании» своей веры (такый). В отличие от остальных шиитов последователи зейдизма не считают первых трех халифов «узурпаторами». Зейдиты и шафииты могут посещать мечети друг друга, между ними нередко заключаются браки¹⁶.

С начала 2000-х годов новым фактором, осложняющим политическую обстановку в регионе, и в частности на территории Йемена, стала деятельность террористической группировки «Аль-Каида на Аравийском полуострове» (АКАП). Впервые о йеменском филиале «Аль-Каиды» заговорили после атаки на американский миноносец «Коул» в октябре 2000 г. Погибли 17 моряков, корабль стоимостью в 1 млрд долл.¹⁷ на два года был выведен из строя.

В мае 2012 г. на площади Ас-Сабин в Сане, где должен был пройти военный парад в честь празднования Дня национального единства (22 мая), прогремел взрыв. Он унес жизни 63 военнослужащих, участвовавших в репетиции парада. Ответственность за случившееся взяла на себя группировка «Ансар аш-Ша’рийа» – ветвь АКАП.

Лидером АКАП является Насир аль-Вухайши, бывший личный секретарь Усамы бен Ладена. Он входит в десятку самых разыскиваемых террористов. В сентябре 2012 г. власти Йемена сообщили о ликвидации Сайда аш-Шихри, который считался вторым человеком в руководстве АКАП. Его убили вместе с шестью другими боевиками в ходе операции с воздуха в местности Вади-Айн (провинция Хадрамаут). Это произошло после того, как в декабре 2011 г. Йемен разрешил США наносить удары по возможным базам боевиков «Аль-Каиды». Характерно, что тогда президент Йемена Али Абдалла Салех заявлял, что атаки совершались йеменскими военными, в то время как на самом деле их осуществляли американцы. Факт использования американской военной авиации для подавления баз АКАП свидетельствует о том, что США чрезвычайно обеспокоены деятельностью этой организации на Аравийском полуострове.

Йемен занимает стратегически важное положение в юго-западной части Аравийского полуострова, и с его территории легко контролировать движение танкеров, проходящих из Аденского залива через пролив Баб-эль-Мандеб в Красное море. Неконтролируемая береговая линия длиной в 1200 миль в Аденском заливе и Красном море и сухопутная граница с Саудовской Аравией и Оманом длиной в 1000 миль, которая проходит в основном по

пустыне, делают Йемен идеальным укрытием для «Аль-Каиды». Боевики могут безнаказанно перемещаться между Афганистаном и Пакистаном, а также через Йемен в Сомали, а тотальная нищета, господствующая в этих четырех странах, обеспечивает им постоянный приток новых боевиков.

Эти обстоятельства вызывают беспокойство. США выделяют Йемену средства как на военные, так и на гражданские нужды. Однако новая военная техника зачастую используется правящим режимом для борьбы с оппозицией, а не с террористами, а остальные деньги бесследно исчезают. Еще в 2010 г. (при прежнем президенте Йемена Али Абдалле Салехе) в Вашингтоне обсуждался вопрос о выделении Йемену 1,2 млрд долл. военной помощи сроком на пять лет¹⁸. Однако против такого шага американского руководства высказались как республиканцы, так и демократы. Их главный аргумент – высокий уровень коррупции йеменских властей.

Йемен является беднейшим государством арабского мира. По индексу человеческого развития ООН страна занимает 149-е место из 175 стран мира и относится к числу наименее развитых. Доход 16% юеменцев не превышает 1 долл. в день на человека, 47% – менее 2 долл.¹⁹ Несмотря на высокую детскую смертность – 79 случаев на 1000 новорожденных, здесь сохраняется очень высокий уровень рождаемости. В 1980 г. население страны насчитывало 7,9 млн человек, а в 2010 г. – уже примерно 24,1 млн²⁰. В 2005 г. каждый час на свет появлялись 72 младенца, спустя три года – в 2008 г. – 80²¹. Большая часть населения Йемена – молодежь, часть которой получила образование, иногда даже высшее (хотя и крайне низкого качества), но не может найти работу. Йеменцы, получившие образование в других странах, обычно на родину не возвращаются, ибо знают, что их карьера зависит не от их знаний, а от их принадлежности к тому или иному клану. Уровень жизни в Йемене остается крайне низким. По данным на март 2011 г., треть населения страны страдала от хронического недоедания.

Негативное воздействие на экономику Йемена оказала депортация юеменских рабочих из Саудовской Аравии и других стран Аравийского полуострова, вызванная поддержкой юеменским руководством агрессии Ирака против Кувейта в 1990 г.²² В результате в стране повысился уровень безработицы, который, по некоторым данным, превысил 35%²³.

Уже долгие годы благосостояние страны во многом зависит от денежных переводов от юеменцев, работающих за рубежом,

численность которых после 1990 г. значительно уменьшилась, а также от экспорта нефти, изначально небольшие запасы которой в последнее время сокращаются²⁴. Йеменская доля в мировых запасах составляет всего 0,16% (350 млн т)²⁵. Нефтяные месторождения находятся в восточных провинциях страны Шабва и Хадрамаут, а также в центральной провинции Мариб. Основные потребители йеменской нефти – Китай, Таиланд, Индия, Сингапур и ЮАР.

В январе 2011 г. политическая ситуация в стране резко обострилась. На рост протестов среди населения Йемена повлиял и успех государственного переворота в Тунисе, за которым последовала волна антиправительственных выступлений, которые затронули практически все арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки. Кроме того, стало известно, что Али Абдалла Салех стал прилагать усилия для того, чтобы сделать преемником своего сына Ахмеда (р. 1970), выпускника британской военной академии Сандрхёрст, впоследствии ставшего главой Республиканской гвардии.

Улицы столицы Йемена заполнили десятки тысяч людей, требовавших отставки Али Абдаллы Салеха и правительства Йемена. В ряде мест произошли перестрелки. 26 февраля 2011 г. появились сообщения о том, что два наиболее влиятельных зейдитских племенных союза Йемена отказали в поддержке президенту страны и перешли на сторону оппозиции. В частности, на сторону оппозиции перешел шейх Садик аль-Ахмар, лидер племенной конфедерации хашид. Он заявил о своем выходе из «Всеобщего народного конгресса» – правящей партии в Йемене, кандидатом от которой был президент Али Абдалла Салех. Против режима выступила и другая конфедерация племен – бакиль²⁶.

Во второй половине марта 2011 г. о своем переходе на сторону оппозиции заявил генерал-майор Али Мохсен Салех аль-Ахмар, командующий 1-й бронетанковой дивизией, до этого возглавлявший Республиканскую гвардию, и одновременно сводный брат президента страны²⁷. Вслед за ним в лагерь протестующих перешли около 60 офицеров и три генерала. Кроме того, против действующей власти выступили некоторые йеменские дипломаты, аккредитованные в зарубежных странах. В конце концов противостояние президента и оппозиции закончилось отставкой Али Абдаллы Салеха в ноябре 2011 г.²⁸ и передачей власти вице-президенту Абд ар-Раббу Мансуру аль-Хади. Этот шаг позволил разрядить политический кризис, и 21 февраля 2012 г. Абд ар-Раббу Мансур аль-Хади был избран новым президентом Йемена²⁹. Прак-

тически сразу он стал наводить порядок в стране: в столице начали убирать мусор, прекратились перебои с электричеством, рабочие перестали бастовать. Однако каких-либо существенных перестановок во властных структурах практически не произошло. Попытка нового президента переподчинить Вторую бригаду Республиканской гвардии, которой командовал Ахмед Салех, военному региону «Юг», вызвала недовольство гвардии, которая в знак протesta оставила свои позиции на юге страны – в провинции Абъян, где она вела бои с боевиками «Аль-Каиды». Таким образом, конфликт между йеменскими элитами остается неурегулированным.

Ухудшение политической ситуации в Йемене произошло по нескольким причинам. Это и сохраняющиеся противоречия между Севером и Югом страны, сложные отношения между племенами, а также усиление активности АКАП. Кроме того, усугубились проблемы в экономике страны, вызванные последствиями депортации йеменских рабочих из стран Залива. Негативным фактором стало и то, что в Йемене большая доля молодежи среди населения (30,2% от общей численности в 2010 г.³⁰). Следует отметить, что, согласно исследованиям немецкого социолога Гуннера Хайнзона³¹, в обществах, где количество юношей возраста 15–29 лет пре-вышает 30%, возрастает вероятность всплесков насилия и гражданских войн.

Недовольство населения вызвали и длительность пребывания у власти А.А. Салеха, который был президентом в течение 33 лет, а также коррумпированность режима. В условиях роста популярности информационных технологий Йемен не остался в стороне от «арабской весны», что способствовало усилению политического кризиса в стране, с одной стороны, и подъему национального самосознания – с другой.

Примечания

¹ Али Абдалла Салех (р. 1942) – выходец из племени санхан, входящего в племенную конфедерацию хашид, мусульманин-зейдит. В 1978 г. был избран президентом Северного Йемена. После объединения Южного и Северного Йемена находился на руководящих постах, в том числе был президентом страны до начала 2012 г.

² Нечитайло Д. Призрак имама Зейда. Шииты Йемена намерены взять исторический реванш. – http://religion.ng.ru/problems/2010-01-20/5_zeid.html

³ <http://ummanews.com/news/umma/4619-25-html>

- 4 Салафиты – сторонники течения ас-салафийа – общее именование мусульманских реформаторов разных эпох, выступавших за возвращение к исламу «праведных предков» (ас-салаф ассалихун) путем избавления от «новшеств» (бид'ат), которые, по их мнению, с течением времени искажают изначальную истинную веру и основанный на ней социальный порядок.
- 5 <http://www.naharnet.com/stories/en/54465>
- 6 Alley LA. The rules of the game: unpacking patronage politics in Yeme. – Middle East J. Vol. 64, № 3. – Wash., 2010. – P. 398.
- 7 Ibid.
- 8 Mitchell R.E. What the social sciences can tell Policy-Makers in Yemen. – Middle East J. Vol. 66, № 2. – Wash., 2010. – P. 303.
- 9 В доисламское время, когда в IV в. химайритам удалось объединить весь Йемен, царствующая династия приняла иудаизм. В начале VI в. под влиянием Эфиопии в стране распространилось христианство, однако к VII в. Йемен на короткое время был завоеван сасанидским Ираном. В 628 г. начался процесс исламизации Йемена.
- 10 Шафиитский вариант суннизма зародился на рубеже VIII–IX вв. Он был назван по имени знаменитого юриста, богослова и знатока мусульманского предания Мухаммада аш-Шафии (767–820). Коран и Сунна рассматриваются шафиитами как единый источник правовых установлений. По сравнению с ханифитским мазхабом (юридической системой) шафиизм позволяет избежать усложненного логического анализа, приняв суждение по аналогии, а в сравнении с маликитским мазхабом не требует детального знания правового комплекса общины города Медины, который в тот период считался эталонным.
- 11 Зейдиты – последователи одной из умеренных сект шиитов. Название секты произошло от имени Зейда ибн Али, внука Хусейна, брата пятого шиитского имама Мухаммеда аль-Бакира (ум. 732). В 739 г. Зейд возглавил восстание за права потомков Али (Алидов), но в следующем году погиб. Потомкам и приверженцам Зейда удалось привлечь на свою сторону жителей юго-западного побережья Каспийского моря и основать в 864 г. в Табаристане, Дейлеме и Гиляне зейдитское государство, просуществовавшее около трех столетий. В X в. в Йемене возникло теократическое зейдитское государство (имамат). Кроме Йемена и Северного Ирана династии зейдитов правили в Марокко в VIII–X вв. В Йемене зейдизм смог укорениться и стать идейным оружием мощного религиозного движения.
- 12 Имамиты – обобщающее название различных шиитских сект, которые верят, что духовное или политическое руководство общиной, а также власть в Халифате переходят от одного имама к другому путем «ясного указания» одного из них на другого.
- 13 Исмаилиты – одна из основных ветвей шиитского ислама, возникшая в середине VIII в. Исмаилизм появился вследствие обострения классовых противоречий, выразившихся в усилении власти феодалов и росте налогового бремени. Вспыхнувшие народные (в основном крестьянские) восстания носили характер сектантского движения, выступавшего с требованиями всеобщей справедливости и социального равенства, которое должно было быть достигнуто путем установления справедливого правления.

- ¹⁴ Мухаммад аль-Махди – так называемый «скрытый» имам – получил названия «Владыки эпохи» («Сахиб аз-заман») и «Ожидаемого Махди» («Мунтазар»). В 940 г. шиитские теологи объявили о прекращении родословной имамов до возвращения этого «скрытого» имама, который «в конце времен восстановит торжество справедливости».
- ¹⁵ Strothmann R. Al-Zaidiya. – E.J. Brill's Encyclopedia of Islam – 1913–1936. Vol. VIII. Reprint. 1987. P. 1196.
- ¹⁶ Wenner M.W. Modern Yemen 1918–1966. – Baltimore, 1967. – P. 35.
- ¹⁷ <http://www.foxnews.eom/story/0,2933,333612,00.html>
- ¹⁸ <http://www.geopolitika.lt>?artc=4481>
- ¹⁹ <http://podelise.ru/docs/26343/index-4576-2.html>
- ²⁰ <http://www.escwa.un.org>popin/members/yemen.pdf>
- ²¹ <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0355/mir01.php>
- ²² Хейдер А.Н. Некоторые аспекты социально-экономического развития Йеменской Республики на современном этапе. – Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (Новейшая история, экономика и политика). Вып. 3. – М., 1998. – С. 105.
- ²³ ИТАР-ТАСС. Пульс планеты. Ближний Восток и Африка. 9.03.2011. С. 6.
- ²⁴ Поступления от экспорта йеменской нефти составляют около 70% доходов бюджета страны, (<http://www.alsaudiarabia.com/14494-yemen-oil-export-revenues-decline-268b-in-10-months/>). В 2001 г. экспорт нефти из Йемена составлял 338 тыс. барр./день (<http://aspousa.org/20iO/01/yemens-oil-deadly-decline-rate/>), а в 2010 г. он снизился до 103 тыс. барр./день (<http://www.eia.gov/countries/cab.cfm#fips^YM>).
- ²⁵ Российское энергетическое агентство, 14.09.12.
- ²⁶ <http://lenta.ru/news/2011/02/26/yemen/>
- ²⁷ Причины перехода Али Мохсена Салеха аль-Ахмара в стан оппозиции некоторые наблюдатели связывают со слухами о том, что А.А. Салех в свое время пришел к власти благодаря шейху аль-Ахмару, главе клана аль-Ахмар и вождю конфедерации хашид, которому он в знак благодарности обещал способствовать продвижению к президентскому креслу одного из его сыновей. Но после того как в 2007 г. шейх умер, А.А. Салех счел себя свободным от всех обязательств.
- ²⁸ А.А. Салех отрекся от власти в обмен на предоставление иммунитета от уголовного преследования за преступления, совершенные в период его пребывания на посту президента.
- ²⁹ ИТАР-ТАСС. Пульс планеты. Ближний Восток и Африка. 9.04.2012. С. 13.
- ³⁰ <http://www.haver.com/comment/comment.html?c=110131c.html>
- ³¹ Хайнзон Гуннер – профессор Бременского университета, социолог. В 2003 г. опубликовал книгу «Сыновья и мировое господство», в которой исследовал взаимосвязь демографических показателей и уровня насилия в обществе.

«Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке», М., 2014 г., с. 341–348.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

А. Цуркан,

кандидат политических наук
(Институт США и Канады РАН)

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ИСЛАМСКИХ СТРАН С УЧЕТОМ ФАКТОРА ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА

Исламские радикалы и экстремисты добиваются, чтобы исламский мир воспринимался в качестве единого и неделимого образования – своеобразной «единой мусульманской уммой», к которой так или иначе относят себя все мусульмане [11, с. 264]. При таком положении вещей радикалы составляли бы его неотъемлемую часть и автоматически получали бы поддержку своей деятельности от остальных членов всемирной общины. Такое видение «исламской угрозы», несомненно, способно приумножить значимость исламского радикализма и вселить страх в представителей иной, неисламской цивилизации.

На самом деле единства и сплоченности исламского мира в той степени, которую приписывают ему идеологи радикального ислама, не существует. Понятие «умма», во многом номинальное, сегодня можно применить к последователям ислама как таковым. Оно не исключает наличия у самих мусульман всевозможных различий, включая идеологические и доктринальные расхождения, а также несоответствие уровней жизни и различие политических систем. В свою очередь, именно эта разнородность и является одной из ключевых характеристик исламского мира, что влечет за собой разные восприятие и трактовку идеи «исламского радикализма».

Во многом «успешность» деятельности радикалов в арабских странах определяется исторически сложившимися устоями, текущей политической ситуацией и социально-экономическими условиями. Именно руководство государства, исходя из возмож-

ностей собственного политического веса как внутри страны, так и за рубежом, определяет официальную позицию и избирает приемлемую модель реагирования на попытки утверждения радикальной исламской идеологии в качестве единственной на государственном уровне. Большое значение в этой связи имеют позиции в стране религиозного руководства, которое в некоторых случаях оказывает непосредственное влияние на формирование единой политико-идеологической линии власти.

В то же время поддержку исламскому радикализму, зачастую снизу, оказывает «арабская улица». Г. Фуллер утверждает, что «хотя большинство людей, возможно, и приходят к исламизму из глубоких религиозных побуждений, они все равно продолжают обладать ментальностью политического активиста, жаждущего изменить что-либо в сложившемся *status quo*» [17, с. 92]. Следовательно, желание реформировать традиционные общественные устои и политическую систему в целом возникает у среднестатистического гражданина в случае недовольства существующим положением вещей, что включает в себя материальное благосостояние, социальные гарантии и политическую стабильность.

Таким образом, в разных странах исламские радикалы находятся в разных ситуациях, вплоть до диаметрально противоположных: где-то они действуют в виде подпольных религиозно-политических организаций, а где-то весьма гармонично сосуществуют с властями, которые, в свою очередь, обеспечивают и экспорт исламистской идеологии вовне. Поэтому необходимо понимать, что исламизм имеет политическую окраску в достаточно жесткой страновой привязке, что осложняет перспективу его абстрактного изучения, исключая его чисто теософское толкование.

Условно все основные мусульманские страны можно сгруппировать в несколько специфических политических моделей, построенных по принципу различия в отношении государственной власти к явлению исламского радикализма. Наиболее ярко выраженными и исторически сложившимися предлагается считать следующие модели: «гармония ваххабизма и государственной власти»; «исламизация политики в шиитском государстве»; «координация между светскими властями и исламскими радикалами»; «умеренный исламизм в политической системе» и «конфронтация между светскими властями и исламскими радикалами». Однако под влиянием итогов событий «арабской весны», когда в ряде государств были легализованы происламские партии, впоследствии

включенные в политический процесс, сформировалась дополнительная модель стран так называемого «переходного типа».

На данном этапе встает вопрос действительной необходимости подобного рода классификации исламских стран. Вместе с тем нельзя отрицать важности понимания процессов, происходящих в исламском мире сегодня. Полная неожиданность революционной волны, прокатившейся в регионе Большого Ближнего Востока в 2010–2011 гг., а также новых вооруженных конфликтов, которые за ней последовали (Ливия, Сирия, Мали), не только показала неготовность международного сообщества к адекватной реакции на подобного рода события, но и сказалась на усилении активности исламистов, пытающихся занять освободившиеся ниши власти. Следовательно, крайне важно проследить на конкретных примерах стабильность устоявшихся политических систем с целью возможной последующей корректировки внешнеполитического курса нашей страны.

Итак, первая модель – «гармония ваххабизма и государственной власти» – это политическая модель Саудовской Аравии, главного союзника США на Ближнем Востоке. По сути дела, не было бы преувеличением назвать эту страну исламским государством радикального фундаменталистского типа, т.е. таким государством, в котором господствует только одна идеология, а другие системы взглядов не имеют права на существование, а их последователи – права на свободное волеизъявление. Страна живет по основам шариата в его ваххабитском прочтении, и многие несоблюдения религиозных законов жестоко караются, вплоть до смертной казни. Строительство храмов, отправление культа или ношение собственной религиозной атрибутики последователями других вероисповеданий или даже иных направлений ислама пресекаются религиозным истеблишментом страны. Политическая система Саудовской Аравии держится на двух базовых элементах: на королевской власти в лице потомков династии Саудидов, взявших на себя функции государственного управления, и на религиозной верхушке в лице потомков Абд аль Ваххаба – семьи Аль Аш-Шейх и примкнувших к ней улемов, которые призваны были отвечать за идеологизацию политики. Кроме того, две самые знатные аравийские семьи связаны между собой династическими браками, что еще больше укрепляет союз. Тем не менее избежать попыток одной семьи возвыситься над другой Королевству не удалось. Как пишет А. Осипов, «проповедуемый ваххабитами родоплеменной «демократизм», настойчивые призывы к упрощению и социальному

му равенству, отказу от обогащения и роскоши, строгому контролю со стороны религиозных авторитетов за соответствием действий властей кораническим предписаниям, притягательные для широких слоев населения, вызывают все большее раздражение в королевской семье» [12].

Со своей стороны власти пытаются ограничить влияние духовенства на политику, жестко регламентируя и распределяя обязанности в государстве, а также удаляя неугодных сановников¹. Однако проводимые властью реформы не были призваны изменить положение существующего союза религии и политики, так как сама политическая верхушка не раз подчеркивала, что такой союз является «незыблемой основой саудовской государственности» [8].

Вместе с тем радикальный религиозно-политический курс государства, направленный на внутреннее потребление, не смог предотвратить деятельность подпольных экстремистских организаций. Устоям саудовского общества и государства противостоят те, кого политический истеблишмент называл сторонниками «заблудшей секты»² – «исламские моджахеды (курсив. – Г.Г. Косача), появление которых, как и осуществлявшиеся ими террористические акции, связывалось с организацией “Аль-Каида”» [9, с. 51]. И наряду с различными терактами, 27 августа 2009 г. сторонниками «заблудшей секты» было совершено беспрецедентное покушение на жизнь члена королевской семьи – попытка убить принца Мухаммеда бен Наефа бен Аб-дель Азиза, занимающего должность помощника министра внутренних дел по вопросам безопасности. По сути дела, лозунги религиозной оппозиции не отличались

¹ Например, 5 октября 2009 г. король Абдалла отстранил от должности члена Совета Высших улемов Саудовской Аравии шейха Саад бен Насер Аш-Шасри за то, что тот ранее обвинил власти в отходе от религиозных основ и традиций в связи с планами ввести в новом международном Университете науки и техники имени короля Абдаллы совместное обучение мальчиков и девочек.

² Термин «заблудшая секта» восходит к первой суре Корана. В Коране сказано: «Веди нас прямым путем, путем тех, кого Ты облагодетельствовал, не тех, на кого пал гнев, и не заблудших». Тем не менее сегодня данный термин стали чаще заменять определением «преступники-террористы». Скорее всего, такая формулировка позволяет справиться с задачей разделения таких понятий, как ислам и терроризм, в доказательство того, что они не имеют связи между собой. В данном контексте слово «секта» выступает более религиозным термином. Кроме того, используя его, приходится опираться на принадлежность к какой-либо религии, а в данном случае исламу.

ются от традиционных призывов ваххабитов к «очищению» ислама. Меняются лишь виновные в отходе от истинной веры – власть и клерикалы.

Экстремисты играют на одном поле с представителями официальной доктрины, и на сегодняшний день ни власти, ни духовенство не нашли эффективного способа искоренения религиозной оппозиции в собственной стране. Борьба с радикализмом экстремистских структур ведется путем арестов и понуждений к публичному раскаянию их членов. Вместе с тем в настоящее время такие меры по борьбе с оппозицией вызывают недовольство со стороны арабской молодежи, активизировавшейся после событий «арабской весны». Был отмечен даже ряд акций протеста, прокатившихся по стране. Поэтому руководство Саудовской Аравии, обеспокоенное политическими процессами, происходящими у ближайших соседей, заявило о выделении бюджетных средств на строительство жилья, об увеличении затрат на образование и социальные нужды, о дополнительном создании рабочих мест [10].

Вторая модель исламизации политики в шиитском государстве характерна для Ирана после исламской революции 1978–1979 гг. Похожая модель исламского государства не сложилась ни в одной другой стране исламского мира. Аятолла Хаменеи называет ее «исламским республиканским строем» [2], вышедшим не из восточных и не из западных режимов, а из ислама. Внешне иранский республиканский строй походит на западную демократию: здесь присутствуют система разделения властей и институт выборов, закрепленные Конституцией, утвержденной в декабре 1979 г. и дополненной в июле 1989 г. Тем не менее надзор над всеми процессами в стране осуществляют религиозные авторитеты, которые сами не терпят сравнения с Западом, а собственное присутствие на политической арене объясняют феноменом «религиозного народовластвия». Сочетание этих двух факторов – набора демократических институтов и противостояния Западу – является, по мнению Г. Фуллера, очень ценным и обеспечивает поддержку иранской модели в среде простых мусульман [17, с. 188]. Однако идея «экспорта исламской революции» не была воспринята однозначно в исламском мире. С одной стороны, в арабских странах, в которых почти 90% мусульман являются суннитами, мысль об организации исламского правления под руководством шиитского Ирана была чужда по причине доктринальных различий этих двух религиозных течений. Здесь Иран опирался в основном на шиитское меньшинство. А наиболее значимых результатов на волне распространения

нения идей исламской революции среди шиитов удалось добиться лишь в Ливане. Партия «Хезболла», которая и по сей день остается «головной болью» как для самого Ливана, так и для соседнего Израиля, была создана в 1982 г. при содействии Корпуса стражей исламской революции как филиал иранской организации с таким же названием. С другой стороны, для радикальных экстремистских организаций суннитского толка Исламская Республика Иран является примером исламского государства, которое они, по их заявлениям, стремятся построить.

Успеху исламской революции в самом Иране, по мнению главного научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений РАН Г.И. Мирского, способствовало сочетание трех составляющих – религиозной основы протестов, сильного лидера и конкретного врага [14]. До сих пор похожих условий, необходимых для смены режима в этой стране, создано не было. Тем не менее в акциях протesta против подтасовки голосов на президентских выборах, прокатившихся в июне и в декабре 2009 г., произошло «идеологическое столкновение» между сторонниками режима и оппозицией, хотя оппозиция – это довольно условное понятие для сторонников занявшего второе место после М. Ахмадинежада, кандидата на пост президента Ирана, экс-премьера Исламской Республики Мира Хосейна Мусави.

Целью уличных акций протеста был исключительно пересмотр итогов выборов, которые, по утверждению аятоллы Хаменеи, являются «символом исламского движения» [6]. Никакой принципиально новой предвыборной платформы Мусави не выдвигал, что позволяет сделать вывод о том, что даже в случае его победы на выборах¹ сильных изменений курса не ожидалось. Но какими бы ни были сегодня прогнозы развития ситуации в Иране, очевидным остается одно – митинги оппозиции в июне и декабре 2009 г. являются беспрецедентными для страны со времен исламской революции, что свидетельствует о высоком уровне недовольства населения политикой правящей верхушки.

¹ Предварительные опросы населения Ирана и популярность М. Ахмадинежада позволяют утверждать, что перевес в количестве голосов при проведении выборов без подтасовок все равно оставался бы на его стороне. Речь идет только о сокращении разрыва результатов голосования. По официальной информации по итогам выборов президент Ирана Махмуд Ахмадинежад одержал уверенную победу, набрав более 60% голосов, когда его основной соперник, Мир Хосейн Мусави – более 30%.

Тем не менее революционная волна 2010–2011 гг. в арабском мире затронула Иран лишь частично, не отразившись на сложившемся режиме. Прошли слухи о возможном импичменте М. Ахмадинежада из-за конфликта с аятоллой Хаменеи, вызванного отставкой одного из министров правительства. Хаменеи восстановил в должности уволенного министра, в связи с чем президент пошел на недельное бойкотирование своих должностных обязанностей. Однако так называемое «противостояние светской и религиозной властей в стране» разрешилось пока «бескровно», оставив после себя твердую уверенность в том, что религиозная власть в стране скорее пойдет на смену президента, чем согласится на полноценное или хотя бы частичное реформирование режима. И несмотря на то что в Иране развернулась широкая дискуссия, инициированная аятоллой Али Хаменеи, о возможности упразднения должности президента и усиления роли парламента, важно помнить о подконтрольности светских институтов верховному лидеру республики – аятолле Хаменеи, представляющему религиозную власть, из чего следует, что подобный вариант развития событий нельзя в полной мере назвать политической реформой.

Третья модель координации между светскими властями и исламскими радикалами сформировалась в политической жизни Ливана и Палестинских территорий (Сектор Газа и Западный берег реки Иордан), где исламские радикалы вышли на тот уровень, когда светские власти уже не могут с ними не считаться. Построение исламского государства здесь является программной задачей политических партий «Хезболла» и ХАМАС, которые широко представлены в местных парламентах. Но в то же время от лица этих организаций регулярно совершаются террористические акции и ведется борьба против Государства Израиль, что послужило причиной для их включения в международные списки террористических организаций большинства западных стран. Однако следует признать, что именно в этих двух странах основными причинами радикализации ислама в целом являются арабо-израильский конфликт и его последствия. Даже бывший премьер-министр Израиля Э. Барак в 2006 г. признал, что именно нахождение на территории Ливана израильских войск послужило толчком к образованию партии «Хезболла» [19, с. 478]. Похожий вывод справедлив и для партии ХАМАС. Как отмечают российские исследователи К.И. Поляков и А.Ж. Хасянов, «рост религиозных настроений в палестинском обществе стал в какой-то степени альтернативой светской трактовке борьбы за независимое государство палестин-

цев» [13, с. 146–152]. Директор Арабского медиапроекта в Кэмбридже Х. Хруб, например, считает ХАМАС «естественным предсказуемым ответом палестинцев на неестественные, бесчеловечные условия израильской оккупации» [18, с. IX].

Помимо внешних причин поддержки этих исламских партий значительной частью населения (что позволяет им находиться у власти на законных основаниях), можно сразу выделить еще и две внутренние причины, характерные как для Ливана, так и для Палестины: утрату доверия избирателей к светским политическим движениям в связи с их коррумпированностью и работающую социальную программу исламских партий. Можно также предположить, что за годы светского правления, население этих государств не получило требуемых минимальных социально-экономических благ, которые теперь пытаются рассмотреть в предлагаемых исламистами программах. По сути, поддержка на выборах радикалов – это ответ избирателей на систематическое неисполнение светскими партиями их предвыборных обещаний.

В сложившихся условиях светским властям приходится находить точки взаимодействия с радикалами и сотрудничать с ними в целях принятия решений по важным государственным вопросам и по вопросам управления государством. И кооперация не всегда проходит гладко. Наоборот, победа ХАМАС на выборах в Палестинский законодательный совет в 2006 г., по итогам которых представители движения заняли 74 из 132 мест в парламенте, например, привела к гражданской войне между основными участниками палестинской политики: светской националистической партией «Фатх» и исламскими радикалами. Перемирие, итогом которого должно стать проведение очередных муниципальных, парламентских и президентских выборов, а также формирование правительства национального единства, было достигнуто лишь в мае 2011 г. в ходе встречи руководства враждующих сторон в Каире. Однако на сегодняшний день дата новых выборов так и не назначена.

В Ливане ситуация несколько иная. Несмотря на популярность партии «Хезболла», пока существует система конфессионального деления политики Ливана, которая в соответствии с Таифскими соглашениями в долгосрочной перспективе должна

быть упразднена¹, она не сможет получить как минимум 30–40% депутатских мандатов, а ее лидер Хасан Насралла – стать президентом страны [3]. Тем не менее конфликты случаются во время формирования правительства национального единства. Например, в 2009 г. почти пять месяцев потребовалось, чтобы сформировать кабинет министров, тогда как треть министров были отправлены в отставку, что в итоге привело к отставке всего кабинета. Причиной кризиса и маршей протеста стала публикация документов специального трибунала ООН по Ливану, созданного для установления виновных в совершенном 14 февраля 2005 г. в Бейруте убийстве премьер-министра Рафика Харири и привлечения их к судебной ответственности. Кроме того, фиксируются и отдельные столкновения между этнорелигиозными группами. В частности, в Триполи летом 2012 г. отмечались вооруженные столкновения между жителями суннитских и алавитских кварталов.

Четвертая модель – «умеренный исламизм в политической системе» – встречается в Иордании и Марокко. В политический процесс в этих двух странах включены происламские силы, которые, как считается, «находятся в конструктивной оппозиции по отношению к властям и проводимой ими либерализации и демократизации, отражая в основном интересы неимущих слоев населения» [4]. По сути дела, в обмен на дозволение официального участия в политической жизни страны исламистские партии сохраняют лояльность по отношению к монархическому режиму и выступают за незыблемость устоев монархии². Подобный исла-

¹ Создание высшего совета по отмене конфессиональной системы в Ливане было предусмотрено в 1992 г. в соответствии с Таифскими соглашениями. Однако такой совет так и не был создан.

² Однако официальная идеология или позиция лидеров движения могут не совпадать с мнением простых участников и, более того, стать причиной раскола и радикализации отковавшихся группировок. Например, от марокканского движения «Справедливость и благодеяние», находящегося в оппозиции к правительству, но не к королевской власти, и получившего одно депутатское место на последних выборах в стране в 2007 г., отошла группа, выступающая за замену власти монарха советом улемов. Тем не менее само движение все еще остается промонархическим. Идеологический раскол, в ходе которого поднимался наряду с другими вопрос легитимности королевской власти, наблюдался и в строю иорданских «Братьев-мусульман» между двумя молодыми лидерами: Абу Мухаммедом Аль-Макдиси и Абу Мусабом Аз-Заракауи [7]. Первый в обмен на возможность участия в политическом процессе в стране отказался от излишне радикальных взглядов и продолжил заниматься партийным строительством Фронта исламского действия, а второй превратился в сторонника Осамы бен Ладена.

мистский активизм в научных кругах принято обозначать как умеренный исламизм, который, как отмечает востоковед-историк Б.В. Долгов, «отвергает практику политического террора и существует в форме легально действующих политических партий либо общественно-просветительских, благотворительных и правозащитных организаций» [5].

Тем не менее неприятие террора вовсе не означает умеренности в лозунгах и целях подобных политических сил, что заставляет задуматься об их действительной принадлежности к разряду умеренного направления ислама и обратить на них внимание. Например, иорданская оппозиционная партия «Фронт исламского действия» призывала арабский мир к единству в «священной войне против осквернения исламских святынь» Иерусалима, к поддержке «справедливого сопротивления арабского народа Палестины и к помощи ему людской силой и оружием» [15] и осудила визиты премьер-министра Израиля в Иорданию и президента США на Ближний Восток [16]. Но несмотря на остроту высказываний, официальная власть призывает к диалогу и совместной работе с исламистскими партиями, так как здесь полагают, что опасность экстремизма заключается именно в попытках его подавить и не дать обозначить свою точку зрения [1]. Такая политика имеет как свои преимущества (в частности, это дополнительная возможность показать Западу уровень развития демократических структур и плурализма в собственных странах, а также попытка убедить радикалов использовать законные методы политической борьбы с целью продвижения идеалов и утверждения собственной идеологии), так и недостатки (существующие исламские партии в этих странах не способны охватить весь происламский избирательный электорат, что в результате приводит к не спадающей активности внесистемных исламистских движений). В целом, политическая модель подобного рода показала свою относительную эффективность во время волны протестов, прокатившейся по Ближневосточному региону на рубеже 2010–2011 гг. Исламские протестные силы Иордании и Марокко сохранили свой статус умеренного оппозиционного движения, выступающего за конституционные и социально-экономические реформы, направленные на улучшение условий жизни граждан и на определенные политические преобразования, но действующие в рамках заданных системных парадигм. Поэтому

дена и создал ячейку «Аль-Каиды» «Джунд Аль-Шам» с зоной ответственности в Сирии, Ливане и Иордании.

все вышеизложенное позволяет утверждать, что политика вовлечения умеренных исламистов в политическую действительность отдельных государств, в которых, к примеру, имеются к этому определенные предпосылки и условия, позволяет избежать ситуации религиозно-идеологической напряженности, уводя страну от возможности вызревания радикальной исламской угрозы.

И, наконец, последняя устоявшаяся политическая модель – модель противостояния светских режимов и исламских радикалов, в которой светские власти сделали выбор в пользу борьбы с радикальной исламистской оппозицией, является наиболее распространенной в арабском мире. Происламские партии здесь запрещены, но исламисты иногда получают возможность участвовать в выборах в качестве независимых кандидатов. В государствах, выбравших за основу политического устройства указанную модель, прослеживается единая позиция – включение исламских радикалов в политический процесс влечет за собой угрозу создания реальной оппозиции существующей власти и государственному устройству. Это, в свою очередь, может вызвать дестабилизацию региона в целом, так как в большинстве мусульманских государств арабского мира правящий режим не поддерживает участие радикалов в политике собственных стран. Модель борьбы с радикальными происламскими движениями была выбрана государствами не сразу, а в силу их уникального исторического опыта. Кроме того, во всех странах, выбравших эту модель, террористическая активность исламских радикалов и их некая популярность в обществе проявляются по-разному. В частности, в Алжире исламисты исключены из политической жизни, но они по-прежнему противостоят власти, а их позиции до сих пор сильны. В Сирии вследствие событий «арабской весны» продолжаются гражданское противостояние и вооруженный конфликт¹.

В Ираке и Афганистане, несмотря на неурегулированность обстановки и на отсутствие авторитета светской власти на территории этих стран, представители этой власти встали на путь противостояния радикальной исламской агрессии и исключения из

¹ Включенность Сирии в данную политическую модель несет в себе в настоящее время некий элемент условности. Так, до событий «арабской весны» в этой стране не фиксировалась значительная исламистская террористическая активность, а радикальные идеи были мало популярны в среде местного населения. Но в дальнейшем многое будет зависеть от способа разрешения сложившегося политического кризиса.

официальной политической борьбы партий, строящихся на религиозной основе¹. Тем не менее перечисленные страны не являются единственными представителями данной политической модели. Однако в ходе смены политических режимов в ряде государств, максимально затронутых событиями «арабской весны», именно эта модель оказалась наименее устойчивой. Ряд стран по итогам революционной волны в арабском мире рубежа 2010–2011 гг., выразившейся, в частности, в смене политических режимов и в легализации прорелигиозных общественно-политических движений и партий, выделились из нее и оказались в несколько пограничном положении.

Теоретически, сам факт официального разрешения на участие в политике происламских сил выводит Тунис и Египет за скобки модели противостояния светских режимов и исламских радикалов, к которой они принадлежали ранее. В эту же модель вписывалась и Ливия со своей формой правления – Джамахирией. Однако однозначно вписать эти страны в какую-либо из существующих моделей уже сегодня представляется проблематичным, так как пока можно только предполагать, повлечет ли за собой легализация исламистов реальные изменения политической ситуации в стране и повлияет ли на расстановку политических сил. По той же причине рано говорить и о какой-либо отдельной модели, характерной исключительно для этих государств, пока не выяснился сугубо ее отличительные черты. Этим объясняется отнесение Туниса, Египта и Ливии к так называемой переходной модели с условием, что вектор развития исламизма по итогам событий «арабской весны» в этих государствах должен быть подробно исследован отдельно.

Подводя некий итог в рассмотрении политических моделей арабских стран в контексте исламского радикализма, можно сделать вывод, что те модели, в которых в той или иной мере присутствовала включенность религии, показали свою относительную стабильность перед лицом одного из важнейших испытаний на

¹ Однако официальная власть в этих странах занимает все еще хрупкое положение, а ее легитимность долгое время поддерживалась иностранным военным присутствием. Эффект этого присутствия двойкий: с одной стороны, западные воинские контингенты помогали обеспечивать порядок и относительную политическую стабильность, а с другой стороны, они выступали в качестве катализатора беспорядков и дестабилизатора обстановки, так как исламские радикалы использовали их как внешнего врага, против которого необходимо бороться.

прочность – революционной волны 2010–2011 гг., прокатившейся по региону. И напротив, в тех государствах, где прорелигиозные политические силы были исключены из легального политического процесса, произошли ключевые изменения. Так, в последних умеренные исламисты рассматриваются сегодня как возможная альтернатива предыдущему светскому режиму, тогда как в других странах этот вариант уже был частично опробован. Однако можно утверждать, что имевшие место в России прогнозы дестабилизации ситуации в связи с угрозой прихода к власти исламистов в случае смены политических режимов не оправдались и политические стереотипы относительно роли религии в государстве сохранились. В значительной степени сами представители радикальных религиозных течений оказались неподготовленными к революционному развитию событий и не смогли возглавить протестные движения. Тем не менее в ряде стран (Тунис и Египет) исламисты со сменой режима получили преимущество в качестве легализации собственного статуса. Вместе с тем говорить о коренном изменении политической модели в данных странах по типу ожидаемой американцами демократизации пока рано в силу отсутствия каких-либо последствий от подобной легализации и смены режима. В принципе, предпосылки вхождения происламских партий во власть сложились заранее: в Тунисе толчком послужило развитие плюрализма, в Египте – высокая активность «Братьев-мусульман» на протяжении их почти столетней истории.

В целом же описанные модели отличаются устоявшейся стабильностью, поддерживаемой сложившимися общественно-политическими устоями.

Литература

1. «Белая революция» в Иордании: интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом Королевства Иордания в РФ Абделем Илахом Курди. (<http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/03/523/61.html>)
2. Взгляд великого лидера Исламской революции на религиозное народовладение. (http://mssian.khamenei.ir/index.php?option=com_content&task=-view&id=354&Itemid=73)
3. Воловин А.А. «Кедровая революция»: Миф или реальность? (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/06 – 04 – 05.htm>)
4. Долгов Б.В. Между демократией и исламизмом: политическое развитие арабского мира. (http://www.perspektiv.info/misl/idea/mezhdu-demokratieiy_i_islamizmom_politicheskoe_razvitiye_arabskogo_mira_2009-2-30-37-50.htm)

5. Долгов Б.В. Политический ислам в современном мусульманском мире. ([http://www.perspeMvy.mfo/oylmmena/vosto\]^poHtichesM_musulmanskom_mire_2007-9-4-40-54.htm](http://www.perspeMvy.mfo/oylmmena/vosto]^poHtichesM_musulmanskom_mire_2007-9-4-40-54.htm))
6. Из выступлений великого лидера Исламской революции на церемонии 16-й годовщины со дня кончины Имама Хомейни (да будет над ним милость Аллаха!). (http://mssian.khamenei.ir/index.php?option==com_content-&task=view&id=260&Itemid=73)
7. Кирсанов Е.Е. Иорданские «Братья-мусульмане»: террористы или политики? (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/18-01-09a.html>)
8. Косач Г.Г. «Группа сорока четырех» наносит удар // НГ-религии. 21.10.2009.
9. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: внутриполитические процессы «этапа реформ» (конец 1990 – 2006 г.). – М., 2007.
10. Нечитайло Д.А. «Аль-Каида» на Аравийском полуострове в Саудовской Аравии (http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html)
11. Ньюби Г. Краткая энциклопедия ислама. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2007.
12. Осипов А. Саудовская Аравия: Проблемы модернизации. (http://www.rau.su/observer/N02_99/2_09.HTM)
13. Поляков К.И., Хасянов А.Ж. Палестина: Перспективы независимости и проблема лидерства // Политическая элита Ближнего Востока. – М., 2000.
14. Рачева Е. Аятолла сказал свое слово // Новая газета. – 2009. – № 65.
15. Фронт исламского действия призвал к «священной войне» против Израиля // Мир религий. – 2001. – 1 августа.
16. «Фронт исламского действия» против // Наш мир. – 2008. – 4 янв.
17. Fuller G. The future of political Islam. – New York: Palgrave Macmillan, 2003.
18. Hroub Kh. Hamas: a beginner's guide. – London: Pluto Press, 2006.
19. Norton A. The role of Hezbollah in Lebanese Domestic Politics // International Spectator. – 2007. – December 7.

«Исламоведение», 2013, № 2, с. 23–34.

А. Шишкина,
младший научный сотрудник НИУ ВШЭ
ИНТЕРНЕТ-ЦЕНЗУРА
И «АРАБСКАЯ ВЕСНА»*

Контроль над пространством виртуальной коммуникации в настоящее время остается одной из наиболее обсуждаемых общественных проблем, причем не только в России, но и за ее пределами. Уже в 1990-е годы, когда началось глобальное распространение Интернета, более чем в 30 странах мира были приняты или находились в процессе принятия законодательные акты, регламенти-

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

рующие контроль в виртуальной сфере¹. Как правило, внедрение подобного контроля уже тогда объяснялось такими причинами; как стремление оградить детей от нежелательной информации, укрепление общественной безопасности, пресечение попыток разжигания ненависти, прежде всего на этнической почве.

Интернет цензура в арабском мире имеет под собой не сколько оснований. Прежде всего это политические причины, особенно в странах с монархической формой правления, а также в авторитарных (или переходных) режимах. Цель фильтрации в данном случае сводится к ограничению доступа населения к тем сайтам, которые содержат сведения, угрожающие действующей власти; иногда сюда же можно отнести цензуру религиозных сайтов. Еще одним поводом для контроля над виртуальным пространством становится защита общественной морали; прежде всего это касается борьбы с детской порнографией и предотвращения межэтнической розни. Кроме того, сетевые ресурсы могут блокироваться из-за их связи с террористическими и экстремистскими группировками².

Коммуникационные сети в странах Ближнего Востока и Северной Африки всегда находились под пристальным контролем со стороны государства. Интересно, что эксперты Всемирного банка видели в этом обстоятельстве один из ключевых факторов, тормозивших экономический рост региона³. В докладах проекта «Open-Net Initiative» и организации «Репортеры без границ» неоднократно отмечалось, что власти арабских стран используют в виртуальном пространстве различные методы контроля и надзора, в том числе ограничение скорости передачи данных, фильтрацию электронных сообщений, мониторинг потенциально опасных сайтов и так далее⁴. Тем не менее, несмотря на довольно строгое регулирование Интернета в арабском мире в прежние годы, полное блокирование

¹ См., например: Cohen T. Censorship and the Regulation of Speech on the Internet. Johannesburg: Centre for Applied Legal Studies, 1997.

² Подробнее об этом см.: Шишкина А.Р. Инструменты контроля в виртуальном пространстве и социально-политические трансформации в арабских странах // «Вестник Одесского национального университета». 2013. Т. 18. № 2(18). С. 131–137.

³ Terrab M., Serot A., Rossotto C. Meeting the Competitiveness Challenge in the Middle East and North Africa. – Washington, D.C.: The World Bank Group, 2004.

⁴ Noman H. Middle East and North Africa, 2009. (<http://opennet.net/research/regions/mena>)

доступа в Интернет во время массовых протестов «арабской весны» стало принципиально новым феноменом.

Большинство тех стран, которые были охвачены веяниями «арабской весны», являются, по критериям, разработанным «Freedom House», несвободными или частично свободными¹. На протяжении многих лет их правительства контролировали содержание оппозиционных сайтов, блокировали зарубежные ресурсы, практиковали цензуру. Примечательно, что службы безопасности некоторых из этих стран (в особенности это касается Туниса и Египта), осознавая, по-видимому, потенциальную опасность социальных медиа, занимались разработкой специализированных систем наблюдения и цензуры, точечно ориентированных на социальные сети². Во время «арабской весны» уровень цензуры СМИ в рассматриваемых странах достиг беспрецедентной степени. Ограничение свободного пользования Интернетом, к которому прибегали власти для подавления беспорядков, в некоторых случаях служило непосредственным поводом для начала особенно бурных выступлений. Страны, охваченные веяниями «арабской весны», пережили не только отключения Интернета и перебои в работе мобильной связи, но также аресты блогеров и других пользователей Сети, что вызвало в международном сообществе обширную дискуссию о взаимосвязи доступа к Интернету и реализации прав человека.

Теперь более подробно рассмотрим то, как цензура виртуального пространства проявляла себя в тех арабских странах, которые были максимально затронуты волной социально-политических потрясений 2011–2012 гг.

Тунис. По степени развитости и распространенности Интернета страна лидирует во всей Северной Африке. Во время своего правления Зин аль-Абидин бен Али стремился предоставить доступ к Всемирной сети всем жителям страны, однако интернетцензура в то время тоже была весьма изощренной. В частности, имели место случаи привлечения к ответственности журналистов, которые публиковали в Сети материалы, предположительно содержащие «ложную» информацию, оскорблявшие президента или

¹ См.: Keizer G. Bahrain damps Down on Web Traffic as Violence Escalates // Computerworld. 2011. February 17. (www.computerworld.com/s/article/9210099/Bahrain_clamps_down_on_Web_traffic_as_violence_escalates)

² См.: York J. The Arab Digital Vanguard: How a Decade of Blogging Contributed to a Year of Revolution // Georgetown Journal of International Affairs. 2012. Vol. 13, № 1. P. 33–42.

покушавшиеся на сложившийся в стране политический порядок¹. Иначе говоря, инфраструктура цензуры виртуального пространства в Тунисе, возникшая задолго до волны социально-политических потрясений, уже была неотъемлемой частью коммуникационной политики властей, которая изначально предполагала возможность вмешательства со стороны правительственные служб. Роль частного сектора в развитии Интернета в Тунисе серьезно ограничивалась². Контроль над виртуальным пространством в этой стране сначала был нацелен на мониторинг списка доступных сайтов, затем на отслеживание электронной почты и коротких сообщений, а потом на внедрение фильтрации конкретных сетевых ресурсов. Параллельно совершенствовалась система слежки за линиями фиксированной телефонной связи, а также мобильной связи, операторов которой обязали содействовать государству в надзорной деятельности.

В конце 2010 г. служба безопасности социальной сети «Facebook» отмечала неоднократные обращения граждан Туниса с жалобами на то, что их страницы были взломаны или удалены. Позднее, в 2011 г. было установлено, что работа тунисских властей в Интернете действительно предполагала кражу пользовательских паролей в тех сетях, на страницах которых размещалась информация оппозиционного характера³. Во время «жасминовой революции» контроль сделался жестче: в Тунисе даже учредили специальное полицейское подразделение, занимавшееся борьбой с «подрывными» сайтами⁴. Идя на уступки оппозионерам, президент Бен Али согласился ослабить цензуру и освободить прессу; его решение воплотилось в жизнь, и тунисцы еще до краха старого режима получили доступ к ранее запрещенным ресурсам. Таким образом, по данным международных организаций, после свержения президента Бен Али контроль над Интернетом в Тунисе стал

¹ OpenNet Initiative. Country Profile: Tunisia. 2009. August 7. (<https://opennet.net/research/profiles/tunisia>)

² См.: After the Arab Spring: New Paths for Human Rights and the Internet in European Foreign Policy. European Parliament. Directorate-General for External Policies. Policy Department. 2012. (www.europarl.europa.eu/committees/en/studiesdownload.html?languageDocument=EN&file=75431)

³ Madrigal A. The Inside Story of How Facebook Responded to Tunisian Hacks // The Atlantic. 2011. January 24. (www.theatlantic.com/technology/archive/2011/01/the-inside-story-of-how-facebook-responded-to-tunisian-hacks/70044/)

⁴ См.: Mejias U. The Twitter Revolution Must Die (<http://blog.ulisesmejias.com/2011/01/30/the-twitter-revolutionmust-die/>)

заметно мягче: в частности, была снята фильтрация социальных сетей и YouTube. В итоге уже в 2011 г. «Репортеры без границ» перевели Тунис из категории стран – «врагов Интернета» в разряд стран, находящихся «под наблюдением»¹. В свою очередь группа «OpenNet Initiative» отметила в 2012 г. отсутствие в стране явных признаков сетевой цензуры².

Египет. В отличие от Туниса, сетевая цензура в Египте была менее жесткой и носила характер скорее общего наблюдения, нежели тотального отслеживания информационных потоков. В президентство Хосни Мубарака прямой цензуры виртуального пространства вообще не было: контролю подвергались лишь наиболее радикальные активисты. Не удивительно, что в 2009 г. специалисты проекта «OpenNet Initiative» отмечали общее отсутствие фильтрации информационного поля в Египте. Тем не менее, по данным организации «Human Rights Watch», блогеры наряду с представителями печатной прессы нередко подвергались задержаниям и арестам на неопределенное время за публикацию материалов, противоречивших версиям официальных СМИ.

Во второй половине января 2011 г., в разгар антиправительственных выступлений, служба государственной безопасности Египта заблокировала доступ к сервисам «Twitter» и «Facebook». В ночь на 27 января правительство Мубарака предприняло попытку вообще отключить Интернет, закрыть официальные домены, а также ограничить мобильную связь³. И если доступ к внутренним сетевым ресурсам был еще возможен, то значительная часть египетских сетей, как и внутренняя система в целом, понесла серьезный ущерб ввиду своей зависимости от иностранных систем – таких как «Google», «Microsoft», «Yahoo»⁴. К началу антиправительственных выступлений в Египте работали пять утвержденных правительством интернет-провайдеров: «Link Egypt», «Vodafone», «Egypt/Raya», «Telecd Egypt» и «Etisalat Misr». Соответственно, отключение связи обеспечивалось административным воздействием

¹ Reporters Without Borders. Countries Under Surveillance: Tunisia. 2011. (<http://en.rsf.org/surveillance-tunisia,39747.html>)

² OpenNet Initiative. Summarized Global Internet Filtering Data Spreadsheet. 2012. (<https://opennet.net/research/data>)

³ Woodcock B. Overview of the Egyptian Internet Shutdown. (www.pch.net/resources/misc/Egypt-PCH-Overview.pdf)

⁴ Glanz J., Markoff J. Egypt Leaders Found «Off» Switch for Internet // The New York Times. 2011. February 16. (www.nytimes.com/2011/02/16/technology/16internet.html?r=2&pagewanted=all&)

на указанные службы: так, на официальном сайте «Vodafone» появилось заявление о том, что египетские операторы вынуждены прекратить оказание услуг, не имея никаких иных альтернатив¹. При этом, разумеется, ограничение мобильной связи и сетевого трафика в первую очередь затронуло представителей среднего класса, которые, лишившись доступа к Интернету, информационным источникам, выходили на улицы, чтобы получать информацию «из первых рук», и зачастую присоединялись к протестным акциям². В итоге ограничительные меры правительства вели фактически к еще большей эскалации внутриполитической напряженности.

Падение режима Мубарака, по-видимому, не привело к существенному ослаблению репрессивных ограничений в коммуникационной сфере. Напротив, с подачи Высшего совета Вооруженных сил участились аресты и задержания журналистов и блогеров (первым после ухода Мубарака политзаключенным стал блогер Майкель Набиль Санад, обвиненный в критике армейского руководства), а манипуляции в сфере СМИ сфокусировались в основном на интернет-ресурсах. Это в свою очередь спровоцировало, в том числе за пределами арабского мира, ряд общественных кампаний в поддержку сетевых активистов, пострадавших от неправомерных действий египетских властей.

Ливия. Со свержением режима Muammar Kadhafi, который предпринимал попытки ограничения новостных потоков путем сокращения доступа к Интернету, в Ливии завершился период цензуры виртуального пространства. При Каддафи избирательному контролю подвергались лишь некоторые оппозиционные сайты, однако правовая и политическая обстановка в стране поощряла самоцензуру на всех остальных ресурсах. В частности, под негласным запретом оказались любые сообщения, содержащие критику правящего режима, а также касавшиеся положения берберского меньшинства и уровня коррупции в стране³. В Ливии, как и в остальных странах «арабской весны», социальные медиа использо-

¹ Chen T. Governments and the Executive «Internet Kill Switch» // IEE Network: The Magazine of Glob Internetworking. 2011. February. (<http://ieeexplore.ieee.org/stamp/stamp.jsp?tp=&arnumber=5730520>)

² Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута XXI века. М.: Либроком, 2012. С. 62.

³ OpenNet Initiative. Country Profile: Libya. 2009. August 6. (<https://opennet.net/research/profiles/libya>)

вались в качестве инструмента мобилизации населения и подготовки акций протеста, а также как площадка для освещения происходящих событий. Во время ливийской революции 2011–2012 гг. акцент делался на международное вещание, поскольку тогда сравнительно немного жителей страны, лишь около 5%, имели доступ к Интернету. Кроме того, к началу протестов содержание сайтов уже контролировалось правительством, а к марта 2011 г. Интернет был практически полностью отключен¹.

В то время, когда государственные СМИ транслировали в основном акции в поддержку Каддафи, на страницах в «Facebook» регулярно появлялись фото- и видеоматериалы, представлявшие альтернативные версии событий². Несмотря на то что «Facebook» и «Twitter» были заблокированы властями, пользователям удавалось обходить ограничения с помощью спутниковой связи, прокси-серверов и прочих технических уловок. Кроме того, с началом антиправительственных выступлений некоторые ливийские активисты перебрались в Египет, чтобы иметь возможность оттуда распространять информацию о событиях в своей стране. Следуя египетскому примеру, Ливия тоже пошла по пути отключения Интернета во время протестных движений, однако вместо полного блокирования всех форм виртуальной коммуникации правительством применялось избирательное ограничение доступа к некоторым сайтам. Доступ к государственным ресурсам при этом сохранялся.

Исторически Ливия отличалась довольно низким уровнем распространения интернет-технологий – во всяком случае по сравнению с ее соседями. После внешнего вооруженного вмешательства в ливийский конфликт и последующего перехода страны в состояние перманентной гражданской войны средства массовой информации, равно как и контроль над ними, пребывают в упадке. Иначе говоря, цензуры виртуального пространства в сегодняшней Ливии нет, поскольку Интернет как феномен социальной жизни там отсутствует.

Сирия. Сирийские средства массовой информации традиционно подвергались строгому контролю и цензуре. В отличие от других стран региона, практикующих подобные ограничения –

¹ Moore J. Did Twitter, Facebook Really Build a Revolution? // Christian Science Monitor. 2011. June 30 (www.nbcnews.com/id/43596216/ns/technology_and_sciencechristian_sciencemonitor/t/did-twitter-facebook-really-buildrevolution)

² New Media Emerge in «Liberated» Libya // BBC News. 2011. February 25. (www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-12579451)

прежде всего Туниса, – структура Интернета в Сирии не столь развита, а это означает, что на информационные потоки, которые и без того слабы, накладываются дополнительные административные сдержки¹. Кроме того, наблюдение за Сетью и телекоммуникациями используется властями для вычисления и отслеживания наиболее активных блогеров. Среди распространенных механизмов контроля, применяемых в Сирии, были зафиксированы использование фальшивых сертификатов безопасности, а также подмена имен пользователей и паролей в социальных сетях².

С 2006 г. Сирия внесена организацией «Репортеры без границ» в список стран – «врагов Интернета»³. Для такого решения имелось множество оснований. Так, примерно с этого времени сирийские службы безопасности ведут постоянно наблюдение за поведением оппозиционеров и просто блогеров в сетевом пространстве, а основные провайдеры Интернета блокируют свыше 100 сайтов, в том числе исламистских; при попытке посетить ресурс вместо информации на экране появляется сообщение «доступ запрещен». Даже столь популярные социальные ресурсы, как «Facebook» или «YouTube», были закрыты властями без каких-либо объяснений. В тех сирийских интернет-кафе, где доступ к социальным сетям еще возможен, пользователи находятся под пристальным наблюдением секретных служб. Заблокированными оказались арабская версия ресурса «Wikipedia», почтовый сервис «Hotmail» и один из крупнейших интернет-магазинов «Amazon»⁴. Официальное разрешение на использование высокоскоростного доступа к ранее запрещенным сервисам и социальным сетям появилось только в начале 2011 г., чем не преминули воспользоваться активисты сетевых сообществ.

Стоит отметить, что Интернет в Сирии обеспечивается единственным провайдером «Syriatel», находящимся в собственности

¹ См.: Deibert R., Palfrey J., Rohozinski R., Zittrain J. Access Controlled: The Shaping of Power, Rights, and Rule in Cyberspace. Cambridge: MIT Press, 2010. P. 7. (www.worldcat.org/title/access-controlled-the-shaping-of-power-rights-and-rule-in-cyberspace/oclc/457159952&referer=brief_results)

² Reporters Without Borders. Internet Enemies: Report 2012. (http://en.rsf.org/IMG/pdf/rapport-internet_2012_ang.pdf)

³ Idem. Internet Enemies: Syria. 2011. (http://en.rsf.org/syria-syria-12-03-2012_42053.html)

⁴ Red Lines that Can Not Be Crossed. The Authorities Don't Want You to Read or See Too Much // The Economy 2008. July 24. (www.economist.com/node/11792330)

государства. Не удивительно, что в ходе отключений во время «арабской весны» доступными оставались лишь правительственные сайты, которые, впрочем, работали медленнее, чем обычно¹. Помимо социальных сетей, заблокированным оказался и доступ к таким ресурсам, как шведский сайт «Bart-buser», позволяющий пользователям размещать в Интернете видеоматериалы, снятые на мобильный телефон. К слову, «Bambuser» попал под запрет и в других арабских странах – в частности, в Египте и Бахрейне.

Интересен феномен так называемой «сирийской электронной армии» – организации, действующей при негласной поддержке правительства и занимающейся взломом или блокировкой недружественных властям сайтов. Сирийская электронная армия препятствует доступу сирийцев к сетевым страницам (некоторых СМИ, включая «Al Jazeera», «BBC News» и др.², а также занимается размещением материалов в поддержку президента Башара аль-Асада на «Facebook». Именно ее усилиями сетевые страницы с информацией о готовящихся или уже состоявшихся демонстрациях заполнялись ключевыми словами, отсылающими на спортивные каналы или туристические фотографии с видами Сирии. В целях дискредитации протестной активности на страницах оппозиционеров ею же размещались призывы к насилию.

Тем не менее в Сирии более широко по сравнению с другими странами «арабской весны» развивается гражданская интернет-журналистика, которая в ходе затяжного сирийского конфликта фактически слилась воедино с другими формами гражданской активности. Так, обычные граждане, вовлеченные в те или иные события на территории страны, фиксировали документальные свидетельства происходящего и по возможности распространяли их. Из-за неполноты или несоответствия действительности сообщений местных и зарубежных СМИ подобная информация выступает для многих внутренних и внешних наблюдателей едва ли не единственным источником новостей.

Бахрейн. Несмотря на то что в этой стране на протяжении многих лет материалы Интернета подвергались неусыпной и строгой цензуре, с 14 февраля 2011 г., когда в королевстве начались

¹ Cowie J. Syrian Internet Shutdown // The Huffington Post. 2011. June 3. (www.huffingtonpost.com/jim-cowie/syrian-internet-shutdown_b_870920.html)

² OpenNet Initiative. Syrian Electronic Army: Disruptive Attacks and Hyped Targets. 2011. June 26. (<https://opennet.net/syrian-electronic-army-disruptive-attacks-and-hyped-targets>)

протестные выступления, контроль над виртуальным пространством заметно усилился. Уже к середине февраля трафик в Бахрейне сократился на 20% по сравнению с тремя предыдущими неделями, что свидетельствовало о введении дополнительных ограничений для пользователей Интернета. Кроме того, власти обеспечили существенное снижение скорости передачи данных, которое затруднило загрузку и пересылку фото- и видеоматериалов, размещенных очевидцами событий. В частности, заблокированными оказались соответствующие страницы «YouTube» и «Facebook», а также другие площадки, позволявшие пользователям размещать информацию с помощью сервиса микроблогов «Twitter».

Спустя год, в феврале 2012 г., страна пережила новую волну ограничений: новшества вылились, в частности, в блокирование независимых новостных сайтов и очередное сокращение скорости передачи данных. Закрытыми оказались такие ресурсы, как, например, live973.info или mixlr.com, где в режиме реального времени производились аудио- и видеотрансляции оппозиционных демонстраций. Кроме того, жители Бахрейна оказались отрезанными от доступа к магазину приложений «Apple» для айфонов и айпадов. Та же судьба: постигла и сайт Witnessbahram.org, создатели и активисты которого были арестованы. Репрессиям также подвергались блогеры, журналисты, правозащитники, активно высказывающиеся в Сети; так, был арестован Хуссейн Али Макки, администратор страниц «Facebook» и «Twitter», а также одного из главных новостных ресурсов, освещавших нарушение прав человека в Бахрейне, – «Rasad News»¹.

По сравнению с другими странами региона уровень распространения Интернета в Бахрейне весьма высок, хотя доступ населения к электронным технологиям заметно ограничен. Как и в других арабских странах, здесь на протяжении нескольких лет существует система официального лицензирования правительством не только газет, но и материалов, размещенных на интернет-сайтах и в блогах. В январе 2009 г. Министерством культуры и информации было издано постановление, регулирующее процедуры блокирования и разблокирования сайтов, в соответствии с которым всем интернет-провайдерам предписывались обязательные приобретение и установка программного обеспечения – выбираемого

¹ Reporters Without Borders. Internet Enemies: Report 2012.

министерством и эксплуатируемого исключительно его специалистами – для блокирования тех или иных ресурсов.

Согласно данным проекта «OpenNet Initiative», интернет-цензура в Бахрейне широко применяется в социальной и политической сферах, присутствует в процессах разработки и внедрения сетевых технологий, носит избирательный характер¹. Кроме того, с началом антиправительственных выступлений контроль над Интернетом стал использоваться спецслужбами для отслеживания местонахождения конкретных пользователей.

Йемен. Из-за хронической внутренней напряженности цензура в виртуальном пространстве Йемена в годы, предшествовавшие «арабской весне», значительно усилилась. Это, в частности, выразилось в блокировании политической информации: был закрыт доступ к видеосвидетельствам протестов на юге страны, выложенным на «YouTube» (власти заявили, что они содержат порнографию)², а большинство прокси-серверов оказались недоступными. Пристальное наблюдение за активностью блогеров, присутствие полицейских в общественных интернет-кафе, как и аресты журналистов, также не обошли стороной Йемен. Ужесточение информационной политики оправдывалось йеменскими властями желанием защитить общественную мораль: так, новостной сайт саудовской компании «Элаф», управляемый из Лондона, был на некоторое время заблокирован под предлогом размещения материалов сексуального характера, хотя истинной причиной запрета доступа стала публикация материалов, содержащих критику президента Али Абдаллы Салеха и его старшего сына.

Отличительной чертой Йемена является племенная структура общества, допускающая контроль конкретных этнических групп над различными сферами экономики, в том числе и над коммуникациями. На это накладывается масштабная цензура средств массовой информации со стороны государства, в результате которой Йемен оказался изолированным от внешнего мира в информационном плане. Внутри страны также практикуются серьезные ограничения на распространение информации. Так, в 2008 г. Министерство информации объявило, что в судебном порядке будут преследоваться пользователи, публикующие материа-

¹ OpenNet Initiative. Country Profile: Bahrain. 2009. August 6. (<https://opennet.net/research/profiles/bahrain>)

² Novak J. Internet Censorship in Yemen // Yemen Times. 2008. March 3. (<http://janenovak.wordpress.com/2008/03/06/intemet-censorship-in-yemen/>)

лы, которые способны разжечь национальную вражду, оскорбить религиозные или моральные чувства, причинить вред национальным интересам¹. Кроме того, условия пользования услугами компании «TeleYemen», единственного провайдера мобильной связи и Интернета, запрещают отправку сообщений, подрывающих моральные, религиозные общественные или политические основы государственности. Провайдер, таким образом, оставляет за собой право доступа к пользовательским данным в любое время.

Что касается использования интернет-ресурсов во время народных выступлений «арабской весны», то, несмотря на попытки правительства Йемена ограничить доступ к социальным сетям, демонстрантам удавалось слаженно координировать свои действия². Возможно, это объясняется тем, что оппозиционная молодежь, впитавшая опыт каирской площади Тахрир, опиралась не столько на виртуальные коммуникации, сколько на живое общение. В частности, в столице страны был организован палаточный лагерь с собственным информационным и пресс-центром, пользоваться которым могли все желающие.

* * *

В ходе антиправительственных демонстраций, сопровождавших «арабскую весну», власти нередко предпринимали попытки остановить протесты посредством отключения Интернета, ограничения доступа к определенным сайтам, а также блокирования мобильной связи. В целом такие меры не только не снижали революционную активность, но порой даже усиливали ее. Кроме того, они оказали не самое благоприятное воздействие на экономические показатели, поскольку информационно-коммуникационная сфера, например, в Египте, выступает важной составляющей национальной экономики (по данным Организации экономического сотрудничества и развития, отключение телекоммуникационных и интернет-услуг обошлось Египту в 90 млн долл. США). В то время как ограничения, устанавливаемые правительствами, в частности блокировка конкретных ресурсов по IP-адресу, легко преодолевались с помощью специальных программ, масштабные отключения Интернета оборачивались приостановкой или даже

¹ Online Journalism Is Subject to the Penal Code: Lawzi, Yemeni Minister of Information // Saba. 2008. February 3. (www.yemenna.com/vb/showthread.php?t=9502)

² См.: Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Сирия и Йемен: Неоконченные революции. – М.: Либроком, 2012. – С. 48.

временным замораживанием общественной и политической жизни в странах, которые рискнули вводить подобные меры.

Закрытие виртуальных площадок, которые изначально создавались для тривиального использования – обмена сообщениями, просмотра фото и видео, способно провоцировать повышенный интерес пользователей к политическим вопросам¹. Как следствие оно оборачивается политизацией тех групп населения, которые прежде отличались пассивностью или индифферентностью.

После свержения диктаторских режимов в Тунисе, Египте и Ливии наметилось определенное ослабление контроля над средствами массовой информации, в том числе и социальными медиа. Однако противоречивость политической и правовой ситуации в этих странах не позволяет делать однозначных прогнозов на будущее: новая власть, провозглашавшая свободу доступа к Интернету на начальных этапах политической борьбы, сталкивается с многочисленными проблемами, подталкивающими ее к сохранению тех или иных разновидностей цензуры.

Потрясения «арабской весны» выплеснулись за пределы арабского мира, оказав заметное влияние на революционные настроения в других странах и регионах: так, представители движения «Occupy Wall Street» открыто признавали, что вдохновлялись событиями на севере Африки². Однако в то время, как власти арабских стран шли по пути ограничения или блокировки информационных потоков, что в итоге лишь ухудшило ситуацию, в США и некоторых европейских странах властям удавалось договариваться с протестующими, внедряя «переговорщиков» в социальные сети, где обсуждалась подготовка будущих акций. В результате количество потенциальных жертв и объемы разрушений сводились к минимуму. Из арабского опыта взаимодействия власти и общества в виртуальном пространстве могут быть извлечены уроки и для России. Так, учитывая все возможные издержки, отказ от применения репрессивных механизмов в виртуальной среде выглядит предпочтительнее запретов, особенно в таких центрах оппозиционной активности, как Москва, Санкт-Петербург и некоторые другие крупные города.

«Неприкосновенный запас», М., 2014 г. № 1, с. 144–155.

¹ Zuckerman E. Civic Disobedience and the Arab Spring. (www.ethanzuckerman.com/blog/2011/05/06/civic-disobedience-and-the-arabspring/)

² Stebbins W. Social Media and the Arab Spring: Where Did They Learn That? (<http://menablog.worldbank.org/social-media-and-arab-spring-where-did-they-learn>)

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2014 – 8 (266)**

Научно-информационный бюллетень

**Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам**

Художественный редактор Т.П. Солдатова

**Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева**

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

**Подписано к печати 28/VII-2014 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,8 Уч.-изд. л. 10,2
Тираж 300 экз. Заказ № 96**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

**Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9**

